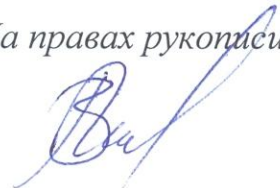

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина»

На правах рукописи

Максимов Владимир Олегович

**ВАРИАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО
ФАМИЛЬНОГО АНТРОПОНИМИКОНА:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Щербак Антонина Семёновна

Тамбов, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Общая характеристика работы. Из истории изучения современных русских фамилий	11
2. Общее и специфическое в русских фамильных антропонимах	15
3. Способность именных и фамильных антропонимов к вариативности	29
Выводы	33
ГЛАВА I. ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОГО ФАМИЛЬНОГО АНТРОПОНИМИКОНА	35
1.1. Эпоха средневековья	35
1.2. Период XVII–XVIII веков	56
1.3. XIX век и отмена крепостного права	84
1.4. Период XX–XXI веков	97
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.	113
ГЛАВА II. ВАРИАТИВНОСТЬ В РУССКОМ ФАМИЛЬНОМ АНТРОПОНИМИКОНЕ И КОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА АНТРОПОНИМА-ТЕКСТА	116
2.1. Гипотеза о фамильном антропониме как о свёрнутом структурированном тексте.	116
2.2. Этимологический компонент	153
2.3. Этнографический компонент	166
2.4. Социокультурный компонент	173
2.5. Статистический компонент	177
2.6. Географический компонент	184
2.7. Структурно-словообразовательный и фонетический компонент	189
2.8. Компонентная структура фамильного антропонима-текста как алгоритм создания «Нового словаря фамилий жителей г. Москвы»	195
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II. .	204

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	207
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	210
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ	219
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	223
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Из опыта картографирования фамильных антропонимов	228
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Из проекта «Нового словаря фамилий жителей Москвы»	237
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Примеры объявлений о перемене фамилии гражданами СССР	275

ВВЕДЕНИЕ

Имена собственные составляют значительную часть русской лексики. Они образуют особую систему, элементы которой обладают рядом специфических качеств, не свойственных нарицательной лексике. В связи с этим без их изучения наше представление о языке является неполным. Между тем, до настоящего времени подвиды русских имён собственных исследованы ономастами в разной степени. Один из таких недостаточно изученных элементов – фамильные антропонимы. Авторы большинства работ, посвящённых русским фамильным антропонимам, рассматривали их преимущественно в аспекте диахронии, выявляли этимологию их производящих основ. В последние годы возрос интерес к проблематике синхронии функционирования имён собственных, однако фамильные антропонимы в синхроническом аспекте практически почти не рассматриваются, что и обусловило **актуальность данного исследования**.

Объектом нашего научного исследования послужили русские фамильные антропонимы как факт русской культуры и языковой действительности.

Предметом исследования стали истоки и алгоритмы вариативности русских фамильных антропонимов, рассматриваемые параллельно в диахронии и синхронии.

Цель исследования – выявить структуру плана содержания русских фамильных антропонимов в синхронии и диахронии на основе их комплексного анализа, определить условия и закономерности актуализации компонентов данного плана содержания в речевой коммуникации и способы презентации их информационного содержания.

Для достижения поставленной цели был решён ряд конкретных **задач**, позволяющих:

1) очертить круг фамильных антропонимов, которые могут быть отнесены к категории, определяемой как *русские фамильные антропонимы*;

2) определить основные исторические этапы формирования русского фамильного антропонимикона и способы образования русских фамильных антропонимов;

3) выявить особенности функционирования фамильных антропонимов в речи на основании анализа разных типов речевых коммуникативных актов;

4) проанализировать закономерности актуализации разных компонентов структуры плана содержания русских фамильных антропонимов в ходе различных актов речевой коммуникации и предложить классификацию этих компонентов;

5) разработать на основании выявленных компонентов новый способ их репрезентации, включая создание новых лексикографических источников.

Гипотеза исследования. План содержания русского фамильного антропонима, по нашим представлениям, обладает признаками и качествами определённым образом структурированного свёрнутого текста, информационное содержание компонентов которого в той или иной степени и форме актуализируется в процессе актов речевой коммуникации.

Методологической основой исследования послужили основополагающие работы лингвистов, рассматривающих фамильные антропонимы как элемент общей системы имён собственных (А.В. Суперанская), как социальный знак (В.Д. Бондалетов, В.А. Никонов, А.В. Суперанская), как особую структурированную систему собственных имён (Б.-О.Унбегаун, М.В. Горбаневский), как памятники русской истории и культуры, отразившие этапы становления Русского государства, миграционных процессов, происходивших на протяжении всего II тысячелетия (М.В. Бирилло, В.И. Болотов, В.А. Никонов, Ю.К. Редько, А.М. Селищев, А.С. Щербак и др.).

Теоретической базой диссертационного исследования послужили фундаментальные труды учёных в области словообразования и морфологии (Т.И. Вендина, В.В. Виноградов, В.В. Лопатин и др.); истории языка, этимологии и славистики (Ю.В. Откупщиков, А.М. Селищев, О.Н. Трубочёв

и др.); диалектологии (Ф.П. Филин и др.), семантики и семасиологии (Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, Н.Н. Болдырев и др.).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что предложен комплексный анализ фамильного антропонимикона. Анализу в диахроническом и синхроническом аспектах подвергается конкретный пласт русского ономастикона в виде особой языковой системы. Впервые рассмотрен план содержания русского фамильного антропонима как определённым образом структурированный свёрнутый текст, определена структура плана содержания фамильного антропонима в виде виртуальной пространственной 3D-модели, предложена концепция нового типа словаря фамилий жителей города Москвы и структура его словарной статьи, вводится в оборот новая концепция вариативности фамильных антропонимов, реализуемой в зависимости от особенностей акта речевой коммуникации.

Теоретическая значимость исследования связана с дальнейшей разработкой теории функционирования фамильных антропонимов в различных типах актов речевой коммуникации, а также теории актуализации компонентов структуры плана содержания фамильного антропонима в зависимости от целей, задач и условий конкретного коммуникативного акта.

Положения, выносимые на защиту:

1. Явление вариативности в ономастической лексике можно рассматривать как сочетание и взаимодополнение двух аспектов: историко-этимологического (диахронный) и функционально-речевого (синхронный).

2. Фамильные антропонимы обладают определёнными качествами и признаками свёрнутого текста, хранящего информацию, которая в том или ином объёме актуализируется в процессе различных актов речевых ономастических коммуникаций. Представление о фамильном антропониме как о свёрнутом тексте дает более полное и объективное знание о функционировании антрополексеми в речи, о способах актуализации тех или иных компонентов её плана содержания.

3. В структуре плана содержания фамильного антропонима можно выделить шесть тематических информационных компонентов: этимологический, социокультурный, этнографический, географический, структурно-словообразовательный и фонетический, статистический.

4. Качественная и количественная составляющая актуализируемого лингвистического и экстралингвистического материала в каждой конкретной речевой ситуации зависит от ряда тематических информационных компонентов.

5. Процесс актуализации информационных компонентов фамильного антропонима-текста находит отражение в виртуальной пространственной 3D-модели, являющей собой куб, на гранях которого отражается часть содержания конкретного компонента.

6. Виртуальная пространственная 3D-модель является собой новый инструментарий, использование которой позволяет перейти к созданию «Нового словаря фамилий жителей города Москвы» и автоматизированной гипертекстовой информационно-исследовательской системы «Русские фамилии».

Методы и приемы исследования, используемые в работе, связаны с описанием антропонимических единиц, их классификацией; применялись методы наблюдения, сопоставления, обобщения и интерпретации изучаемого материала; по отношению к анализу структуры плана содержания фамильных антропонимов использовались сравнительно-исторический и статистический методы с целью выяснения общей и региональной частотности конкретных фамильных антропонимов в синхроническом аспекте и определения частотности их производящих основ и элементов словообразовательной структуры с точки зрения диахронии; при определении региона возникновения фамильного антропонима, путей миграции населения, а также его ареала в разные исторические периоды, а также для систематизации и иллюстрации полученных данных применялся метод картографирования.

Материалом для анализа стала база фамилий, бытующих в России и странах ближнего и дальнего зарубежья, составленная за период с 1996 по 2015 год в Информационно-исследовательском центре «История фамилии» (основан автором данного исследования в 1996 г.) в результате комплексных исследований личных имён и фамильных антропонимов, проводившихся по запросам частных лиц и организаций. Детальному и многоплановому изучению были подвергнуты за указанный период более 30000 фамильных антропонимов, принадлежащих представителям разных национальностей, проживающих в различных регионах Российской Федерации и мира. Общая картотека фамильных антропонимов ИИЦ «История фамилии», по которым была проведена предварительная работа по классификации типов производящих основ и словообразовательных компонентов, их региональной и языковой принадлежности, национальной принадлежности их носителей и т.д., составляет более 200000 единиц.

Практическая значимость обусловлена использованием результатов исследования при создании «Нового словаря фамилий жителей г. Москвы», при дальнейшей разработке гипертекстовой базы «Русские фамилии»; в разработке лекционных курсов по лексикологии, лингвокультурологии, русской диалектологии, страноведению и краеведению, при проведении спецкурсов и спецсеминаров по истории языка, ономастике, в практике этимологических исследований, в решении лексикографических задач.

Апробация работы: основные положения диссертации изложены в 29 статьях, включая 5 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, а также в докладах на международных, общероссийских и межвузовских конференциях: V Международная научная конференция «Современные проблемы лексикографии» (Харьков, 1999); Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (X, Уфа, 2006; XI, Йошкар-Ола, 2008; XIV, Тверь, 2014), «Экология языка и речи» (Тамбов, 2011, 2012, 2014).

Структура: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка словарей, списка источников

фактического материала, трёх приложений: в Приложении № 1 представлены 15 примеров картографирования фамильных антропонимов, восходящих к личным антропонимам, а также связанных с ними топонимами; Приложение № 2 содержит 25 примеров словарных статей из «Нового словаря фамилий жителей города Москвы»; в Приложении № 3 приводятся примеры объявлений о перемене фамилии гражданами СССР в 30–70 гг. XX века.

Во **Введении** обосновывается актуальность, новизна работы, определяется объект, предмет, материал и методика исследования, описываются особенности основных этапов развития русской антропонимики и выявляются особенности именных и фамильных антропонимов, предлагается определение понятия *русская фамилия* обосновывается термин «вариативность».

В **Первой главе** *«Динамические процессы в формировании русского фамильного антропонимикона»* описываются основные этапы становления русского фамильного антропонимикона, в диахроническом аспекте рассматриваются истоки вариативности современных русских фамильных антропонимов.

Во **Второй главе** *«Вариативность в русском фамильном антропонимиконе и компонентная структура антропонима-текста»* вводятся понятие *«речевая ономастическая ситуация»* и авторское представление о вариативности фамильных антропонимов; обосновывается концепция о фамильном антропониме как об определённом образом структурированном свёрнутом тексте, производится анализ структуры его плана содержания и предлагается виртуальная 3D-модель, описывающая способы актуализации компонентов фамильного антропонима-текста в ходе различных актов речевой коммуникации; доказываемая возможность использования компонентной структуры фамильного антропонима-текста в качестве алгоритма создания «Нового словаря фамилий жителей г. Москвы», в автоматизированной гипертекстовой информационно-исследовательской системе «Русские фамилии».

В **Заключении** подводятся итоги проведённого исследования и в обобщённом виде излагаются результаты исследования, намечаются дальнейшие возможности и перспективы их практического использования при создании «Нового словаря фамилий жителей г. Москвы», информационно-исследовательской гипертекстовой базы «Русские фамилии» и иных ономастических словарей нового типа.

Приложение №1 содержит 15 примеров картографирования фамильных антропонимов, восходящих к основам личных антропонимов, а также связанных с ними топонимов.

В **Приложении №2** представлено 25 примеров словарных статей из «Нового словаря фамилий жителей г. Москвы».

Приложение №3 включает примеры объявлений о перемене фамилии гражданами СССР в 30–70 гг. XX века.

1. Общая характеристика работы.

Из истории изучения современных русских фамилий

История изучения русской антропонимии насчитывает более 100 лет. В частности, ко второй половине XIX столетия относится появление первых значительных работ по системному описанию древнерусской антропонимической лексики. К их числу относятся труды М.Я. Морошкина [Морошкин 1867], Н.Д. Чечулина [Чечулин 1890], А.И. Соколова [Соколов 1891], Н.М. Тупикова [Тупиков 1903]. Эти труды представляют собой обширные собрания личных именованных и снабжены дополнительными пояснениями.

XX век дал отечественной науке труд С.Б. Веселовского [Веселовский 1974], книгу А.Г. Мосина [Мосин 2000], представляющую интерес тем, что в научный оборот вводится большое количество неканонических имён и прозвищ жителей Урала XV – первой половины XVIII вв., полученных большей частью из ранее не опубликованных материалов переписей населения Урала XVII – начала XVIII в.

В советский период сложилась традиция составления к печатным спискам древних документов Именных указателей. С этого момента работа по сбору и систематизации древнерусских имён стала более продуктивной. Помимо единичных изданий следует отметить целые серии книг: Писцовые книги Новгородской земли, Русский дипломатарий, Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века, Писцовые книги Рязанского края и др. Накопление фактического материала по русской антропонимии дало возможность учёным приступить к её многоплановому анализу.

Первым этапом этого нового периода в истории отечественной антропонимики стала разработка лексико-семантической классификации русских антропонимов. Одна из первых классификаций всего комплекса древнерусских имён была предложена А.М. Селищевым [Селищев 1968: 97-129]. Не ставя перед собой задачи разработать полную детализированную

классификацию, учёный разделил их на 19 основных групп. Грамматическое образование фамилий и хронология их возникновения были рассмотрены в работе его ученика В.К. Чичагова [Чичагов 1959]. Более детальная лексико-семантическая классификация русских фамилий была предложена Б.-О. Унбегауном [Унбегаун 1995]. В России советской эпохи этой тематике было посвящено немало работ, среди которых необходимо особо выделить классификацию, предложенную А.В. Суперанской [Суперанская 1988].

Вторую половину XX – начало XXI века можно по праву назвать периодом расцвета русской региональной антропониимики. В эти годы появилось большое число научных работ, целиком посвящённых региональным особенностям русских и в целом восточнославянских фамильных антропонимов. Особое значение для развития антропониимики и ономастики в целом, причём не только русской и славянской, но и ономастики других народов СССР и иных государств Европы имели работы выдающегося отечественного исследователя В.А. Никонова.

Разработанная учёным методика изучения истории фамильных антропонимов в ареальном аспекте, его учение о фамилии как особом социальном знаке и сегодня заслуживают внимание многих ономатологов. Работы этого ученого – классический пример высокого уровня научной компетенции, проявлявшийся и в широком вовлечении в ономастические исследования данных, предоставляемых другими отраслями науки, в частности, истории, географии, этнографии и социологии [Никонов 1970: 33-56; 1974; 1989: 5-9; 2005]. Использование метода картографирования фамильных антропонимов в диахроническом аспекте с сочетанием синхронического картографирования блестяще был воплощён в работах Ю.К. Редько [Редько 1969] и М.В.Бирилло [Бирьла 1966]. Этот метод лег в основу методики комплексного изучения истории происхождения фамилий, разработанной в Информационно-исследовательском центре «История фамилии» (www.familii.ru).

Особое место в развитии теории ономастики занимает работа А.В. Суперанской [Суперанская 1973, переиздана в 2007 г.] и коллективная монография «Теория и методика ономастических исследований» (1986, переиздана в 2009 г.). В этих работах авторы уделили большое внимание двойственной природе имени собственного. Ученые рассматривали имя собственное как лексическую единицу, главной функцией которой является номинативная, и как сложное явление языка и культуры, функции которого не ограничиваются номинацией. В этом случае план содержания антрополексемы отражает значительный объём экстралингвистической информации. В решение данной проблемы были вовлечены представители разных национальных и региональных ономастических школ. В ходе обсуждения проблемы выявилось общее понимание нехватки теоретического описания особенностей ономастической лексики, которое имеет большое значение для активизации поиска новых методов исследований в данной отрасли лингвистической науки.

Своеобразным ответом на этот запрос стала монография М.В. Горбаневского «Русская городская топонимия» [Горбаневский 1996], в которой учёный на примере топонимической лексики предложил новый взгляд на двойственную природу онама. Эта работа стала важной вехой в развитии теории и методологии ономастических исследований: гипотеза о том, что топоним представляет собой определённым образом свёрнутый структурированный текст, позволяла непротиворечиво разрешить коллизию между лингвистической и экстралингвистической составляющими плана содержания структуры топонима и предлагала новую методику исследования и описания топонимической лексики, позволяющую, в том числе использовать новые информационные технологии для максимально полного раскрытия всех компонентов топонима-текста в соответствии с особенностями их актуализации в ходе речевой коммуникации.

Подчеркнём, что основанная на данной теории методика проведения ономастических исследований помогает ономатологам по-новому взглянуть

на предмет своего исследования и в соответствии с этим организовать форму и процесс репрезентации результатов исследований, но не снижает требований к уровню компетенции самого исследователя. Напротив, выявленная структура топонима-текста обязывает исследователя не ограничиваться диахроническим исследованием топонима, но представлять и его описание в синхроническом аспекте с раскрытием всех компонентов его плана содержания. Подобный подход, по нашему мнению, следует применить и к описанию антропонимической лексики, в том числе фамильных антропонимов.

Четверть века, прошедшая с момента прекращения существования Советского Союза, стала крайне непростым периодом для ономастических школ всех бывших республик СССР. Несмотря на это российская ономастика не потеряла высокого потенциала, сформированного в 60–80-е годы. Произошла отчасти вынужденная, но имевшая положительные результаты перестройка российской ономастической науки как общественного института. Исчезновение в 90-е годы ярко выраженного центра (впрочем, это произошло и во многих других областях общественной жизни), выполняющего функции руководства и координации научной деятельности, стало стимулом для активного развития региональной ономастики. В данном случае слово *стимул* употреблено в его историческом значении. Речь идет о том, что формирование и развитие региональных ономастических центров происходило благодаря высокому научному авторитету, незаурядным организаторским качествам и самоотверженной работе учёных, взявших на себя ответственность за сохранение отечественной ономастики. Итогом этого стало появление большого числа интереснейших исследований по региональной ономастике, связанных с изучением становления и функционирования фамильных антропонимов народов России. Например, работы учёных, которых по праву можно назвать основателями и лидерами ономастических центров: В.И. Супруна (Волгоград) [Супрун 2011], В.Д. Бондалетова (Пенза) [Бондалетов 1970, 1977, 2005, 2012], А.К. Матвеева

(Екатеринбург) [Матвеев 2006], Е.Н. Поляковой (Пермь) [Полякова 2005], И.А. Королёвой (Смоленск) [Королёва 2003], Л.В. Шулуновой и Г.С. Доржиевой (Улан-Удэ), Р.Ю. Намитоковой (Майкоп), И.М. Ганжиной (Тверь), И.А. Кюршуновой (Петрозаводск), Л.И. Дмитриевой и А.С. Щербак (Тамбов) [см.: Дмитриева 1998, 1999, 1999а, 2000, 2000а, 2001, 2002, 2003] и целого ряда других учёных. Их работы, несомненно, являются ценным вкладом в развитие отечественной антропонимики и ономастики в целом.

Следует отметить вклад в сохранение традиций и развитие российской ономастики учёных, возродивших ономастическую конференцию «Ономастика Поволжья», объединившую ономатологов не только Поволжья, но и других регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Публикация сборников материалов каждой конференции, в которых тема изучения фамильных антропонимов всегда представлена широким кругом учёных, является ценным вкладом в развитие антропонимики и ономастики в целом. Высокий научный уровень и широкий спектр антропонимических исследований демонстрируют и публикации материалов других региональных конференций, в частности, Первая Всероссийская научная конференция «Ономастика и общество: язык и культура» (Тамбов 2010), объединившую усилия ведущих учёных России в области новейших достижений ономастической теории и практики изучения ономастики.

2. Общее и специфическое в русских фамильных антропонимах

К началу XXI века российскими учёными был собран и систематизирован богатый фактический материал, охватывающий значительную часть русского фамильного антропонимикона [Дьячков, Трофимова 2011].

Тем не менее, до настоящего времени в научной среде не существует единого определения понятия «*русская фамилия*», что затрудняет создание законченной классификации всех типов фамильных антропонимов, которые могут быть включены в эту группу. Свои предложения о том, как следует

определять понятие «*русская фамилия*», высказывали многие лингвисты, этнографы и историки. При этом число мнений, высказаны ими, сопоставимо с числом самих учёных, внёсших свои предложения.

Сложность разрешения данного вопроса связана с тем, что проблема не лежит исключительно в области лингвистической науки. В настоящее время всё активнее учёные заявляют об участии ономастики в представлении знаний и выявлении различных структур знания, которые объективированы в языковой форме [Болдырев 2004, 2005, 2007, 2009; Щербак 2008, 2012, 2012а, 2013, 2014]. Это закономерно, поскольку история значительной части антропонимических единиц, бытующих у разных народов, выходит далеко за рамки истории их национальных языков. Ономатологи оперируют в своих исследованиях не только лингвистическими терминами, но и данными, следовательно, и терминологией, заимствованной из других наук, например этнографии, религиоведения и даже политологии. Ср.: работа Марии Хорнунг «*Lexikon österreichischer Familiennamen*», в которую автор включила и такие фамилии, как Kosak и Kovacs [Hornung 2002: 82-83], работа Казимира Рымута «*Nazwiska Polakow. Słownik historyczno-etymologiczny*», в которую включены фамилии Worobiow [Rymut 1999б: 704], Ewdakimov и Awdochin [Rymut 1999а: 351]. Аналогичным образом проблему определения понятия «*литовская фамилия*» решают и литовские учёные. Так, в «Словарь литовских фамилий» входят такие фамилии, как *Чепура* и *Щерба* [Словарь литовских фамилий 1985: 414–415]. Как видим, авторы названных работ включили в состав «национальных» фамилий фамилии, имеющие славянское происхождение. Мария Хорнунг в число польских фамилий включила и фамилии, имеющие восточнославянские как основу, так и образующий фамилию формант.

На наш взгляд, формализовать определение таких понятий, как *русская фамилия* или *национальная фамилия*, не выходя за рамки филологических подходов, просто невозможно. Так полагал, например, О.Н. Трубочёв, который подчеркивал, что «...ригористическая концепция русской фамилии

не может быть признана ни правильной, ни плодотворной. Кажется, что тип русской фамилии нельзя ограничить совершенно определенными или единственными структурно-словообразовательными признаками, не обеднив при этом само понятие русской фамилии. Нельзя подходить к национальному типу фамилии и с требованием генетической однородности или чистоты» [Трубачёв 1968: 4]. Аналогичный вопрос, хотя и по иному поводу, задаёт А.Ф. Журавлёв. «Базируясь на заданном перечне формальных признаков русских фамилий (который, однако, принципиально не может считаться исчерпывающим), мы должны отделить от них фамилии множества нерусских этносов, перенявших русские антропонимические модели – тюрков, финно-угров, народов Северного Кавказа. Но каким образом?» [Журавлёв 2005: 128].

Поставленный ученым вопрос должен быть задан и в «противоположном» направлении. Какие формы фамилий с очевидностью могут быть отнесены к русской антропонимической модели? Может ли считаться русской фамилия, встречающаяся среди русских, имеющая неславянскую основу, но не содержащая формальных признаков, не свойственных русским наследственным именованию? Например, такие фамилии, как *Марк* и *Максим*? Эти фамилии на территории России единичны, они, вероятнее всего, возникли в среде жителей западных губерний Российской империи или же были принесены мигрантами из других государств Европы.

Однако, не располагая реальными сведениями об их генеалогии, мы должны признать, что это утверждение основано лишь на нашем эмпирическом знании того, что подобный вид фамилий нетипичен для жителей центральных и восточных областей России. Точно так же мы знаем, что у коренных жителей этих земель редки и фамилии, образованные от прозвищ в форме качественных прилагательных, не оформленных патронимическими суффиксами. Однако, например, на Русском Севере (в

Архангельской и Вологодской областях) частотны фамилии *Узкий*, *Узкой* и *Широкий* [Никонов 2005: 65; 67]; там же распространена фамилия *Конечный*.

У коренных жителей Московского уезда известна фамилия *Фортальный* (искажённое *квартальный*). Не вопреки обычаю, имевшему в своё время распространение даже в центральных областях Великого княжества Московского, была образована фамилия многочисленных ветвей графского рода *Толстых* (ед.ч. *Толстой*), звучание которой отражает особенность исключительно великорусского произношения [Унбегаун 1995: 138].

Ещё более показательным является следующий пример. Авторы толковых словарей украинского языка не включают в свои труды слово *медведь*, а его дериваты (*медведеня*, *медведик*, *медведиця*, *медведячий*, *медвежий*, *медвідь*, *медведник*) дают с пометой *диалектное* и отсылкой к словарным статьям *Ведмедиця*, *Ведмежа*, *Ведмедик*, *Ведмедячий*, *Ведмежий*. [ВТС 2001: 516; СУМ 1996: 414]. В связи с этим интересно рассмотреть «медвежьи» имена и патронимы, упомянутые в списках запорожских казаков 1649 года. Среди них Васко *Медведенко*, казак Чигиринского полка [Реєстр... 1995: 31]; Яцько *Медведь*, Васко *Медьведнык*, казаки Белоцерковского полка [Реєстр... 1995: 176, 187]; Иван *Медведский*, Иван *Медведь*, казаки Брацлавского полка [Реєстр... 1995: 176, 187]; Фед *Медведь*, казак Кальницкого полка [Реєстр... 1995: 276]; Кирило *Медведенко*, Демко *Медведенко*, казаки Переяславского полка [Реєстр... 1995: 318, 329]; Андрей *Медведенко*, казак Кропивнянского полка [Реєстр... 1995: 366]; Иван *Медведенко*, Кость *Медвежий*, Павло *Медвед*, Иван *Медведенко*, казаки Миргородского полка [Реєстр... 1995: 381, 383, 384, 401]; Дмитро *Медведовский*, Наум *Медведиов*, казаки Полтавского полка [Реєстр... 1995: 420, 428]; Васко *Медведенко*, Васил *Медведенко*, казаки Прилуцкого полка [Реєстр... 1995: 456]. При этом в списках казаков ни разу не встречается имя *Ведмидь* и т.п. Вероятнее всего, в запорожском казачестве это слово (соответственно, и имя) появилось позднее, с новой волной крестьян,

бежавших от притеснения католической администрации с Волыни и Подолии.

В указанный же период в среде формировавшегося украинского казачества встречаются только великорусские варианты таких имён и образованные от них патронимы *Медведенко* и *Медведиов* (Медведёв). Подобные примеры не единичны, в связи с чем, думается, неправомерно представление *суржика* как русифицированного варианта украинского языка [Мечковская 1996: 107-108].

Таким образом, нетипичные для великорусской традиции фамилии нельзя однозначно относить к числу «нерусских». Этого не следует делать и по другой причине. Традиционно «нерусскими», например, «русскими фамилиями украинского происхождения» или «российскими фамилиями украинского происхождения» обозначают родовые прозвания, оформленные формантом *-енко*. Но, во-первых, приписывать им украинское происхождение абсолютно неправильно, поскольку традиция образования таких наследственных именованний широко известна у жителей Белоруссии и Польши. Так, польские учёные однозначно включают такие фамилии в число польских: например, фамилия *Petrenko* [Rymut 1999б: 243]. Фамилии такого типа в разной степени распространены на всей территории Белоруссии, а на северо-востоке (в восточной части Витебской области) их носят более 50% населения [Бірыла 1966: 30]. Частотны такие фамилии и в соседней с нею Смоленской области.

На большой территории от Пскова до Рязани и Нижнего Новгорода преобладающее распространение имеют фамилии, оканчивающиеся на *-енков*. Часть из них возникла из другой, более древней, формы семейных прозваний, образованных при помощи суффикса *-енок/-ёнок*. Интересное свидетельство привёл в своём документальном рассказе «Коршун над городищем» современный русский писатель и публицист Игорь Гамаюнов. Жители деревни Погост Собинского района Владимирской области своего земляка, первым вступившего в коммунистическую партию, прозвали

Большевиком, его сына в деревне звали Большевичком, а за внуком закрепилось прозвище *Большевичонок* [Гамаюнов 2011]. Таким образом, эта традиция сохранялась во владимирских говорах даже в середине XX столетия, что говорит о её распространённости в прошлом. Сама форма *-енко* или *-енка* (в белорусском произношении), несомненно, более поздняя, но возникшая в период до официального и далеко не бесспорного в территориальном смысле разделения восточных славян на малороссов-украинцев, белорусов и великороссов-русских.

Обращает на себя внимание нетипичный для русской традиции тип фамилий с окончанием на *-ук*, *-юк*, о происхождении которого в настоящее время не существует единого мнения. Украинский учёный П.П. Чучка считает, что он был заимствован славянами из тюркских языков [Чучка 2005: XXXVII]. По его мнению, распространение этого суффикса у славян началось в говорах Буковины и Молдавии в XIII–XIV столетиях и постепенно распространилось на север вплоть до белорусских земель.

Однако в этом случае сложно объяснить, почему воспринятый жителями белорусских земель суффикс, традиционно считающийся особенностью фамильного антропонимикона Правобережной Украины, не получил широкого распространения в центральных и восточных областях Украины, куда на протяжении всей второй половины II тысячелетия были направлены основные миграционные потоки из западноукраинских земель. Кроме того, фамильные антропонимы, оформленные этим суффиксом, действительно широко представлены в центральных и даже северных регионах Белоруссии, включая северные районы Витебщины. Это означает, что ареал подобных фамилий (*-ук*, *-юк* и *-енко*) в северо-восточной части своей территории распространения (эти земли не являлись направлениями массовых миграций XVIII–XX веков) оказывается отделён от современных границ России не тысячами, сотнями и даже не десятками километров. Он вплотную примыкает к территории Псковской и Смоленской областей и, вероятнее всего, в прошлом был известен коренным жителям этих областей.

Отметим также, что суждение о тюркском происхождении суффикса -ук/-юк в целом не нашло поддержки у ономастологов. Возможно, такой тип семейных прозваний имеет общий источник с распространённым в прошлом в русских говорах обычаем образования обиходных форм церковных имён (*Васюк, Павлюк, Федюк* и др.). География распространения именных форм такого типа весьма широка и охватывает не только белорусско-украинские [Бірыла 1966; Трійняк 2005] или западнорусские земли, но и центральные и даже северо-восточные области европейской части России. Например, в грамотах XV–XVI веков упоминаются: в 1473 году – Митюк (Дмитрий) Звониха, сын Степана Лазарева, московский помещик [Тупиков 2005: 183]; в 1495 – Васюк (Василий) Дмитриев сын Ворыпай Нармацкого, помещик в городе Демоне [Тупиков 2005: 120]; 50-е годы XVI в. – Васюк Григорьев сын Приеж(е)го, певчий дьяк суздальского владыки [Шумаков 2002: 22]; в 1543 – Митюк Пересторонинский, крестьянин Ярославского уезда [Русский дипломатарий 1999: 19]; в 1538 – Ванюк, крестьянин в Стародубе Рязполовском [Акты Сузд. 1998: 95]; в 1558 – Коротайко Кузьмин сын Ванюков, чухломец [Тупиков 2005: 223]; в 1619–1620 гг. – Созон Ванюков, мезенский обротчик [Приходно-расходные книги... 1983: 78]; в 1623 – Евтюк (Евтихий) Рукинев, человек Кирилло-Белозерского монастыря [Тупиков 2005: 753] и другие. О том, где бытовало имя *Ванюк*, напоминают сохранившиеся до наших дней деревни с названием *Ванюково* (Ивановская область, Марий Эл) и *Ванюки* (Пермская область). Известно, что многие селения в старину получали названия по имени их владельца или основателя. Фамилия Ванюков имеет широкое распространение на Архангельском Севере [Булатов 1998: 143].

Значительно сложнее установить историческую границу распространения семейных прозваний, содержащих суффикс *-енко*, между *малороссами* и *великороссами*, поскольку вся история восточного славянства или, говоря терминами XVI–XVII столетий, *русского народа* в этот период и на данной территории (русско-украинского «приграничья») представляет

собой постоянное перемещение, перемешивание огромных масс выходцев из юго-западных и северо-восточных земель бывшей Киевской Руси. Всё описанное в равной степени может быть отнесено и к фамилиям, не оформленным каким-либо патронимическим суффиксом. Речь идёт о так называемых *нестандартных русских фамилиях*.

Все эти процессы были составной частью истории формирования той общности, которую сегодня определяют как *русский народ*. Такие фамилии, как *Баран* или *Чайка* вполне соответствуют, по крайней мере, западнорусской модели образования наследственных именовании. Большее или меньшее распространение некоторых типов семейных прозваний правильнее было бы отнести не к национальным «изобретениям» трёх составляющих восточного славянства, а к региональному развитию части единых древнерусских обычаев именовании, возникших в период их вынужденного разделения. Имеет ли право ономотолог искусственно отделять фамилии, оформленные суффиксами *-енко*, *-ук*, *-юк*, справедливо включёнными М.Ю. Беляевой в число *этномаркирующих аффиксов* [Беляева 2010], или бессуффиксные, от общего массива *русских фамилий*? На наш взгляд, это неоправданно, поскольку все эти типы антропонимов были в той или иной мере известны и великорусской традиции. В то же время в среде людей, определяющих себя как русские, весьма часто встречаются фамилии, которые обладают несомненными признаками того, что они возникли в иноязычной среде. К таковым можно отнести такие фамилии, как *Сидоровас*, *Лисицян*, *Шаповальянц*: несмотря на русское происхождение их основ, они не могут считаться русскими, поскольку окончательное оформление получили в другом языке и обладают формальными признаками наследственных именовании, не свойственных русской традиции.

Следовательно, понятие *русская фамилия* следует определять следующим образом: *русская фамилия – фамилия, бытующая у русских и не имеющая формальных признаков наследственных именовании, не свойственных русской традиции*.

На первый взгляд, такое определение может показаться слишком широким, но одновременно и узким. Действительно, при таком подходе состав категории *русские фамилии* автоматически исключает, например, фамилию *Плотников*, которую носит грузин, или фамилия *Ованесов* и даже *Аванесов*, принадлежащие армянам. В первом случае мы имеем дело с обычной русской фамилией, без каких либо изменений «перенесённой» в грузинский антропонимикон. Во втором – с фамилией, оформленной по русской антропонимической модели, в случае с фамилией Аванесов ещё и с нехарактерным для армянской традиции изменением звучания основы. Но во всех этих случаях вопрос выходит из области проблем русской антропонимики, поскольку речь идёт о представителях других народов.

Аналогичным образом должны решаться и вопросы определения понятий *татарская фамилия*, *мордовская фамилия*. В данном контексте эти определения могли бы выглядеть так: «*татарская (мордовская, ингушская, грузинская и т.д.) фамилия – это фамилия, бытующая у татар (мордвы, ингушей, грузин и т.д.) и не имеющая формальных признаков наследственных именований, не свойственных традиции, существовавшей у татар (мордвы, ингушей, якутов, армян, грузин и т.д.) в определённые исторические периоды*». Тем самым в полной мере снимаются очевидные недоразумения, возникающие у антропонимистов при попытке дать определение *национальной фамилии*, исходя исключительно из языковой принадлежности всех составляющих фамильного антропонима.

Речь идёт о том, что такое определение русской фамилии автоматически включает в эту категорию и *бессуффиксные, нестандартные*, фамилии, никак не ограничивая круг языков, из которых были заимствованы их основы. Сюда, например, могут быть включены такие фамилии, как *Даль*, *Унбегаун*, *Кара-Мурза*, *Миллер* и даже *Ким*. Тем не менее, мы не видим противоречия, поскольку рассматриваем понятие *русская фамилия* не как лингвистический, а как ономастический термин, что требует привлечения экстралингвистических данных. Если речь идёт о людях, определяющих себя

как русские, то даже с этической точки зрения совершенно неправильным будет исключать их наследственные именованья, а тем самым, в определённом смысле, и их самих из русского ономастического пространства. С научной точки зрения, исключение подобных фамилий обедняет не только русский ономастикон, но и саму историю русского народа. Некоторые обладатели таких фамилий являются русскими людьми не в первом поколении. Другие носители подобных имён получили свои родовые прозвания от предков (коренных русских жителей России) ещё с древних времён. Став частью русской истории, носители таких фамилий сделали свои родовые прозвания своеобразным элементом русской культуры. Определить место той или иной фамилии, например, в русской антропонимической системе можно путём введения дополнительных категорий, например *русские фамилии немецкого происхождения*, *русские фамилии эстонского происхождения* и т.д.

Существуют и более значимые научные аргументы. Во-первых, нельзя игнорировать тот факт, что включение таких фамилий в систему русских фамильных антропонимов во многом повторяет историю включения их «предшественников». Речь идёт о фамилиях, восходящих к заимствованной нарицательной лексике, а также к именам и прозвищам, принесённым в русскую ономастику иноземцами, в разные исторические периоды и по разным причинам «принявшими участие» в формировании русского этноса. Так, фамилия *Аптекарь* восходит к изменённому на славянской почве немецкому *Apotheker*; первые польские *Фурманы*, *Столяры* и *Слюсары*, возможно, были не поляками, что вполне естественно, а польскими немцами, «передавшими» свои изменённые на славянский манер профессиональные (быть может, уже и использовавшиеся в качестве их официальных именованья) прозвища польскому языку, что нашло отражение в польской ономастике.

Облик заимствованных имён и прозвищ приспособлялся, фонетически или грамматически, и вращался в русский язык при помощи

различных словообразовательных средств русского языка и его ономастической традиции (*брак – бракарь – браковщик – Браковщиков*), другие «приживались» без существенных изменений (*Фурманенко, Фурманов*, но и *Фурман*; *Кучеров, Кучеренко*, но и *Кучер*). Богатый материал по этой теме представлен в работе В.Г. Демьянова [Демьянов 2001].

С одной стороны, это обогащало русскую антропонию, делая её более пёстрой и интернациональной, с другой – способствовало восприятию многих заимствованных антропонимов как русских. Дело в том, что восприятие фамилии многими русскими людьми осуществляется на основе этнической принадлежности их носителей (ср.: «русский художник Левитан», «русский учёный Даль», «русский полководец Багратион» и т.д.). Одни фамилии их потомков «русифицировалась» (*Лермонтов, Фонвизин, Хомутов* из *Hamilton*) [Унбегаун 1995: 270].

Другие фамилии сохранились без изменений, причём, чем ближе по времени к современности было появление их предков в России, тем реже и в меньшей степени подвергались изменению их наследственные именованья. Этому способствовало принятие в XIX в. законов, предписывающих каждому гражданину Российской империи иметь официальную фамилию, следствием чего стала их письменная фиксация. Иными словами, включение части подобных иноязычных семейных прозваний или имён и прозвищ в русский фамильный антропонимикон происходило по правилам, не противоречившим русской традиции, скажем, путём дооформления их патронимическими суффиксами (*Маклер* и *Маклеров*), либо без дополнительной патронимической суффиксации, что также не противоречит русской традиции (*Даль, Витте*).

Следовательно, не располагая данными о генеалогии конкретной семьи, далеко не всегда можно утверждать, при каких обстоятельствах возникла фамилия семьи: в результате русификации прозвища или наследственного именованья иноземца или же из иноязычного имени или прозвища, которое носил коренной житель русских земель.

Так или иначе, но в настоящее время в России проживает большое число семей, представители которых уже много поколений считают себя русскими людьми, тем не менее, сохранили фамилии, часть которых воспринимается большинством носителей русского языка как иноязычные фамилии. Среди подобных фамилий немало и таких, в которых иноязычное происхождение может определить только специалист (*Гальперин*: от искажённого названия немецкого города *Heilbronn*), а также таких, языковое происхождение которых вызывает затруднение и у специалистов (*Нунот*). Сложность этимологизации может быть связана с тем, что часть таких фамилий имеет написание, возникшее в результате ошибки или сознательного изменения, в том числе и по причине того, что человек был просто недоволен своей фамилией. Многие случаи произвольного выбора фамилии не описаны, поэтому не поддаются классификации. Например, псевдоним *Хихус*, который, возможно, со временем станет и официальной фамилией автора комиксов Павла Сухих. Прочтение и запись семейного прозвания «в обратном направлении» не является русской традицией, как и традицией других народов, но фамилию *Хихус* (если она получит официальный статус), как и фамилию русского писателя и публициста Александра Ивановича Герцена (придуманную его отцом, русским дворянином Иваном Алексеевичем Яковлевым, искусственно и образованную от немецкого *Herz*), несомненно, следует определять как русскую фамилию.

Своеобразным аргументом в пользу подобного «расширения» понятия *русская фамилия* может служить следующее рассуждение. Сложность определения национальной фамилии не является особенностью только русских фамилий. Сошлёмся, например, на наблюдения Т.Н. Романовой о том, что О.Н. Трубочёв вполне закономерно включает в состав русских фамилий те фамилии, которые генетически нерусские, но исторически прижились на русской почве [Романова 2001].

Аналогично решает вопрос о принадлежности фамилии к национальному антропонимикону А. Ванагас, указывая на необходимость включения в словарь современных литовских фамилий всех распространённых, в том числе и небалтийского происхождения, фамилий жителей Литвы, независимо от национальности их владельца.

Настоятельную потребность определения лингвистического статуса фамилий латышей нелатышского происхождения отмечает В.Э. Сталтмане. Она подчеркивает, что в силу нередко встречающегося несоответствия национальности антропонимическим данным нельзя считать удачным принцип отбора фамилии только по национальности её носителя. Речь идет о том, что проникновение иноязычных элементов в антропонимическую систему языка является неизбежным результатом совместного проживания и длительного контактирования народов, что словарь фамилий должен содержать не только исконные фамилии, но и заимствованные.

В предисловии к «Словарю украинских фамилий» Ю.К. Редько обосновывается точка зрения автора: каждая фамилия украинца является украинской фамилией независимо от её происхождения. В украинском фамильном антропонимиконе 4% составляют фамилии иноязычного происхождения, в том числе польские, немецкие, татарские и др. Наличие их в украинской антропонимии объясняется различными причинами: иностранцы, будучи ассимилированными украинским народом, сохраняют свою наследственную фамилию; неправильная запись исконных украинских фамилий; фамилии с иноязычной основой могли возникнуть от прозвищ иноязычного происхождения (например, данного служившему в австрийской армии). Таким образом, «фамилии украинцев иноязычного происхождения являются важным свидетельством исторических связей украинского народа и являются принадлежностью национальной украинской антропонимии» [Романова 2001: 23-24].

Для ономатологов многих стран Центральной и Западной Европы решение этой проблемы ещё в большей степени вызывает затруднения,

поскольку значительная часть, например, германоязычных фамилий вообще не имеет каких-либо формальных признаков, позволяющих определить её национальное происхождение.

Русский фамильный антропонимикон имеет пересечения, например, с немецкими или молдавскими, тем более с чувашскими или польскими фамилиями, большинство из которых образовано при помощи тех же формантов, что и русские. В этом заключается одно из общих свойств фамильных антропонимов разных народов, в том числе и русских. Каждый исследователь, представляющий какую-либо национальную ономастическую школу, будет определять часть таких фамилий, как «свои».

Особенностью русских фамильных антропонимов является то, что основная их масса образована при помощи формантов, имеющих ярко выраженную национальную и языковую принадлежность (-ов, -ев, -ин, их, -ых, -ский, -цкий): они определяют ядро концепта «русская фамилия». В его периферийной части располагается множество фамильных антропонимов, которые в большей или меньшей степени осознаются русскими людьми как иноязычные или инокультурные. Однако, не имея формальных признаков, свойственных русским наследственным именованию, эти фамильные антропонимы, бытующие у русских, с полным основанием могут быть отнесены к категории *русских фамилий*.

Предлагая такое определение понятия «*русская фамилия*», мы разделяем мнение А.В. Суперанской, которая в течение ряда лет была научным консультантом Информационно-исследовательского центра «История фамилии». «Не будучи ригористом, я бы всё-таки отнесла фамилии с ярко выраженными национальными чертами к *бытующим в России, у россиян*», но не к русским», – подчеркивает учёный [Суперанская 2010: 435]. При этом она считает, что «главным критерием определения *русской фамилии* должен быть узуальный – употребление фамилий в русских семьях, у людей, воспитанных в русской культуре» [там же].

Второе суждение А.В. Суперанской в полной мере соответствует определению в нашем понимании, т.е. не являются русскими *фамилии, имеющие формальные признаки наследственных именовании, не свойственных русской традиции.*

Таким образом, в число потенциальных русских фамилий (при соблюдении первого условия – бытования у русских) включаются фамилии, сохранившие звучание инонациональных личных имён, прозвищ и семейных прозваний, восходящих к нарицательной лексике других языков (*Маклер*: нем. «торговый посредник», *Фишер*: нем. «рыбак»; *Пысларь*: молд. «шерстобит»; *Блок* или *Блох*: из евр. Ben Loeb Kahen, т.е. «сын Когана Лейба») и не оформленных ни одним из русских фамилиеобразующих суффиксов. Но из этой категории однозначно исключаются фамилии, получившие оформление согласно традиции, не свойственной русскому языку: *Карлсон, фон Бисмарк, Меладзе, Тетруашвили, Керим-заде, Орбакайте, Чернаускас* и др.

3. Способность именных и фамильных антропонимов к вариативности

Говоря о вариативности именных и фамильных антропонимов, необходимо обратить внимание на одно общее свойство всех имён собственных – предрасположенность к вариативности. Это качество предписано самой природой имён собственных, их задачей называть, выделять конкретный объект из числа однородных. Данное свойство несложно проследить на примере русских личных и наследственных именовании.

В языческий период русской истории разнообразие личных именовании было основано на отсутствии каких-либо ограничений в выборе имени. С принятием православия и появлением обязательных крестильных имён произошло поистине катастрофическое сужение именика от практически бесконечного числа имён до нескольких десятков, принесённых

с новой религией. При одновременном отказе всех русских людей от традиции присвоения исконно русских имён случилось бы так, что древнерусский антропонимикон оказался бы «перегружен» многократным повторением одних и тех же имён. Следует помнить и о том, что, будучи иноязычными по происхождению и потому непонятными по значению, эти имена не несли в себе традиционные для языческого именника дополнительные смыслы. Эти смыслы позволяли родителям творчески воплощать различные, не исчезнувшие с принятием христианской религии суеверия, освящённые древними обычаями правила выбора имён. Например, имена, позволяющие подчеркнуть принадлежность человека к определённой семье, общине, племени. Поэтому в первые века после присоединения Руси к христианскому миру именно двуимённость, т.е. наличие крестильного имени при сохранении древнерусского имени в качестве дополнительного, мирского именованья, позволила поддерживать на необходимом уровне вариативность полной формы именованья человека, ставшей двухкомпонентной (крестильное имя + мирское имя или прозвище). По мере ослабления языческих верований, исчезновения тех или иных обычаев и обрядов, оставшихся в качестве наследства от язычества, стало изменяться отношение к мирскому именнику – от неприятия его (несовместимость с христианством) до полного отказа от практики присвоения нецерковных имён. За счёт чего же произошла компенсация?

Очередное сокращение именника, его разнообразия, необходимого для осуществления функции именованья, выделения каждого члена общества из числа современников, было компенсировано двумя способами. Во-первых, в полной мере была использована способность личных имён к вариативности. Этому способствовал процесс создания и накопления в древнерусском именнике разнообразных народных форм крестильных имён, который происходил постоянно на протяжении всего периода существования православия на Руси. Осуществлению этого процесса способствовали средства русского языка. Так, каноническое церковное имя *Пётр* в обиходе

стало произноситься как *Петя, Петруха, Петруша, Петряня, Петреи, Петруня, Петрик, Петренья, Петко, Петько* и т.д. Имя *Иоанн* получило более удобное звучание – *Иван* и стало источником ещё большего числа народных форм: *Ивась, Ивахно, Ивантей, Иваша, Иваха, Иванюга, Ваня, Ванюша, Ванюха, Ваняй, Ваней, Вахно, Ванюк, Ванюга* и др.

Подчеркнём, причиной такого разнообразия стало не наличие большого числа диалектов древнерусского языка, а потребность человека в наличии как можно большего числа разнообразных форм ограниченного числа личных имён. Это обстоятельство в полной мере иллюстрирует такое качество личных имён, как способность к вариативности, которая реализовывалась с помощью средств, предоставленными всеми диалектами русского языка [Успенский 1969; Суперанская 2009].

Во-вторых, потребность в существовании большого числа именовании была удовлетворена посредством усложнения полной формы именовании русского человека, т.е. развитием трёхкомпонентной формулы: имя + отчество (полуотчество) + дедичество (семейное прозвание). В центральных областях Великого княжества Московского вариативность второго компонента была ограничена положением о запрете для большинства сословий именоваться «с вичем», то есть одной из традиционных для славянской культуры форм именовании по отцу. До какой степени это вызывало неудовольствие у современников, можно только догадываться, основываясь на более поздних сообщениях. Заметим, что все такие сообщения свидетельствуют лишь о том, что к определённом периоду русской истории в обществе подданных Великого княжества Московского, а позднее Российской империи, именование «с вичем» стало считаться очень престижным. Об особенностях реализации двухкомпонентной модели именовании (имя + отчество) в русской традиции см. [Пеньковский 1976: 79-107].

При этом в других группах славянства и даже некогда единой древнерусской общности (это единство также было относительным,

поскольку часть культурных традиций, в том числе и в области именования, вероятно, была сформирована или начала формироваться ещё в родоплеменной период истории), где именование с *-вичем* не было подкреплено законодательно. Такой тип отчества не получил развития в качестве «величального», он лишь сохранился как один из способов образования наследственного именования [Пеньковский 1976].

Гораздо более значимую роль в поддержании разнообразия полных форм именования сыграло широкое распространение семейных прозваний [Шостка 2009; Щербак, Жалнина 2012а], вариативность которых, в свою очередь, также формировалась двумя источниками.

Одним из них было наличие исторически сложившихся диалектных типов семейных прозваний, проявлявшееся в использовании различных фамилиеобразующих формантов или их отсутствием [Олейникова 2007]. Другим источником был сам именованный – совокупность огромного множества различных форм крестильных имён, а также прозвища (личные, профессиональные, должностные, географические и т.п.) и та часть древнерусского именованника, которая ещё оставалась в употреблении. Не располагая точными статистическими данными о том, насколько детально отражалась эта пестрота именованника в наследственных именованиях XVI–XVII столетий, можно предположить, что она была значительно большей, чем тот состав русских фамильных антропонимов, который окончательно сформировался к концу XIX в.

Исторические и литературные источники свидетельствуют о том, что в период, когда в Российской империи начался массовый процесс образования официальных фамилий лицами, производившими их документальное оформление, очень часто в качестве фамилии записывалось не исторически сложившееся родовое прозвание, а полуотчество, образованное от полной официальной формы имени главы семейства. Ср.: «Командир гусарского полка при Павле I генерал-майор Чорбай так ревностно изменял фамилии своих солдат, что почти все они стали носить три фамилии – Иванов, Петров,

Семёнов, отчего возникли трудности при учёте солдат в Военной коллегии». [Миронов 2000, Т.1: 84].

Подобная практика, несомненно, внесла свою лепту в увеличение числа фамилий, образованных от канонических форм крестильных имён (*Иванов, Петров, Сидоров*), и в общее сокращение разнообразия русских фамилий. Однако это, в свою очередь, говорит о том, что ранее разнообразие семейных прозваний, возникших естественным порядком в повседневной речи, было значительно более существенным.

Выявление факторов, позволявших в максимальной степени воплотить способность именных и фамильных антропонимов к вариативности, даёт ономатологам возможность значительно расширить представление об источниках и алгоритмах формирования системы русских фамильных антропонимов, конкретизировать понятия «*русская фамилия*» и «*система русских фамильных антропонимов*», а также получить дополнительный инструментарий для их дальнейшего изучения.

Выводы

Активное изучение русских фамильных антропонимов началось во второй половине XIX столетия. За прошедший период учёными собран и расклассифицирован значительный пласт русских фамилий, изучена их структура и лексический состав, проведено большое число исследований, рассматривающих особенности региональной фамильной антропонимии.

Между тем, до настоящего времени в российской ономастике остаётся нерешённым один из существенных вопросов – как следует трактовать понятия «*национальная фамилия*» и «*русская фамилия*»? Нерешённость этого вопроса не позволяет достаточно полно представить лексический состав русских фамильных антропонимов, вычленив общее и специфическое в русских фамильных антропонимах, представить типологическое описание всей совокупности современного отечественного антропонимикона.

Одним из общих свойств фамильных антропонимов разных народов, в том числе и русских, является то, что данный класс антропонимов труден для классификации по принципу национально-языковой принадлежности. Структура фамильных антропонимов такова, что они гораздо чаще, чем личные именованья, являют собой слова-композиции, в построении которых использованы морфемы различного языкового происхождения. Так, совокупность всех русских фамилий имеет пересечения, например, с немецкими или молдавскими, тем более с чувашскими или польскими, большинство из которых образовано при помощи тех же формантов, что и русские. Любой учёный, представляющий определённую национальную ономастическую школу, имеет право определять часть таких фамилий как «свои».

Следовательно, для дальнейшего плодотворного развития русской ономастики, в частности, её раздела, занимающегося изучением русской фамильной антропонимии, необходимо введение однозначно трактуемого определения понятия *«русская фамилия»*.

Вариативность именных и фамильных антропонимов предписана самой природой имён собственных. Это свойство отчётливо прослеживается при рассмотрении истории становления и официального оформления русских фамильных антропонимов.

ГЛАВА 1.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОГО ФАМИЛЬНОГО АНТРОПОНИМИКОНА

1.1. Эпоха средневековья

Разные исторические школы определяют различные временные рамки для периода, называемого Средневековьем, то есть историческим периодом, следующим после Античности и предшествующим Новому времени. Это связано с тем, что существуют разные подходы к определению и времени окончания эпохи Античности и века, который следует считать началом Нового времени.

Минимальный исторический период Средневековья охватывает начало VII – конец XV вв., максимальный – третью четверть V – конец XVIII вв. Сильно разнятся оценки и в отношении Русского Средневековья. Для нашего исследования подобная точность датировки не имеет принципиального значения. Во-первых, сведения об антропонимиконе восточных славян за период, предшествующий X веку, крайне скудны и недостаточны для создания классификации древнерусского антропонимикона. Во-вторых, XVII век ознаменовал собой начало нового периода в развитии русского именника, по этой причине спор историков о возможном продлении эпохи Средневековья вплоть до конца XVIII столетия в контексте нашего исследования не является актуальным. Дело в том, что динамические процессы в развитии древнерусского именника имеют свои ярко выраженные этапы. Не исключено, что они вполне могут быть согласованы и с хронологическими рамками разных периодов Средневековья.

Несомненно, к Раннему Средневековью относится дохристианский период русской истории. Исторические документы, отражающие состав конкретно русского именника в этот период, небогаты и основаны главным образом на европейских источниках, в которых упоминаются представители древнерусских племён, участники торговых и военных миссий и т.д. Но если

опираться на эти данные, то можно прийти к выводу, что основу древнерусского именника составляли имена скандинавского происхождения. Например, именно скандинавские личные имена преобладают в списке русских послов в договоре 912 года между греками и князем *Олегом* (*Актеву, Верьмуд, Ингельд, Руалд, Рюар, Фарлоф* и др.) ; в договоре 945 года, когда с русской стороны выступали послы князя *Игоря* и члены его семьи (*Вуефаст, Улеб, Шибрид, Шихберн, Тудор, Фост* и т.д.) [Унбегаун 1995: 325]. Но имена членов княжеских семейств и их дружинников, костяк которых действительно составляли «профессиональные военные» скандинавского происхождения, слава о которых в тот период гремела во всех уголках Европы, ни в коей мере не отражают именник коренных жителей Руси.

Представление о том, каким был этот именник, мы можем получить из сравнения имён, бытовавших у всех групп славян (восточных, южных и западных) в более поздний период. Так, например, обнаруживаются имена, имеющие корни в общей для славян лексике: *Волк, Вълко, Вук, Вилк; Воробей, Врабе, Врубель; Святослав, Светослав, Свентослав* и др. [Заимов 1988; ЭССЯ 1974-2014].

Наличие большого числа имён, восходящих к общеславянской лексике, позволяет предположить, что основы древнерусской системы личных имён были заложены ещё до разделения славян на три основные группы (восточные, западные, южные). Однако детальное знакомство с этим именником возможно лишь по состоянию на период после принятия христианской религии и распространения письменности. На основании таких документов, составленных уже непосредственно на территории древнерусского государства, в XIX–XX веках учёными был собран значительный материал, позволивший исследовать лексический состав древнерусского именника [Вуйтович 1986].

Согласно летописям, древние славяне были земледельцами, широкое распространение в их среде имели различные промыслы, ремёсла. Отсюда возникло большое разнообразие названий птиц, рыб, животных, растений,

множество объектов мира неживой природы, орудий труда и т.п., многие из которых использовались или могли использоваться нашими предками в качестве личных имён.

Итак, формирование древнейшего личного антропонимикона у славян представляет собой лингвистическую универсалию. Наиболее полная универсальная для всех народов классификация антропонимов была предложена А.В. Суперанской [Суперанская 1988: 10-17]. Данная классификация практически полностью охватывает и лексику древнерусских личных именований. Это в определённой степени можно проиллюстрировать на примере образованных от них современных русских фамилий.

1. Человек и его физические, биологические и психологические характеристики

а) **человек, люди, части человеческого тела:** *Мальчиков, Парнев, Девочкин, Старухин; Ухов, Головин, Носов, Глазов, Ногин.*

Интересно, что имена со значением «женщина», «старуха» могли носить и мужчины. Нельзя исключать того, что когда-то это были так называемые обманные имена. Например, фамилия *Попадьян* в большинстве случаев восходит к прозвищу родоначальницы, но в старинных грамотах упоминаются и мужчины с таким мирским именем: боярин Василий Попадья Петрович Квашнин, вторая половина XV в.; Попадья Вышеславцев, 1550 г.

Между тем, вторую группу основ вышеперечисленных фамилий можно отнести к группе г) **физические характеристики.**

Поскольку мы стремимся проследить в именах собственных наличие или отсутствие лексем определённого значения, то имена, восходящие к нарицательным существительным *голова, лицо* и т. п., включаются в данную группу.

б) **биологическая природа человека, долголетие:** *Сорокалетов, Старов, Многолетов, Молодов, Малолетков, Малолетнев.*

в) **свойства психики человека, его поведения:** *Крикунов, Молчанов, Веселов, Смирнов, Смыслов, Нетрусов* [Кузнецов 2007: 176], *Многосмыслов.*

Многочисленную группу фамилий образуют сложные характеристики-ассоциации: *Лихошерстов, Костоглодов*.

г) **физические характеристики человека:** *Некрасов, Басков, Долгов, Коротков, Добряков, Хромцов, Лысаков, Толстов, Толстоухов, Кудрявцев, Малов, Великанов*.

2. Отношения родства. Так называемые метронимические фамилии, ведущие начало от названия родственных отношений, существующих внутри семьи: *Дедов, Бабин, Мамин, Дядин, Дядьков, Внуков, Девицын* («назаконнорожденный»).

3. Явления природы

а) **стихии:** *Снегов, Ветров, Грозин* (подобные имена могут быть метафорами или же именами, связанными с обстоятельствами рождения ребёнка).

б) **небесные светила:** *Звездочкин, Солнцев, Месяцев*.

в) **ландшафт, рельеф, почва, реки, моря и т. п.:** *Морев, Озеров, Горин, Песков* (омонимично – «пёс»), *Дорогин, Болотов, Полянин*.

г) **животный мир:** *Кучков* (кучко – «пёс»), *Собакин, Волков, Медведев, Зайцев, Баранов, Лосев, Кошкин, Кобылин, Птицын, Лебедев, Воронин, Гусев, Рыбин, Карасёв, Ершов, Линёв, Мухин, Жуков, Блохин*.

В этой группе можно выделить две подгруппы, включающие имена, повторяющие названия диких и домашних животных или птиц. Во второй подгруппе особенно частотны имена, не просто называющие какое-либо животное, а дающие его более «подробное описание», характеристику: *Годовик* – «годовалый телёнок или жеребёнок», *Лошак* – «двухлеток», *Мерин* – «кастрированный конь», *Валух* – «кастрированный баран» и т.п. Об этом напоминают и современные фамилии типа *Годовиков, Лошаков, Меринов, Валухов*.

Существовало много других имён, образованных из нарицательной лексики, имеющей отношение к животноводству, хотя такие имена

принадлежат к другим лексическим группам. Это слова, обозначающие масти животных, бытовые предметы, орудия труда.

д) **растительный мир:** *Соснин, Березин, Дубов, Лецинин, Травин, Осокин, Крапивин, Хвощёв, Ландышев, Капустин; Чесноков, Орехов, Огурцов, Репин; Роцин, Дубравин.* Некоторые из таких фамилий могут хранить определённую информацию о территории (климат, рельеф, растительность и животный мир), которая была малой родиной данного племени, этнографической группы русских.

4. Материальная культура

а) **орудия производства и их детали:** *Молотоков, Топоров и Топорков, Лопатин, Сохин, Лемехов, Гвоздев, Шурупов* и др. Такие имена позволяют изучать хозяйственную деятельность групп населения. Не исключено, что у разных профессиональных групп русского народа существовали свои излюбленные наборы таких именовании (у рыбаков – рыбацкие, у ремесленников – производственные и т.д.).

б) **одежда, обувь, ткани:** *Кушаков, Тулунов, Шапкин, Башмаков* (основы фамилий восходят к тюркской лексике: это напоминает о том, насколько велико число тюркских заимствований в данной группе лексики), *Лаптев, Онучин, Голицын, Рукавицын.*

в) **домашняя утварь.** *Чашкин, Ковшов, Кувшинов, Ведров, Ступин, Ложкин; Мочалов, Метлин, Веников; Телегин, Колесов, Спицын.*

г) **пища, продукты питания:** *Кашин, Лапшин, Крупин, Хлебов, Калачёв, Пирогов, Творогов; Молоков, Квасов, Суслов, Пивов.*

д) **жилище, постройки, хозяйственные объекты:** *Заборов, Каширин, Сараев, Амбаров, Чуланов, Каморин, Каморкин.*

е) **материалы, минералы, сырьё:** *Золотов, Серебров, Чугунов* (чугун – «горшок»), *Глинкин, Свинцов, Железов.*

ж) **средства передвижения.** *Дрогин, Тарантасов, Телегин.*

з) **музыкальные инструменты:** *Дудкин, Скрипкин, Бубнов, Барабанов, Тулумбасов* (тулумбас – «турецкий барабан, разновидность литавр»). Такие имена отражают и этнографические особенности каждой группы населения.

и) **оружие и его детали:** *Саблин, Шашкин, Стрелин, Пулин, Секирин, Пицалин, Мушкетов.*

и) **торговля, финансы:** *Торгашов, Купцов, Гостев, Маклаков, Маклецов, Булынин; Хабаров, Гостинцев, Прибылев; Денежкин, Алтынов, Полушкин, Рублёв.*

к) **предметы роскоши:** *Подарков, Кольцов, Перстнев, Яшмин, Яхонтов, Жемчугов.*

Учитывая то, что полный список таких фамилий состоит не из единиц, а десятков, сотен и, возможно, в некоторых случаях даже тысяч единиц, следует признать, что элементы материальной культуры, отражённые в основах этих фамилий могут дать огромный материал для учёных многих специальностей. Например, названия пищевых продуктов, род занятий населения, уровень развития цивилизации и ряд других сведений из исторического прошлого того или иного народа.

5. Социальная культура

а) **социальные отношения и оценки:** *Барчуков, Знатнов, Безроднов.*

б) **профессия, род занятий, должности, титулы:** *Пастухов, Золотарёв, Бояринов, Князев, Салтанов, Ханов, Королёв, Свинопасов, Коновалов, Зелейщиков, Кровопусков, Рудомётов, Есаулов, Железняков.*

в) **юридические, экономические и политические термины:** *Послухов, Беломестнов, Белов* (прозвище *Белой* могло отражать внешность человека или указывать на его статус «обелённого», т.е. освобождённого от каких-либо повинностей или налогов), *Казённов, Сударев* (казённые, государевы крестьяне); *Крепостнов, Крепаков* (в украинских говорах *крепак* – «крепостной»).

г) **сакральная лексика.** *Свято и Святгов, Крестов и Крыж, Спасибо и Спасибенко, Боголюбов, Апостол, Ангел, Грешинов, Многогрешнов.*

6. Физические свойства и параметры

а) **размер, форма:** *Большов, Малов; Круглов, Шаров, Коротков, Долгов, Низков; Аршинов, Пудов, Локтев, Вериков, Сажнев.*

б) **положение в пространстве:** *Верхов, Близков, Далёков, Дальнов.*

в) **время:** *Понеделков, Понедельников, Понедельченко, Середин, Субботин, Неделин, Пасхин, Постников, Мясоедов, Веснин, Зимин, Зорькин, Сумароков, Потёмкин* и др. Как правило, это имена, обозначающие время рождения ребенка. Первоначально эти имена могли быть и прозвищами: *Понедельник* (то же, что *Понедельщик* – «нанимаемый работник, с которым ведут расчёт понедельно»), *Мясоед* («любитель мяса»).

г) **интенсивность:** категория интенсивность – количественная; все встретившиеся нам и сохранившиеся в фамилиях русские нецерковные имена, которые могли бы быть включены в этот пункт, можно отнести к прочим пунктам (особенности психики, движение, цвет и т.п.).

д) **цвет:** *Серов, Голубов, Золотов, Серебрянов, Зелёнов, Синев, Жёлтов, Краснов, Буланов, Пегов, Буров.*

е) **Звук.** *Шумов, Шумков, Гамов, Грохотов* (кроме того, *грохот* – название решета), *Зыков, Криков.*

ж) **движение:** *Гуляев, Стреляев, Нестреляев, Махаев, Шагаев* и др.

з) **температура:** *Горячев, Холоднов, Теплов.*

и) **вкус:** *Сладков, Кислов, Горьков.*

к) **прочность, целостность, твёрдость:** *Крепков, Твердов, Целиков, Целов, Мягков, Жидков.*

л) **влажность:** *Сухов, Мокров.*

м) **свойства поверхности:** *Гладков, Шершавых, Щербатов, Рябов* (*рябой* – не только «конопчатый», но и «покрытый оспинками»).

н) **вес:** *Тяжелов, Легков, Недовесков.*

7. Собственные имена различных типов в качестве антропонимов

Этот пункт классификации содержит большой материал различного происхождения.

Анализ древнерусского именника показывает, что наиболее многочисленными будут имена, образованные от географических названий. Но далеко не все они в точности повторяют сами топонимы (*Москва, Кострома, Волга* и др.). Значительно чаще они производны от этих топонимов: *Новгородец, Муромец, Брянчанин, Устюжанин* и т.п. Включены сюда и микротопонимы, представлявшие собой нарицательные слова, но в конкретном селении в определённый период выступавшие в качестве собственных именовании: *Майданов, Зацариннов, Цвинтарный, Завражнов*.

Некоторые из топонимов имеют славянское происхождение (в этом случае их основы можно отнести к одному из предыдущих пунктов). Ср.: *Лужков* – выходец из селения *Лужки*, *Требунский* – от селения *Требунки* (от *тереб* и *тереба* – «расчищенная от кустарника под пашню земля», от глагола *теребить* – «корчевать, чистить»), названия которых отражают ландшафт и рельеф. Но многочисленны и топонимы, имеющие иноязычное происхождение: в данном случае их семантика в большинстве случаев равна нулю – они выступают исключительно в качестве собственных имён.

Весьма распространёнными были имена (или прозвища), восходящие к названиям разных народов: *Татаринов, Мордвинов, Черемисин, Аглинцев, Арапов, Жидовинов, Волошинов, Угринов, Венгеров, Литвинов, Ляхов и Ляшенко* и др. В качестве имени могло использоваться и название давно исчезнувшего народа: *Казаринов* (*казарин* – «хазарин», «хазар»).

Другая категория имён данной группы восходит к иноязычной лексике, но двумя различными путями. Во-первых, привнесённое в славянские языки иноязычное слово или имя первоначально стало употребляться в качестве нарицательного, а потом и личного имени: *Князев, Базаров, Салтанов, Баскаков, Королёв* и др. Во-вторых, имя было заимствовано из другого языка непосредственно в качестве личного имени, но со временем могло быть включено и в нарицательную лексику: *Каинов* (*Каин*). Ср. «Мы ево каинам завём: у каина была кривая душа, а в его кривая нога» [Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 13: 395].

Наконец отмечается значительное число личных именованных, происхождение которых в настоящее время не удаётся достоверно определить. Например, известное в прошлом на Тамбовщине имя *Нацва* (фамилия *Нацвин*, или имя, лежащее в основе бытующих в юго-западных областях России фамилий *Жеуров*, *Изжеуров*, *Азжеуров*, *Изжауров*. До сих пор происхождение фамилии *Дубасов* вызывает множество суждений [Щербак 2014а].

Языковые источники происхождения имён собственных не являются целью нашего исследования. Однако материал, рассматриваемый в этом разделе, предоставляет широкие возможности наблюдать имена, пришедшие в русский язык (не только через посредство христианской религии) из лексикона других народов, в первую очередь, тюркских, финно-угорских и балтийских и других. Это обстоятельство повлияло на становление русского антропонимикона и на ономастикон русского народа в целом.

Разумеется, данная классификация учитывает лишь сам факт существования в прошлом имени, лексико-семантическое значение основы которого с определённой степенью достоверности поддаётся этимологизации. При этом не учитывается тот факт, что в общую группу оказываются включёнными именованные, время бытования которых может быть разделено столетиями. Тем самым древнерусский нецерковный именник (система именованных) искусственно превращается в неизменяемую во времени структуру.

Между тем именно система мирских именованных у восточных славян во II тысячелетии не была неизменной. Напротив, нецерковный антропонимикон восточных славян пережил несколько периодов: от бурного расцвета и широкой документальной фиксации до постепенного сокращения, перехода в неофициальную сферу употребления и, наконец, до практически полного исчезновения. Исчезновение его нельзя назвать абсолютным, поскольку он сохранился и до наших дней в форме традиционных прозвищ, правда, не имеющих никакого официального назначения или признания. При

этом по мере сужения круга лиц, представляющих определённое сообщество, объединённое местом проживания, работы или другими интересами (земляки, соседи, коллеги, одноклассники, члены общественной организации и т.п.), частота употребления и пестрота лексического состава прозвищных основ заметно возрастает, поскольку увеличивается число случаев неформального общения. Например, в отношении общеизвестных денотатов характерно использование прозвищ, образованных от их фамилий, или прозвищ, характеризующих их внешние качества: *Горбачёв – Горбач* или *Меченый*, *Лужков – Лужок*, *Жириновский – Жирик*, *Кириенко – Киндер-сюприз* (маленький) и др. В более же узком кругу прозвища несравнимо разнообразнее и по лексическому составу, и по своей структуре: *Восьмой* (жена, потеряв его во время пожара, кричала: «Вася мой! Вася мой!»), *Десятый* (во время детской игры при счёте «Десять!» упал с дерева), *Поней* (очень много пьёт), *Недодушенный* (инсценировал самоубийство, желая понаблюдать за реакцией домочадцев, привязал верёвку так, чтобы она не затянулась), *Чудесенько* (от любимого восклицания), *Гав-гав* (за грубость), *Волга с притоками* (пьёт много воды), *Тундра неогороженная* (за необузданный характер), *Мичурин* или *Мичурин – великий садовод* (не выучив урока о Мичурине, постоянно повторял «великий садовод») и т.д. [Данилина 1979: 281-297].

Эти уточнения очень важны, поскольку составление подробной лексико-семантической классификации древнерусских личных нецерковных имён естественным образом ставит вопрос о мотивации появления того или иного из его компонентов. Создание подобной классификации необходимо не только для изучения собственно этих именовании. Важность проведения такой работы для многих отраслей науки отмечали и первые исследователи древнерусских личных имён (см.: предисловие к изданию «Словаря древнерусских личных именовании» Н.М. Тупикова). Таким образом, мы имеем возможность проследить время появления в русском языке конкретного именовании (возникшего на почве исконно славянской лексики

или заимствованной) и сравнить время появления нарицательного слова (что важно и по упомянутым выше причинам: для изучения развития древнерусского языка).

В ранеесредневековый период ещё не существовало юридических норм, регулировавших процесс имянаречения и употребления личных и наследственных именовании. По этой причине и состав именника естественным образом регулировался постоянным развитием языка, способов материального производства, появлением новых продуктов этого производства, изменением мировоззрения, усложнением социальных отношений и т.д. Несомненно, интересным было бы сравнить состав древнерусского именника на разных этапах его развития. Но эта задача выходит за рамки данного исследования.

Христианские имена, пришедшие на Русь в конце X в., составляют основу современной русской анитрпонимии [Вуйтович 2001]. После принятия христианства православные святцы регулярно пополнялись именами, давно вошедшими в обиход других христианских народов.

Полная официальная формула именования, существовавшая у восточных славян в дописьменную эпоху, была довольно проста и, вероятно, практически всегда ограничивалась упоминанием только личного имени человека и в некоторых случаях его прозвища. А.А. Архипова утверждает в комментариях к русскому изданию работы Б.О. Унбегауна: «В России существовала и по сей день существует естественная антропонимическая модель, которая практически не отличается от антропонимической модели, лежащей в основе официальной (вполне тождественной народной) западноевропейской системы фамилий. Эта древняя русская система характеризовалась наличием у всякого индивидуума (по крайней мере, мужского пола) имени, присваемого ему родителями, и прозвища, присваемого ему социумом...» [Унбегаун 1995: 323].

Но на данном этапе говорить о существовании или хотя бы начале формирования корпуса русских фамилий, то есть семейных именовании,

передаваемых по наследству, преждевременно. Тем не менее необходимо отметить, что в рассматриваемый период у всех славян уже сформировались и некоторые типы наследственных именовании, в частности отчества и дедичества, образованные при помощи суффикса *-ич* (в том числе и усложнённые: *-ович*, *-евич*). Неоспоримым свидетельством этого является бытование таких типов прозваний у всех славянских народов. Но данные именовании ещё не получили официального статуса, не использовались в документах.

Об особенностях динамических процессов в способах именовании древних русичей в начале II тысячелетия писал и Н.М. Тупиков: «... мы видим, что в XI–XIII вв. князья, а также бояре и лица духовныя упоминаются под двумя именами. ... в громадном большинстве случаев... князья... называются только русским именем. Но с конца XIII в. князья всё чаще называются христианскими именами без языческих, а в XIV–XV вв. древнее княжое имя представляет из себя исключение. ...совершенно обратное встречаем в других классах. До XIV в. мы редко встречаем два имени сразу между людьми более или менее именитыми... но в XIV–XV вв. это – явление обычное, в XVI же и особенно в XVII вв. число подобных примеров, можно сказать, ограничено» [Тупиков 2005: 31].

Новый толчок изучению динамических процессов, происходивших в русской антропонимической модели в начале II тысячелетия на примере жителей новгородских земель, был дан в 1951 году, когда в Великом Новгороде на Неревском раскопе была найдена первая берестяная грамота. Последующие находки позволили детализировать этапы становления древнерусского именника.

Для нашего исследования особую ценность имеют берестяные грамоты, поскольку они охватывают период с XI по XV вв. Для ономастологов это не просто исторические вехи: со времени присоединения Великого Новгорода к Московской Руси наука располагает достаточным материалом для изучения, например, постепенного изменения новгородского

именника, в том числе и традиций образования наследственных именованных. Открытие берестяных грамот позволило узнать о том, как эти процессы происходили в более ранний период.

А.А. Зализняк установил, например, что уже в XI – первой четверти XII вв. христианские имена и образованные от них отчества в новгородских письмах составляли весьма внушительный процент (28 и 39 от общего числа именованных). К XV веку их доля превысила 90%. Кроме того, как и Н.М. Тупиков, А.А.Зализняк отметил, что до XIV в. лица, упомянутые в берестяных грамотах, именуется чаще лишь одним именем (христианским или древнерусским) или же с отчеством, также образованным от крестильного или мирского имени. Было замечено, что явно преобладают отчества, образованные от нецерковных имён («христианские» отчества составляют лишь 15%) [Зализняк 2004: 213-215]. Одной из причин этого была «прозрачность» исконно русских имён и прозвищ и, соответственно, их больша «запоминаемость» [Зализняк 2004: 215]. Важную роль играл и тот факт, что мирской именник был значительно более разнообразным.

Но уже к XIV в. большинство упоминаемых в берестяных грамотах отчеств оказалось «христианским». Увеличилось число примеров упоминания человека под двумя именами, как правило, крестильным и мирским. Это оказалось довольно неожиданным. Ведь ранее считалось, что официальная форма именованного человека двумя именами (крестильным и мирским) имеет непрерывную традицию, восходящую к дохристианским временам и обычаям того периода.

Вероятнее всего, причины таких расхождений в грамотах XI–XIII вв. и более позднего периода (например, XVI–XVII вв.) связаны с уже упоминавшимся резким сокращением именника. Например, в старорусской грамоте №36 (первая половина XII в.) перечисляются имена должников: *Перенег, Сбыслав, Братонег, жена Плеша, Стойнег, жена Заида, Ремья, Сушко, Якша, Жаден, жена Небереши, Малята, Сдан, Носатка, Сестрата,*

Путила и *Путила Носович* (уточнение сделано лишь для одного человека, имя которого совпадает с именем другого должника).

Древнерусский именной практически исключал повторения имён. Там же, где они случались, на выручку составителю документа приходили отчества, не менее разнообразные, чем сами имена. С «христианизацией» именника при перечислении в грамотах значительного числа лиц возникает большое число повторений имён и отчеств. Вот тогда-то мирские имена и получают «вторую жизнь». Но их роль в русской системе именования уже сильно отличается от исконной. Они начинают превращаться в известные нам и сегодня прозвища. Например, по данным А.А. Зализняка, наиболее архаичский и очень распространённый в грамотах XI–XIII вв. пласт древнерусских мирских имён (*Милонег, Ратмир, Святополк, Сновид, Домаслав, Добромысл, Перенег* и др.) к XIV веку практически исчезает из употребления. Их вытесняют имена, совпадающие с именами нарицательными, часто оформленные уменьшительными суффиксами: *Бобр, Боран, Волчко, Жила, Кочанко, Рык, Шило* и др. [Зализняк 2004: 216].

Именно этот именной активно развивается на Руси в последующие три столетия и становится причиной огромного разнообразия современных русских фамилий, образованных от нехристианских имён. Но регулярное употребление в документах позднего периода этих имён в качестве дополнительных именовании лиц имеет уже совершенно другое основание. В некотором смысле бюрократическое. Недаром от мирских имён и прозвищ теперь не образуются полноценные отчества. Например, в берестяных грамотах после 1300 г. древнерусские двусоставные имена в полной форме упоминаются лишь трижды и только в составе отчеств: в XIV в. – *Станимирович* и *Твердиславич*, а в XV в. – *Буйносов* (и то лишь в форме, которая спустя столетия получит официальное название «полуотчество») [Зализняк 2004: 216].

Изучение берестяных грамот позволило сделать интересные наблюдения над изменениями форм употребления имён и образованных от

них наследственных именовании. В XI–XII вв. большинство форм мужских имён, оформленных формантом *-ил*, соответствует своему «мужскому» роду (*Путило, Томило, Данило* и др.). В XIV в., но в основном в XV вв. многие из них начинают употребляться в форме «женского» рода: *Путила, Томила, Данила* и т.п. Образованные от них отчества первое время продолжают звучать как *Путилов, Томилов, Данилов* [Зализняк 2004: 208-209]. Интересно, что и в настоящее время частотность фамилий *Путилов, Томилов* и *Данилов* в целом по России выше, чем у фамилий *Путилин, Томилин* и *Данилин* (в паре *Данилов – Данилин* превышение частотности первой фамилии над второй даже многократное). Если преобладание форм *Путилов* и *Томилов* можно было бы объяснить ранним образованием этих фамилий, то форма *Данилов*, несомненно, во многих случаях образована в поздний период, в том числе и во второй половине XIX века, когда в большинстве русских земель каноническое крестильное имя *Даниил* было принято произносить как *Данила*. Это даёт повод предположить, что образование многих фамилий даже в XIX столетии происходило не по утвердившимся к тому времени правилам русского языка, а по традициям, сложившимся столетиями ранее.

Некоторые суффиксальные формы (*Демко, Жадко, Радко, Михалко, Мишко, Домашко, Мирошко*) тоже изменяют звучание. Одни весьма быстро – в ранний период (*Мишка, Домашка, Мирошка*), другие лишь к XV в. (*Демка, Жадка, Радка, Михалка*). Одновременно начинают изменяться и образованные от них отчества (*Мирошкин, Жирошкин, Тимошкинич*). Эта любопытная особенность древнего новгородского диалекта стала известна лишь благодаря изучению найденных берестяных грамот. По мнению А.А. Зализняка, такое изменение связано с общей тенденцией русского языка к употреблению прозвищных именовании в женском роде (дедушка, сынуля, разиня, рёва и др.) [Зализняк 2004: 216].

Динамические процессы, происходившие в древнерусском именнике, ярко проявлялись и в адаптации христианских имён (*Астах* и *Останя, Гюрги* и *Егорий*). Этот процесс адаптации привёл к возникновению огромного

разнообразия личных именований, которое позднее в значительной мере отразилось и в фамильном антропонимиконе.

Эти формы церковных имён (гипокористические и качественные) первоначально возникли в повседневном общении, в кругу близких или достаточно хорошо знакомых между собой людей. Впоследствии они стали закрепляться в повседневной речи в качестве именования конкретного лица и среди более широкого круга лиц. Например, из двадцати *Александров* в деревне один мог зваться *Сашка*, второй – *Шурка*, третий – *Саня*, четвёртый – *Алексаша*, *Лексаша*, *Шурик*, *Сахно* и т.п. Разумеется, число форм каждого имени зависело от их общего числа, представленного в данном диалекте. Именно в такой форме они становились и основами семейных прозваний. Их разнообразие позднее воплотилось и в вариативности официальных русских фамилий.

К концу средневекового периода устройство Русского государства, Великого княжества Московского, уже по многим параметрам кардинальным образом отличалось от устройства его предшественницы – Киевской Руси. Закономерным следствием этого было и возникновение новых динамических процессов в русском именнике.

Если для подавляющего большинства подданных Великого княжества Московского тема наследственных семейных прозваний продолжала оставаться неактуальной, то в среде высшей аристократии стала ощущаться потребность в такого рода наследственных именованиях. Она была вызвана, в первую очередь, необходимостью подтверждения прав наследования. В связи с этим интересно уточнить, о каком именно наследовании могла идти речь.

В первую очередь логично было бы предположить, что главной заботой родовой аристократии было закрепление за потомками прав наследования вотчин. Действительно, к числу древнейших русских фамилий, оформленных уже в XIV–XV веках, следует отнести фамилии княжеских родов, образованные от названий их удельных княжеств, главных родовых

городов или местностей, бывших их собственностью: *Вяземские* (город Вязьма), *Волконские* (река Волконь), *Мещерские* (местность Мещёра) и т.д. Но, как известно, к этому времени в Великом княжестве Московском были полностью или частично уничтожены многие реальные и даже формальные атрибуты удельного владения; вполне оформилось как класс дворянское сословие, имевшее обязательства не перед удельными правителями, а непосредственно перед единым центром в лице великого князя Московского.

Многие потомки удельных князей перешли в разряд обычных служилых людей великого князя, имевших в сравнении с поместным дворянством порой лишь большие или меньшие привилегии (особенно ярко проявившиеся в системе местничества), но обладавшие общепризнанной «родовитостью». Часть представителей таких семейств, например, многочисленные ветви князей Ростовских, также возводили свою родословную к основателю русской великокняжеской династии Рюрику. В данной ситуации для многих из них наличие наследственного родового прозвания не столько закрепляло непосредственные права на владение чем-либо, сколько сохраняло подтверждение этой родовитости. Одну из таких историй описал М.В. Горбаневский: «Царь Алексей Михайлович (отец Петра I) запретил князьям Ромодановским прибавлять к первой фамилии вторую, традиционную – Стародубские, поскольку вторая фамилия соответствовала древнему уделу Ромодановских, а это не вполне отвечало идеям московских царей о централизации. Так вот, после царского указа один из Ромодановских, Григорий, слёзно бил челом «Тишайшему» (как мы помним, так называли Алексея Михайловича): «Умилосердись, не веди у меня старой нашей честишки отнимать!» [Горбаневский 1983: 107].

Эта особенность отношения к семейным прозваниям как к особым атрибутам родовитости ярко проявится в русской фамильной антропонимии позднее – в XVIII–XIX веках, после воссоединения восточнославянских земель и включения в состав Российской империи значительной части земель королевства Польского.

В данный период в Московской Руси вотчинное землевладение постепенно теряло своё значение. В отличие от династий, правивших в Великом княжестве Литовском и королевстве Польском, не имевших столь напряжённого и постоянного противостояния с наследниками Золотой Орды, великие князья Московские, усвоив урок ордынского разорения Киевской Руси, постепенно усиливали централизованное управление своим княжеством. Опираясь на поддержку общества и духовенства, они воспринимали крепнущее под их управлением Русское государство как свою собственную вотчину. Поэтому в исторической части Великого княжества Московского и в постепенно присоединяемых к нему русских княжествах ими вводился новый принцип землевладения, напрямую связанный с обязанностью нести воинскую службу.

Если ещё в XIV столетии вотчинное землевладение преобладало во всей Северо-Восточной Руси, то уже к концу XV века на первый план выступило поместное дворянство, которое в XVI веке стало главной опорой административно-политического управления Великим княжеством Московским. Поместное дворянство, не имевшее длинной родословной и наследственных родовых прозваний, нуждалось в каком-то неоспоримом атрибуте, подтверждавшем их преемственность по отношению к своим успешным предкам. Таким атрибутом могло быть семейное прозвание. При этом оказывалось совершенно не принципиально, каким по происхождению было это семейное прозвание. Более важным представлялось свидетельство непрерывного участия представителей этого рода в судьбоносных для государства кампаниях и их заслуги в устройении его благополучного и мирного развития. Вероятно, этим объясняется ещё один из любопытных фактов, связанных с официальными генеалогиями русских дворян. При такой постановке вопроса особую значимость приобретало и то, при каких обстоятельствах родоначальник того или иного семейства вступил на государеву службу.

Прозаическая карьера из числа крестьян или посадских людей, несомненно, сильно проигрывала в местнических спорах перед героическим прошлым тех, кто называл своим родоначальником ордынца, литвина или выходца из какой-то более экзотической страны, в трудную годину для Русского государства, пришедшего на помощь предкам великих князей или их родственникам в качестве бывалого воина (желательно со своей дружиной). По этой причине даже те дворянские роды (их было несомненное большинство), основатели которых прошли через институт детей боярских, набравшихся из охочих людей всех сословий, были вынуждены изобрести своего предка-иноземца и приписать себе какое угодно происхождение, но только не «местное».

Результат этого процесса подвёл в историческом очерке «Слияние иноземцев с русскими» Е.П. Карнович. Учёный подчёркивал, что при издании в 1785 году общей формы для родословных росписей древних дворянских фамилий нужно было указывать сведения о родоначальнике каждой такой фамилии в следующей формуле: «выехал в Россию оттуда-то при великом князе таком-то» [Карнович 1886].

Само же поместное дворянство XV–XVI веков, не подозревая ещё о том, какое значение спустя два столетия приобретёт фамильная легенда в русском дворянском сословии, и испытывая насущную потребность в приобретении наследственных фамилий, оформляло их самым естественным образом. Речь идет о том, что, обозначая преемственность поколений одного рода посредством передачи из поколения в поколение уже освящённых русской антропонимической практикой семейных прозваний, фамилии образовывались при помощи патронимических суффиксов *-ов*, *-ев* или *-ин*. Во многом благодаря им и сложилось в России представление о том, как должна выглядеть типичная русская фамилия.

В качестве примера приведём перечень фамилий у многочисленных потомков жившего в XIV веке боярина великого князя Ивана I Даниловича Калиты Андрея Ивановича Кобылы: Кошкины, Захарьины-Юрьевы,

Шереметевы, Колычевы, Сухово-Кобылины и, конечно же, Романовы. Последняя фамилия замечательна тем, что ничем не отличается от фамилии самой «главной» в Российской империи русской семьи – императорской.

Среди древнейших дворянских фамилий известны и оттопонимические. Они восходят к названиям не вотчин, а городов и уездов, в которых служили родоначальники этих семейств. Часть из таких фамилий была дооформлена по самой распространённой модели патронимическими суффиксами: *Болховитинов, Веневитинов, Вязьмитинов, Москвитинов* и др. Но часть таких фамилий сохранили звучание самих прозвищ: *Болховитин, Веневитин, Москвитин* и др. По мнению В.А. Никонова фамилии «на *-итин*» характерны для Московского государства XV-XVI вв., они образованы от названий городов: *Боровитин, Веневитин, Вереитин, Костромитин* и др. Сын соответственно получал отчество с *-ов*, но так как *-ин* совпадало с окончанием многих отчеств (становившихся и фамилиями), то его нередко принимали за готовое оформление и обходились без *-ов*» [Никонов 1993: 89].

Существует также мнение, высказанное, например, Б.-О. Унбегауном, что фамилии с окончанием на *-итинов* обычно дворянские [Унбегаун 1995: 108]. Данное утверждение справедливо для большей части (но не для всех) фамилий с окончанием на *-итинов*, однако не относится к фамилиям, не усложнённым патронимическим суффиксом *-ов*. Такие фамилии возникали и в XVII веке, в том числе и во второй его половине (см. п. 1.2).

В этот период начинается процесс образования наследственных семейных прозваний, сохранившихся позднее в качестве официальных фамилий, и в некоторых других сословиях. Такова история известного с XV века рода промышленников Строгановых, родоначальником которых был энергичный, боевой и, если верить семейному преданию, много испытавший в своей жизни новгородец (побывал в турецком плену, был изувечен, «обстроган», за что и получил своё прозвище).

Большинство русских людей в тот период ещё не имело фамилий, хотя антропонимикон русских грамот XV–XVI столетий насыщен перечислением

отчеств и дедичеств, то есть наследственных именований, а упоминания лиц с указанием лишь одного или двух личных имён становятся всё более редкими и касаются обычно лиц невысокого социального положения: «Михалко Копыто, крестьянин Зборовскаго пог. 1495»; «Копитко Убогий, Кіевскій мѣщанин, 1552 г.» и даже так: «Обросимка Коранька, сынъ Ѳедора Лаптя, человека князя Ростовскаго, 1548 г.» [Тупиков 2005: 219].

Однако это был ещё не фамильный антропонимикон. Для его широкого распространения в тот период не созрели соответствующие социально-экономические условия. Довольно простыми были типы наследуемых объектов: кузня, мельница, а чаще земельный надел, обрабатываемый данной семьёй. Впрочем, в условиях усиливавшейся централизации государства основной гарант соблюдения законных прав собственности – вотчинник – становился для среднестатистического подданного всё более недостижимым (до Бога высоко, до царя далеко). Поэтому завещания, дарственные грамоты и договоры купли-продажи, разрешение споров о правах на владение ремесленными, торговыми, промышленными заведениями или землёй «с лесы и с луги, и с пожнями, и с пустошми, и с селицы, и с пруды, и с перевесы, и со всеми угоды, и всем с тем, что к тому сельцу и к деревням из старины потягло, куды из того сельца и из деревень топор и соха и коса и плуг ходил» [Акты Троицкого Калязина монастыря 2007: 29] настоятельно требовали унификации в однозначном определении старого и нового собственников. Это упростило бы процедуру подтверждения прав собственности, тем более в том случае, если судьёй в разрешении спора выступало лицо, присланное «из центра» и по незнанию исторических обстоятельств дела рискующее принять за истину утверждение стороны, имевшей более сильные позиции в среде местной администрации.

Одним из способов решения проблемы могло бы стать законодательно оформленное обязательное наличие у каждого человека (семейства) наследственного прозвания (фамилии). Эти требования времени были

разрешены в будущем столетии, но не совсем так, как можно было бы ожидать.

1.2. Период XVII–XVIII веков

В XVII столетии произошли два события, внёсшие заметный вклад в увеличение вариативности русских фамильных антропонимов. Такова имевшая трагические для русского народа последствия церковная реформа патриарха Никона, проведённая им в середине XVII века.

Одним из самых незначительных в целом, но важных для данного исследования последствий явилось появление в русском именнике двух вариантов полных форм некоторых имён: *Алексий* и *Алексей*, *Иоанн* и *Иван*, *Симеон* и *Семён*, *Фирс* и *Фурс*, *Евфимий* и *Ефим*, *Антоний* и *Антон*, *Мария* и *Марья*, *Наталия* и *Наталья* и др.

Эти изменения, зафиксированные в церковном календаре, в целом мало повлияли на сам русский «живой» церковный именник, на формы употребления крестильных имён в бытовом общении. Свидетельством этого является абсолютное преобладание фамилий, восходящих к тем формам церковных имён, которые сложились на Руси за столетия до реформы XVII века: *Иванов*, *Семёнов*, *Фёдоров* и др. Существуют и фамилии *Иоаннов* и *Иоанов*, *Евфимов*, *Симеонов*, *Антониев* и *Антоньев*, но они единичны и обычно имеют искусственное происхождение (например, семинарские фамилии) или первоначально возникли в иноязычной среде.

Некоторые изменения в официальных формах написания канонических церковных имён всё же нашли отражение и в современных фамильных антропонимах. Так, фамилия *Екатеринин* более частотна, чем *Катеринин*, хотя на Руси имя *Екатерина* даже в официальной речи долгое время произносилось как *Катерина*. Например, в списках жителей Костромы за 1627–1630 годы упомянуты 18 женщин с именем *Катерина* (*Катеринка*). Каноническая же форма этого имени встречается в тексте лишь трижды, причём, только при упоминании святой Екатерины: «Церковь деревяна, верх шатровой, Воскресения Христова да вверху предел Христовы мученицы

Екатерины», «А у Спасова образа венец жемчюжен да бирюска обниз жемчюжная, а на полях Пятница, да Екатерина, да Варвара, да Ульянея, венцы серебряные сканные, золочены, с финифты», «А у Северных дверей образ месной в киоте писан на золоте великие мученицы Екатерины...» [ПКК 2004.: 272, 298, 313].

На рубеже XVIII-XIX веков имя *Екатерина* уже употребительно и в бытовом употреблении, во всяком случае, в купеческой среде [Купеческие дневники... 2007].

Образование наследственных прозваний от имени матери не было свойственно древнерусской традиции. Заметная распространённость фамилии *Марьин* связана лишь с тем, что имя *Мария* было на Руси самым распространённым женским именем, следовательно, чаще становилось основой семейного прозвания детей в неполных семьях. Необходимо отметить, что существует регион, в котором фамилии, восходящие к женским именам, более распространены, чем в целом в среде восточных славян. Таковы южные области России, центральная и восточная часть территории современной Украины.

Этот факт можно объяснить наличием высокой смертности среди мужского населения бывших южных окраин восточного славянства, вызванной полувоенной жизнью местного населения даже в первой половине XVIII столетия. Кроме того, некоторые из матронимических фамилий на самом деле не являются таковыми. Например, родовые прозвания части семей с фамилиями *Маринин*, *Мариненко*, *Мариненков*, *Аненков* или *Анненков* восходят не к женским именам *Марина* и *Анна*, а к мужским именам *Марин* и *Анин* [Петровский 1996: 54, 188]. В целом же матронимы редко сохранялись на протяжении поколений: без мужчины род не продолжался, а с его появлением семейное прозвание, как правило, естественным образом заменялось на новое, образованное от мужского имени. Поэтому фамильные антропонимы, восходящие к женским именам, чаще всего возникали по той причине, что именно на поколение, не имевшее отца, пришлось юридическое

оформление фамилии этого рода. Такое оформление приняло массовый характер лишь в XIX веке, в результате чего значительное число возникших в этот период фамилий отражает произношение церковных имён более близкое к каноническому или полностью совпадающее с ним.

Объяснимо и почти трёхкратное превышение частотности фамилии *Фирсов* над фамилией *Фурсов*. Во-первых, форма *Фурс* в дореформенный период не была общерусской. Ср.: Фирс Полшиков, белозерский посадский, 1641 г. [Тупиков 2005: 726]; Нехороший Фирсов, приказной судья, 1647 г. [Богоявленский 2006: 142]; Фирсов Афанасий; стрелец, Москва, 1647/48 г. [Раздорский 2001: 711] и др. Кроме того, распространению варианта *Фирсов* способствовали и более поздние события (например, присвоение фамилий при поступлении на воинскую службу).

Особое влияние на состав и разнообразие русских фамильных антропонимов оказали и качественные изменения, произошедшие в XVII веке в нецерковном именнике. К концу этого столетия традиционные мирские имена у русских практически повсеместно вышли из употребления, во всяком случае перестали фиксироваться в официальных документах. Подчеркнём, что сам мирской именник не прекратил существование. Но изменился качественно. Ушла в небытие многовековая традиция давать ребёнку сразу после рождения какое-либо нецерковное имя. Однако сохранились прозвища, бытование которых, впрочем, стало ограничиваться в основном неофициальной сферой. В этом качестве условно «мирской» именник сохраняется и поныне. Разумеется, после отделения церкви от государства утратили смысл сами понятия «церковный именник» и «мирской именник», правильнее говорить об «официальном» и «неофициальном».

Принципиальной разницей между древним мирским именником и современным мирским-неофициальным является тот факт, что сегодня от прозвищ не образуются официальные семейные прозвания (но сохраняется обычай образования неофициальных семейных прозвищ, уличных дворовых фамилий). Отметим, что имена-прозвища имели широкое распространение,

но, учитывая основное назначение личных имён – выделять человека из среды его земляков и тёзок, можно предполагать, что прозвищный пласт русских личных антропонимов с исчезновением классических мирских имён претерпел сильные изменения и в другом плане.

Речь идёт о том, что раньше значительную часть нецерковного именника составляли мирские имена, регулярно воспроизводимые, повторяющиеся из поколения в поколение в разных социальных и профессиональных группах русского населения, в разных регионах и диалектах. Это увеличивало разнообразие именованных, но в то же время несколько «притормаживало» развитие системы прозвищ.

После исчезновения мирских имён более заметной стала сравнительная бедность церковного именника, т.е. общее число церковных имён несравнимо с практически бесконечным разнообразием старинных мирских имён. И если в документах отмечается резкое сужение разнообразия именника отчасти упоминанием полуотчеств и семейных прозваний (поскольку число отчеств и полуотчеств также сильно ограничено), то в бытовой сфере общения, в процессе устных речевых коммуникативных актов проблема идентификации денотата стала ощущаться довольно остро.

В ходе речевой коммуникации возникала необходимость добавлять определённые уточнения, помогающие однозначно указать на определённое лицо, например, если отмечалось наличие нескольких мужчин с именем Иван в одной деревне. Это способствовало широкому распространению прозвищ и активизации процесса образования фамилий. Потребность в широкой номенклатуре прозвищных основ активизировала увеличение числа прозвищ, заимствованных из чужих диалектов и языков. Ускорило «внедрение» в прозвищный именник прозвищ, образованных как от новых заимствованных слов, отражавших стремительно менявшиеся реалии русской жизни, так и возникших на основе собственно русской лексики. Ср. фамилии *Староверов*, *Стародумов*, *Раскольников*, *Обливанцев*, *Молоканов*.

В целом XVII век ознаменовал собой резкие изменения во многих сферах жизни русских людей. Утверждение, что реформирование «домостроевской» Московской Руси началось лишь при Петре I., давно опровергнуто историками, но по-прежнему преобладает в научно-популярной литературе. На самом деле заметные перемены в государственном устройении стали происходить практически сразу по окончании Смутного времени.

Уже в 1630 г. при первом «из Романовых» – Михаиле Фёдоровиче – началось реформирование армии, создание полков «нового» или «иноземного» строя. Эти начинания получили особенное развитие в годы правления его сына, Алексея Михайловича, и, конечно же, внука – Петра Алексеевича. В Москву стали приглашать различных специалистов из других европейских стран, потомки которых, со временем обрусев, дали России большое число выдающихся деятелей науки и культуры, военного и промышленного дела и одновременно пополнили русский фамильный антропонимикон. Поэтому сама возможность официальной, а тем более неофициальной поездки будущего первого русского императора в Европу под именем капитана *Петра Алексеева* была обусловлена не столько экстравагантным характером тогда ещё «Царя и Великого князя», сколько несколькими десятилетиями мудрого правления его деда и отца.

Возобновление после нескольких столетий вынужденной оторванности Руси от европейского мира тесных экономических и культурных отношений со странами Европы не прошло бесследно и для русской антропонимии. Вероятно, из петровских поездок по Европе было «привезено» домой и пополнившее русскую антропонимическую терминологию слово «фамилия» (фамилия – «род благородный»; 1704 г. [Черных 1999, Т.1: 301-302]). Весь XVIII в. и значительную часть XIX в. это слово употреблялось в русском языке в значении «семья, род». Можно предположить, что более тесное знакомство русских аристократов с иноземными «фамилиями» (то есть родами), ставшие регулярными поездки, в том числе и с целью обучения,

освоения «новых технологий», в которые были вовлечены не только дворяне, но и представители других сословий, дали толчок широкому и бесповоротному распространению в Российской империи обязательности третьего компонента в полной формуле именовании русских подданных – фамилии.

Тем не менее, необходимо уточнить, что часто встречающееся в научно-популярной литературе утверждение, будто бы традиция образования фамилий была заимствована русскими «с запада», совершенно не соответствует истине. Поиск окончательного варианта такой формулы был основан на самобытных традициях. Процесс выработки единых правил именовании, привычный нам сегодня, возник не сразу и продолжался много столетий. Что действительно было заимствовано, так это слово *фамилия*, позволившее устранить двусмысленность употребления лексемы *прозвище*, которым ранее обозначали и передаваемое по наследству семейное прозвание (например, в украинском языке оно сохранилось – *прізвище*). Более того, окончательно слово *фамилия* было включено в русский язык в совершенно другом значении (первоначальное латинское значение этого слова «семья»).

«Со времён Екатерины II официально было узаконено, что особ первых пяти классов следовало писать с отчеством на *-вич*; лиц, занимавших должности с шестого класса до восьмого включительно, предписывалось именовать полуотчеством, всех же остальных только по именам» [Горбаневский 1983: 103]. Согласно этому правилу, отчество «*с вичем*» не полагалось даже представителям княжеских родов при условии, если они состояли в чине, меньшем, чем тот, который позволял «величать» их по самой полной форме. Как это выглядело на практике, можно увидеть из такого примера:

«*В третьем департаменте*»:

Обер-секретари:

Сергей Васильевич Акчурин, Статский советник.

Николай Николаевич Мотонис.

Экзекутор:

Князь Петр Иванов сын Гагарин.

Секретари:

Иван Иванов сын Акимов.

Сергей Федоров сын Бельский.

Иван Григорьев сын Туманской.

«В пятом департаменте»:

Экзекутор:

Подполковник Василей Чичерин.

в Священном Правительствующем Синоде:

Обер-Секретарь:

Михайло Константинович Остолопов.

Экзекутор:

Евграф Гаврилов сын Рыков.

Секретари:

Игнатей Калинин.

Императорский московской университет:

Профессоры:

Антон Павлов сын Лосенко, живописи.

в Малой России

Генеральный Есаул.

Иван Тимофеевич Жоравка, в полковничьем ранге.

Земской судья.

Сергей Сидоров сын Дергун

Титулярный советник.

Семен Федоров сын Уманец

[Месяцеслов... 1772: 26-27, 28-29, 35, 120-122, 201-202]

Следует заметить, что столь строгая детальная разработка правил записи полного именованья коснулась лишь лиц официальных. Это, разумеется, отразилось и на представителях других сословий. В том лишь

смысле, что делопроизводители отныне, видимо, стремились соблюсти данные правила и при составлении списков лиц других сословий, жителей различных селений и т.д. Зная это, легко понять причины процессов, описанных В.А. Никоновым. Так, недостаточные источники по Устюгу Великому за 1763 и 1973 гг. позволяют лишь весьма приблизительно выявить основные черты изменений. За два столетия преобладающий формант *-ов* ещё усилил свои позиции – ему принадлежало в XVIII в. больше половины (в подсчёте не фамилии, а их носители), в настоящее время почти 2/3. Несколько сократились фамилии на *-ин*, заметно участились на *-ский*, в десять раз убавились фамилии на *-их(-ых)* (до 1%), но появились, хотя и в минимальном количестве, прочие формы, которых не было в 1763 г. Налицо явный процесс выравнивания: у усиление общерусских показателей и «вымывание» локальных. «Процесс интеграции начат давно. Замена *-их(-ых)* видна на Севере ещё в документах начала XVIII в.: ряд фамилий с *-их*, известных в XVII в., оформлен иначе (Лысов вместо Лысых, Заборский вместо Заборских)» [Никонов 2005: 53].

Этим же было вызваны изменения в официальной записи многих других диалектных форм семейных прозваний: *Савченко – Савченков, Васюк – Васюков, Гаврич – Гавричев, Козёл – Козлов, Горошеня – Горошенин* и т.д. Тем не менее, местные особенности образования фамилий в разных регионах Российской империи в целом сохранились. Как видим, даже в столице не обязательно происходило дооформление семейных прозваний при помощи патронимических суффиксов *-ов, -ев, -ин*: упомянутый в «Месяцеслове» Антон Павлов сын Лосенко – не кто иной, как основатель русской исторической живописи Антон Павлович Лосенко (1737–1773), уроженец Черниговщины, в семилетнем возрасте после смерти родителей привезённый в петербургский придворный хор. Сохранение диалектных форм семейных прозваний и стало причиной большого разнообразия форм современных русских фамилий.

Таким образом, распространение многих диалектных форм фамильных антропонимов отражает историю формирования и расширения границ Русского государства. Например, «северные» фамилии, образованные при помощи суффиксов *-их*, *-ых*, в настоящее время часто называют «сибирскими» по причине того, что именно в Сибири такой тип фамильных антропонимов меньше всего подвергся стандартизации, и потому они в сибирских землях более частотны.

Но существует ещё один регион, в котором такие фамилии весьма многочисленны, хотя и не составляют заметного процента, но удивляют своим разнообразием. Это южные (в границах XVI–XVII веков) земли Великого княжества Московского. Вероятно, появление здесь фамилий такого типа связано с переселениями выходцев с Русского Севера в XVI–XVII веках. Причём были не просто «перенесены» характерные для них фамилии, но и сам тип образования фамилий. Об этом напоминают фамилии, восходящие уже к местным топонимам: *Тамбовских*, *Воронежских*, *Закамских*, *Тульских*, *Ахтырских*, *Белгородских*, *Каширских* и др.

После введения правил именованья чиновников в официальных документах (имя + отчество + фамилия, имя + полуотчество + фамилия, имя + фамилия) предписание не указывать в официальных документах отчества и даже полуотчества лиц, не занимавших высокий социальный статус, не выполнялось в случаях, когда составлялся документ, имевший важное юридическое значение. Таковы, например, духовные грамоты, договоры купли-продажи, договоры о разделе имущества и т.д.

Ср.: «Запись сговорной московского 1-й гильдии купца и разных фабрик содержателя Ильи Гаврилова сына Журавлева на дочь Елизавету в замужество за лейб-гвардии Преображенского полка подпоручика Ивана Петрова сына Кривцова» (1772 г.), «Запись духовной экономическое оброчного крестьянина московского жителя Григория Иванова сына Штанникова» (1777 г.), «Раздельная запись московских купцов Максима и

Федора Федоровых детей Зенковых» (1798 г.) [Городская семья XVIII в. 2002: 414, 328, 511].

Дело в том, что главной функцией таких документов было не перечисление лиц с указанием их социального статуса, не «величание», а наиболее точное указание всех их именовании, а именно: *имени, патронима* (отчества или полуотчества) и *наследственного именовании* (будущей *фамилии*). Эта традиция отчётливо прослеживается и в более ранний период: «Запись сговорной отставного солдата Степана Фролова сын Ардабьева на дочь Василису в замужество за человека графа А.А. Матвеева Степана Константинова сына Бутурлина» (1725 г.) [Городская семья XVIII в. 2002: 368].

К началу XVIII века современная трёхчленная формула официального именовании русского человека уже вполне сложилась [Мадиева, Супрун 2011]. Практически закончилось образование официальных родовых прозваний в среде русской аристократии. В дальнейшем пополнение списка «дворянских» фамилий в России происходило уже не через возникновение новых дворянских фамилий, а за счёт того, что само дворянское сословие постоянно пополнялось выходцами из других социальных слоёв. За определённые законом заслуги можно было получить право на личное или наследственное дворянство. По этой причине корпус дворянских фамилий постоянно пополнялся фамилиями, ничем не отличавшимися от семейных прозваний, распространённых в других сословиях. Напротив, некоторые семейные прозвания, которые действительно относятся к древнейшим формам фамильных антропонимов, получивших статус официальных фамилий, нередко определяются как «дворянские» и могли возникать и в других сословиях.

В качестве примера приведем сведения о фамилии *Чусовитин*. На рубеже XX–XXI вв. в Москве проживало 16 семей с этой фамилией, в Екатеринбурге – 84 семьи, в Перми – 11, несколько большая её частотность наблюдалась в Омске, Новосибирске и других городах Южной Сибири.

География распространения этой фамилии отражает историю основных миграционных потоков русского населения в XVII–XIX вв. – с запада на восток. Но образование фамилии *Чусовитин* датируется не XV–XVI веками, а XVII, возможно, и XVIII столетиями. Об этом свидетельствует и сама история устройства Чусовских городков. По состоянию на 1579 г. на Урале Строгановы имели: Орёл-городок, Нижний Чусовской городок, слободы Сылва и Яйва, в которых было 406 человек мужского пола. Верхний Чусовской городок был основан лишь в 1616 г. В 1642 г. население Нижнего Чусовского городка и его округа составляло чуть более 600 человек мужского пола. В период с 1624 по 1673 г. население строгановских вотчин увеличилось в 6,5 раза, число населённых пунктов – в 2,5 раза.

С первой трети XVII века в грамотах весьма часто встречается и семейное прозвание *Чусовитины*: «Амоско Микитин Чюсовитин», тюменский пашенный крестьянин, 1623; «Гришка Чюсовитин прозвище Налим», пашенный крестьянин Невьянской слободы, 1640; «Сидорко Тимофеев сын Чюсовитин», родился на р. Чусовой в вотчине Данилы Строганова; Борис Прокофьев сын Чюсовитин, крестьянин, 1719 [Мосин 2001: 473]. Таким образом, на восточной окраине Русского государства образование семейных прозваний при помощи суффикса *-итин* продолжалось и в XVII веке.

Такие прозвания отмечены и в центральных землях Московской Руси. Утверждение о том, что суффикс *-итин* обозначал «дворянина, зачисленного на военную службу по такому-то уезду, в котором он и получал землю, становясь помещиком», возможно, действительно было верным в отношении к периоду XV века [Никонов 2005: 44], но в XVI–XVII столетиях оно имело и более широкий смысл. Например, в грамотах упоминаются: в начале XVI века – Иван Ондреев сын Москвитин, крестьянин [Тупиков 2005: 281]; в 1609 году – Сава Тараканов, Москвитин, боярский сын [Тупиков 2005: 810]; Кузма Алексеев сын Москвитин, Новгородский торговый человек, 1614 [Тупиков

2005: 281]; в 1649 – Перфирий Зеркальников, Москвитин, торговый человек [Тупиков 2005: 579]

Обращает на себя внимание тот факт, что в одних случаях это уже семейное прозвание, в других – ещё только личное прозвище. Одновременно с этим (не позднее XVI века) частым становится и упоминание прозвища *Москвич*: Булгай Петров сын Москвич, 1525 г. [Тупиков 2005: 92]; Вязма Семенов Москвич, торговый человек, 1566 г. [Тупиков 2005: 92]; Назар Чупрунник, Москвич, торговый человек, 1566 [Тупиков 2005: 456]. Петр Дутой Москвич, торговый человек, 1566 г. [Тупиков 2005: 164]; Дрозд Васильев сын Москвич, 1625 г. [Тупиков 2005: 158]. Поэтому в некоторых случаях фамилия *Москвичёв* может быть образована даже раньше, чем фамилия *Москвитин*, восходящая к более древней форме оттопонимического прозвища.

В этот период стали получать фамилии и некоторые купеческие роды, из которых, наверное, самым знаменитым является род промышленников Демидовых. Фамилии русского купечества, а также промышленников мало отличаются от фамильных антропонимов, возникших в других сословиях, хотя, очевидно, что в их среде значительно чаще встречались семейные прозвания, восходящие к профессиональным прозвищам, возникшим ещё в период, когда основатель купеческой или промышленной династии избрал для себя тот или иной вид деятельности, за что и получил соответствующее прозвище, например, *Пороховщик*, *Рыбник*, *Гончар*, *Коробейник*, *Рудоискатель* и т.д. В основах фамилий сохранились не только общерусские, но и диалектные варианты профессиональных прозвищ: *Молодожников* и *Солодовников*, *Дуботолков* и *Короцюпа* и др. [Горбаневский, Максимов 2008: 20].

С XVII столетия начался процесс оформления фамилий в служилом сословии. В России сегодня существует огромное число фамилий, напоминающих о службе родоначальника в тех или иных родах российских войск. Это неудивительно, если вспомнить, сколько войн пережила наша

страна за свою долгую историю. Неудивительно и то, что память об этом нашла отражение и в семейных прозваниях потомков наших предков-воинов. Большую часть XVIII века действительная служба русских солдат была пожизненной. С 1793 г. её ограничили 25-ю, с 1834 – 20-ю, а с 1855 – 12-ю годами. Все мужчины, попавшие в солдаты, переходили в военное сословие. Сюда же записывались их жёны и дети, если таковые имелись. Всего с 1699 по 1858 гг. в солдаты только из крестьян было взято около 7,6 млн. человек. Кроме того, наборы рекрутов производились и из среды горожан и духовного сословия. В 1874 г. была введена всеобщая воинская повинность, и военное сословие просто перестало существовать. Но о том, как много россиян побывало на службе в качестве солдат, сегодня напоминает распространённость фамилии *Солдатов*. Только в Москве проживает более одной тысячи трёхсот семей с этой фамилией. Вообще же число фамилий, образованных от этого названия, гораздо больше: *Солдат*, *Солдатеико*, *Солдатенко*, *Солдатенков*, *Солдатенок*, *Солдатиков*, *Солдатин*, *Солдатко*, *Солдатков*, *Солдатничев*, *Солдатский*, *Солдатсков*, *Солдатской*, *Солдатченко*, *Солдатченков*, *Солдатчиков*, *Солдатчук*, *Солдацков*. Отметим, что фамилии *Солдатухин*, *Солдаткин* или *Солдаткичев* образованы от прозвания матери *Солдатуха* или *Солдатка* (свидетельство о том, что она была женой солдата).

Традиционно считается, что само слово *солдат* было заимствовано русскими из французского языка в первой трети XVII в.: значение восходит к итальянскому слову *soldato* (от *soldare* – «нанимать»). Это название отражало специфику формирования армий в странах Западной Европы: первоначально и в России солдатами называли «вольнонаёмного воина-иностранца в том или ином иноземном отряде: наемные... немецкие люди... и солдаты, пешие люди» (1632 г.) [Черных 1999, Т. 2: 186]. Со временем так стали называть вообще рядовых военнослужащих, нижних чинов в войсках. О том, насколько быстро это слово было воспринято русским языком, напоминает то, что уже в первой половине XVII века в разных регионах России вошло в

обиход и личное прозвище *Солдат*. Например, в грамоте 1643 г. упоминается Яков Солдат, донской казак; в 1648 г. – Назар Савинов сын Солдат, пристав Суздальской съезжей избы; в 1656 г. – Солдатко, служилый человек в Сибири [Тупиков 2005: 391]. В этот период встречаются и первые упоминания семейного прозвания *Солдатов*: Петрушка Солдатов, стрелецкий сын в Москве, 1642 [Московская деловая и бытовая письменность 1968: 272]; Павел Иванов сын Солдатов, тихвинский посадский, 1660 [Тупиков 2005: 780].

О службе родоначальника на флоте напоминает фамилия *Матросов* (в Москве более 500 семей). Кстати, само это слово (первоначально в форме «матроз») действительно пришло в русский язык из голландского лишь во времена реформ Петра I. В описании путешествия императора Александра I по Волге в 1824 г. сообщается, что он за верную службу «пожаловал унтер-офицеру, бомбардиру и матрозам» немалые деньги. Существует и фамилия *Матрозов*, а также *Матросенко*, *Матросенков*, *Матросович*. Фамилия *Матроскин* образована от прозвища матери, муж которой служил матросом.

Потомками русских солдат и матросов являются не только представители упомянутых фамилий. Многие фамилии сохранили указания о том, в каком роде войск, на какой должности или в каком чине служил родоначальник. Считается, что начало традиции заимствования подобных названий было положено Петром I. Но на самом деле привлечение западноевропейских военных специалистов к устройству русской армии практиковалось с давних времён. Ещё при царе Михаиле Фёдоровиче и его наследнике Алексее Михайловиче из Европы с участием иностранцев были сформированы рейтарские, драгунские и гренадерские полки, т.е. полки «иноземного строя». Первый копейно-рейтарский полк (1632 г.) на 2/3 состоял из русских воинов.

К концу столетия число таких полков дошло до 25. Эти реформы явились причиной появления в России фамилий *Рейтаров* (нем. *Reiter* – «всадник», вид тяжёлой кавалерии), *Драгунов* (вид кавалерии,

предназначенной для действий в конном и пешем строю; от франц. – dragon: на драгунском знамени изображался крылатый змей – дракон), *Канониров* (от нем. Kanonier – «артиллерист»), *Гренадеров* (отобранные по высокому росту солдаты пехотных или кавалерийских частей XIX в.; в XVIII в. гренадерами называли солдат, вооружённых тяжёлыми ручными гранатами), *Гусаров*, *Бомбардиров* (солдат-артиллерист, обычно при мортирах и единорогах) и др. К этой группе относится и фамилия *Фурлетов* (*фурлет* – разговорная форма названия *фурлейт* из нем. Fuhrleute – «возчик»; так называли служащих частей, которые обеспечивали снабжение армии).

Другие фамилии запечатлели официальные или народные названия чинов: *Сержантов*, *Вахмистров*, *Ундеров* и др. Воинское звание *сержант* пришло в русский язык из французского (sergent): оно восходит к латинскому serviens – «служащий» (встречается уже в «Книге о ратном строе» 1647 г.). В русской армии это звание сохранялось лишь до 1798 г. (восстановлено в 1940 г.). Поэтому появление фамилии *Сержантов*, видимо, относится ко временам XVIII – начала XIX вв., быть может, и ко второй половине XVII века. *Вахмистр* (от нем. Wachtmeister) – чин и должность унтер-офицерского состава в кавалерии и конной артиллерии. Похожее происхождение у фамилий *Унтеров* и *Ундеров*. В их основе лежит воинское звание, которое принято произносить как *унтер-офицер*. Но так было не всегда. Даже в XIX веке в обиходе весьма употребительной была и форма *ундер-офицер* (немецкое Unteroffizier, голландское onderofficier – «младший офицер»). Унтер-офицеры, или просто «ундеры», составляли младший командный состав армии (фейерверкеры, урядники, вахмистры, фельдфебели, подхорунжие, подпрапорщики): появляются фамилии *Урядников*, *Фельдфебелев*. Унтер-офицеры были выходцами из рядового состава, до реформы 1874 г. унтер-офицерские чины были высшими званиями для воинов недворянского происхождения. Разумеется, этот факт не мог остаться незамеченным при образовании фамилии потомков унтер-офицера.

В XVIII–XIX веках в Российской империи существовала социальная группа лично свободного населения под названием «солдатские дети» – дети солдат из крестьян. Если погибал отец-солдат, то расходы на содержание и обучение его сына брала на себя казна. Закрепившееся за детьми солдат прозвище «солдатские дети» или более конкретное указание на то, в каких войсках служил отец, часто становилось основой их семейного прозвания, и в учебных заведениях такие фамилии попросту записывались администрацией.

Уже в 1721 г. Пётр I учредил при каждом полку гарнизонные школы для обучения детей солдат грамоте и ремёслам, с 1758 г. уже практически все солдатские дети были причислены к военному ведомству и распределены по гарнизонным школам. Их стали называть кантонистами (нем. – «военнообязанный»). Кантонистские школы существовали до 1856 года. Обучение кантонистов было на высоком уровне: преподавались письмо, чтение, арифметика, различные ремёсла, большое внимание уделялось физическому и нравственному воспитанию, военным упражнениям (фехтование, стрельба, верховая езда). С 1826 г. из числа кантонистов готовили военных специалистов: инженеров, артиллеристов, аудиторов, военных медиков и топографов. Многие из кантонистов в мирное время отправлялись для прохождения службы в поселённые войска, где занимались различными ремёслами, а в случае войны жители этих посёлков возвращались в строй. Большинство кантонистов ещё в училищах получало официальные фамилии, в том числе и записанные от названия воинской профессии, должности или чина отца. Но поскольку процесс оформления российских фамилий продолжался и во второй половине XIX века, то фамилия их потомков могла быть и изменена. Именно так появилась фамилия *Кантонистов* и ряд других, отражавших профессии бывших кантонистов.

На первый взгляд, может показаться возникшей лишь в XX веке фамилия *Санёров*. Но эта фамилия могла быть образована и в более ранний период. Слово *санёр*, т.е. «военнослужащий инженерных, военно-

строительных частей и подразделений» пришло в русский язык из французского *saper* – «подкапывать», «прорывать ходы сообщения»). Ещё в период петровских реформ в обиход русских военных стало входить слово *sapa*, т.е. «ход сообщения», «подкоп», «траншея», имеющее тот же источник: первые подразделения регулярной русской армии, занимавшиеся оборудованием переправ, строительством мостов, прокладкой дорог и другими фортификационными работами были созданы под началом иностранных специалистов, поэтому и здесь стали использоваться термины, заимствованные из западноевропейских языков. В России название военной профессии *сапёр* окончательно утвердилось к началу XIX века. Поэтому уже в тот период сын сапёра мог получить фамилию *Сапёров*.

Воинское происхождение имеет фамилия *Капралов*, в некоторых случаях и *Капранов*. Слово *капрал* в русских говорах употреблялось в форме *капран*, оно пришло в русский язык из французского *sarogal*, восходит к латинскому *sarogale* – «младший командир, бригадир». «И я, холоп твой, въ те чины во все по твоему государеву указу, въ прапорщики и въ сержанты, и в капралы... выбралъ из нихъ старыхъ и добрыхъ молотцовъ» – сообщается в докладе 1648 года. В грамоте 1689 года говорится: «Указали, мы, великий государь, полковниковъ да съ ними изъ техъ полковъ сержантовъ и капрановъ, да салдаты выслать къ нам» [СлРЯ7: 66].

Большинство потомков русских солдат носило такие же фамилии, как и потомки представителей других сословий. Наиболее частыми среди них являются фамилии, образованные от полных форм церковных имён: *Иванов*, *Петров*, *Николаев* и т.д. По той причине, что их предков действительно звали *Иван*, *Пётр*, *Николай* и пр. Дворяне, получившие в XVIII веке особые права, всячески старались выделиться из массы крестьян, получивших фамилии, сходные с дворянскими. Поэтому рекрутам фамилии нередко менялись по принципу «чтобы не как у дворян». Так, Указ 1766 г. постановил изменять фамилии принятых на военную службу солдат с дворянскими фамилиями. Если, например, поступал в рекруты Семён Петрович Боборыкин, а фамилия

Боборыкиных считалась дворянской, то рекрут становился Семёном Петровым, лишаясь отчества и родовой фамилии. Командир гусарского полка при Павле I генерал-майор Чорбай так ревностно изменял фамилии своих солдат, что почти все они стали носить три фамилии – Иванов, Петров, Семёнов, отчего возникли трудности при учёте солдат в Военной коллегии» [Миронов 2000, т.1: 84].

Следует помнить о том, что во времена крепостного права отслуживший в армии солдат получал вольную и, разумеется, своей «армейской» фамилией дорожил. Стоит ли удивляться сегодняшней распространённости фамилий *Иванов, Петров, Семёнов*?

В XVIII в. впервые стали появляться необычные для русской культурной традиции фамилии, которые традиционно определяются как «искусственные» [Унбегаун 1995: 169]. Эти фамилии не восходят к именам или прозвищам предков. Они были образованы в результате какого-либо «акта творчества», продиктованного определёнными жизненными обстоятельствами человека.

Один из таких наиболее древних примеров описан Б.О. Унбегауном: «... царскому кучеру Андреяну в 1725 г. было пожаловано дворянство, и в этой связи ему была присвоена фамилия *Вожжсинский* (от вожжи)» [Унбегаун 1995: 169]. Особое внимание хочется обратить на датировку этого события. Фамильные антропонимы, являясь частью языка, одновременно представляют собой особый социальный атрибут. Их возникновение было вызвано многими обстоятельствами, в первую очередь, постепенным усложнением социально-экономических отношений в обществе. Факт присвоения фамилии кучеру государя свидетельствует о том, что в русском дворянском сословии на четвёртом году после того как Великое княжество Московское стало называться Российской империей наследственное семейное прозвание или прозвище (тогда ещё не называвшееся фамилией) уже рассматривалось как обязательный атрибут семьи, рода, во всяком случае принадлежащего к высшему слою русского общества. Несомненно,

такая трактовка наследственного семейного прозвания возникла не в начале XVIII столетия, а вполне сложилась к концу XVII века, что должно было способствовать росту интереса представителей этого сословия к своим семейным прозваниям, стремлению сохранения их исторического звучания.

Это понимание хронологии формирования корпуса русских фамилий важно для нас в контексте проблемы определения понятия *русская фамилия*. На протяжении последующих столетий во всех великорусских губерниях постепенно будет набирать силу процесс унификации записи фамильных антропонимов, в первую очередь при помощи дооформления их патронимическими суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин* или замены ими других исконно славянских патронимических суффиксов. Такая унификация затронет и часть родовых прозваний дворянства, но не охватит всех великороссов, в том числе и потомков представителей других народов, «позволив» сохраниться без изменений в русском фамильном ономастиконе и исконно русским диалектным, и возникшим в иноязычной среде формам фамильных антропонимов.

Заметим, что за годы существования научно-исследовательского центра «История фамилии» его посетители сообщили большое число семейных историй, в тех или иных вариантах повторяющих историю присвоения родоначальнику фамилии императором (помещиком, начальником, командиром и т.п.). Разными были обстоятельства и время, но неизменным было утверждение о том, что их фамилия возникла в результате собственного творчества их предка или была придумана кем-то, кто «имел на это право». Данные рассказы не имеют документального подтверждения (в большинстве случаев, по сведениям информантов, их фамилии относятся к периоду XIX–XX столетий), поэтому мы не вправе настаивать на их достоверности. Но это свидетельствуют о повышенном интересе представителей этих фамилий к истории семьи и своих семейных прозваний, а также является косвенным доказательством, что подобные случаи

действительно могли быть более частыми, чем число тех, которые сохранили для нас исторические документы XVIII и XIX веков.

Единственной социальной группой русского народа, в которой создание искусственных фамилий носило массовый характер, было духовенство. В ноябре 1846 года был издан указ Священного Синода, где содержались предписания руководителям духовных семинарий, запрещающие произвольно переменять фамилии ученикам этих заведений. Сам факт появления специального указа Синода о борьбе с подобной практикой свидетельствует о том, что в определённый период истории в духовном сословии такое явление было довольно распространённым. В массе русских фамилий обращает на себя внимание группа фамилий, которая самым непосредственным образом связана с историей Русской Православной Церкви (*Сперанский, Гиляровский* или *Реформатский*).

До XVIII века в духовном сословии фамилий не существовало. В различных документах при упоминании священнослужителя было принято указывать его имя, порой дополняя его прозвищем по названию храма, в котором он служил. Настоятель Храма Рождества Пресвятой Богородицы записывался *Рождественским*, Николы Угодника – *Никольским*, Воскресения Господня – *Воскресенским*, Преображения Господня – *Преображенским*, служивший в церкви Всех святых – *Всехсвятским* и т.д. В XVIII в, когда процесс формирования официальных фамилий вышел за пределы дворянского сословия, именно эти прозвания священнослужителей стали восприниматься как «готовые» фамилии православных священников. Но если бы фамилии российских священников образовывались только таким образом, то ныне самыми распространёнными в России фамилиями были бы не *Иванов, Петров, Сидоров* и т.п., а *Рождественский, Вознесенский, Воскресенский, Троицкий* и т.д. Но этого не произошло.

В XVII – первой половине XIX вв. численность духовенства составляла до 1% всего населения. Если до XVI–XVII вв. каждая православная община обычно сама избирала себе батюшку (сама же могла и изгнать, если он ей

чем-то не угодил), то уже в конце XVII века белое духовенство стало замкнутым сословием: на смену постаревшему священнику приходил его же сын или сын другого священника. В начале XVIII века для получения духовного звания стало выдвигаться условие обязательного получения образования в одной из церковных семинарий, которые были организованы в каждой из существовавших тогда тридцати шести епархий. Число учеников семинарий пополняли в первую очередь дети самих священников. В 1774 году переход в духовенство людей из податных сословий был совсем запрещён. В это время число самых известных названий храмов было несравнимо меньше числа широко употребляемых в те годы церковных и, тем более, мирских имён и прозвищ. Количество одинаковых фамилий, отражающих храмовые имена, действительно должно было бы быть необычайно большим. Но такие фамилии всё-таки не стали в России самыми распространёнными. Напротив, именно духовное сословие, несмотря на свою сравнительную малочисленность, внесло неоценимый вклад в увеличение вариативности русских фамильных антропонимов. Этот факт объясняется необычной традицией, возникшей в XVIII веке в духовных семинариях.

Новые веяния требовали, чтобы у каждого священника была фамилия. По этой причине родилась оригинальная идея: сочинять фамилии стали сами представители администрации семинарий. Например, детям священнослужителей, не имевшим ранее фамилии, записывали фамилии *Попов, Поповский, Поповицкий, Поповцев*. Дети протопопа записывались *Протопоповыми*, дьякона – *Дьяконовыми* или *Диаконными* (правильное церковное написание должности – диакон, в переводе с греческого *diakonos* «служитель»). Дети других служителей церкви, не имевших духовного сана, получали фамилии, указывающие, например на причастность их предков к клиру, к церкви: *Церковницкий, Клиров, Клириков, Клериков*. В других случаях «указывалась» должность отца: *Пономарёв, Дьячков, Чтецов, Трапезников, Звонарёв, Псаломщиков, Псальмов*.

Значительно чаще использовали завуалированное указание на этот факт. Так, сыновья дьячков и пономарей получали фамилии, соответствующие атрибутам должностей их отцов, произведённым от названий церковных книг и песен: *Псалтырёв, Псаломцев, Октаев, Минеев, Минейн, Часовников, Молитвословов, Тропарёв, Кондаков, Прокимнов, Икосов, Кандилов, Благовестов, Благовестников, Кимвалов, Тимпанов, Колоколов, Трапезин*. Или ещё более символически: *Храмов, Алтарёв, Заветов, Молебнов, Скрижалин, Ковчезов, Кивотов, Пасхин, Крестов, Крестовский, Крыжев* (крыж – белорусско-украинское «крест»), *Иконицкий, Жезлов, Палицев* и т.п.

Существовало множество тематических групп лексики, из которых выбирались основы для фамилий будущих священнослужителей (см. подробно [Шереметевский 1908]). При этом семинарские фамилии образовывались по общерусской схеме от слов, включая церковную лексику, широко известных всем русским людям. Некоторые из упомянутых выше фамилий возникали и в среде других сословий: *Пасхин, Колоколов, Палицын*. Но главная «установка» руководителей семинарий была на то, чтобы духовное сословие выделялось среди паствы не только образованием и манерой поведения, но и своими фамилиями. Администрация семинарий стала подходить к этому вопросу творчески. Например, для образования фамилий иногда использовались названия представителей верховной власти и её атрибутов: *Царевский, Венценовцев, Кесарев, Автократов* (греческое *автократ* – «самодержец»), *Державин, Скипетров, Венцов, Тронов*, причем порой совершенно не христианских – *Султанов, Сатрапов* и *Сатрапинский*. Некоторые фамилии отражали названия древних народов (*Печенежский, Сарматов*), основы других фамилий восходили к мифологии (*Гиперборейский*).

Как и в других сословиях, фамилии семинаристов нередко указывали на название родного селения: *Тамбовский, Новгородцев, Суздальцев, Костромин* и т.д. Выходец из селения Высокое получал фамилию *Высоцкий*,

из деревни Дола (расположенной в долине) – *Дольский*; в основе фамилии *Красноложский* лежит географическое название Красный Лог; фамилия *Заборский* образована от названия Заборье (т.е. «расположенное за бором») и т.д. Многие сёла в XVIII–XIX вв. стали называться по имени расположенных в них церквей: Рождественское или Рождествено, Всехсвятское, Петропавловское и т.д. Это дало ещё один источник для возникновения уже упоминавшихся фамилий (*Рождественский, Всехсвятский* и др.). Интересно, что подобные фамилии имеют ассоциативную связь с реалиями христианства или церкви, отчётливо ощущаемую всеми русскими людьми. Фамилии первой группы (*Заборский, Красноложский* и т.п.) ассоциируются лишь с нарицательной лексикой русского языка, и являются пример народной этимологии (*Заборский* связывается со словом *забор*, *Красноложский* – со словосочетанием *красная ложка*): их «духовное» происхождение выясняется только из генеалогических исследований или из специальных работ по истории Русской Православной Церкви. Стоит отметить, что фамилии такого рода бытуют не только в духовном сословии. Более того, фамилии, восходящие к названиям губернских городов или вообще крупных населённых пунктов, давались ученикам духовных семинарий довольно редко, поскольку среди учеников было немало выходцев из этих селений и присвоение фамилий от названия малой родины приводило бы к появлению в семинариях большого числа однофамильцев. Между тем, главная (хотя и негласная) установка руководителей учебных заведений предписывала при выборе фамилии семинариста отдавать предпочтение уникальным фамилиям или таким, которые не имели бы регулярного повторения в других сословиях.

Но репертуар топооснов семинарских фамилий был значительно шире простого перечисления названий населённых пунктов, из которых приезжали на учёбу будущие священнослужители. В него входили, например, наименования частей света: *Азиатский, Европин, Америков, Европейцев*; названия племён (реальных и мифологических), населявших в древности территорию России: *Торков, Печенежский, Сарматов и Гиперборейский*;

античные названия русских морей и рек: вместо *Донской* – *Танаисов*, *Азовский* – *Миотийский* (вместо правильной – *Меотийский*); названия разных регионов Российской империи: *Кавказов*, *Кавказский*, *Дагестанов*, *Дагестанский*, *Карский*, *Кубанский*, *Тифлисов*, *Камчатов*, *Алеутский*. Большое число фамилий было образовано от топонимов Палестины и других библейских стран: *Иерусалимов*, *Иерусалимский*, *Сионов*, *Сионский*, *Голгофский*, *Гефсиманский*, *Фаворский*, *Елеонский*, *Вифлеемский*, *Назаретский*, *Иорданский*, *Аравийский*, *Тигров*, *Евфратов* и *Араратов*; древней и современной Греции и Османской империи: *Элинский*, *Афинов*, *Афинский*, *Аттиков*, *Коринфский*, *Спартанский* и *Лакедемонский*, *Аркадов*, *Родосский*, *Кипрский*, *Византийский*, *Афонов* и другие.

Заметно отразилось на составе семинарских фамилий и расширение географии стран, вовлечённых в сферу международных отношений с Российской империей. Так возникли фамилии, образованные от названий этих стран и их земель: *Италинский*, *Тибров*, *Флорентинов*, *Флорентинский*, *Неаполитанский*, *Неаполитанов*, *Неапольский*, *Сардинский*, *Савойский*, *Этнов*, *Каталонский*, *Мадрицкий*, *Кордобовский*, *Гибралтарский*, *Канарский*, *Орлеанский*, *Лионский*, *Гасконский*, *Ронов*, *Провансов*, *Альпийский*, *Монбланов*, *Берлинский*, *Вестфальский*, *Ренский*, *Баварский*, *Бреславский*, *Познанский*, *Австрия*, *Карпатский*, *Дунаев*, *Венский*, *Валлийский*, *Ютландов*, *Копенгагинов*, *Амстердамов* и *Роттердамский*. Зафиксированы были даже такие фамилии, как *Китайский*, *Кандагаров* и *Перуанский*.

Пытаясь разнообразить семинарские фамилии, их стали «переводить» на древнегреческий язык или латынь. Особенно популярны были такие фамилии в XVIII–XIX вв. в семинариях Поволжья и юга России. Епархиальные кафедры здесь появились сравнительно поздно, и в семинариях первое время не хватало преподавателей. Для этого наставников набирали из числа окончивших Киевскую академию, где преподавание античной истории и латыни было поставлено на более высокий уровень. По этой причине здесь получили наибольшее распространение подобные

фамилии-переводы. Например, фамилии, подчёркивающие «душевные добродетели»: *Сердцев* и его «латинский» вариант *Кордовский*, *Добрадин* или *Бенефактов* (от латинского *бенефактум* «доброе дело»), *Клеменсов* (от *клеменс* «милостивый»). Греческие переводы выглядели следующим образом: *Филантропов* и *Филандров* (от *филандро* «любящий людей»), *Эвергетов* и *Эвергетидов* («благодетель»), *Диатропов* или *Диатроптов* («сострадательный»). Честным и справедливым давались фамилии: *Правдин*, *Правдолюбов*, *Неплутаев*, *Честнов*, *Генерозов* (лат. «благородный»), *Юстов*, *Юстицкий*, *Законов*, *Номофилов* (греч. «любящий закон»). Служили фамилии и своеобразной похвалой «за добрый нрав»: *Добронравов*, *Добронравин*, *Милонравов*, *Благонравов* и т.п.

Фамилии будущих священнослужителей должны были символизировать умственное и нравственное преуспевание их носителей, поэтому большое число семинарских фамилий напоминают о цветении и плодоношении и восходят к названиям разных растений, их цветов и плодов. Среди таких фамилий было много традиционных, не отличимых от фамилий, возникших при обычных обстоятельствах, т.е. от мирских имён: *Осокин*, *Яснев*, *Клёнов*, *Тополев*, *Стеблев*, *Листов*, *Листьев*, *Ячменев*, *Яблоков*, *Кедров*, *Сморodin*, *Тернов*, *Терновский*, *Капустин*, *Чесноков*, *Морковин* и др. Первой же среди них по частотности была фамилия *Виноградов* (по данным Б.-О. Унбегауна, в 1910 году в справочнике «Весь Петербург» среди ста наиболее распространённых фамилий она занимала тридцать третье место) [Унбегаун 1995: 313]. Это неудивительно, поскольку виноград обладает особой символикой в текстах Ветхого и Нового Завета. Часть таких фамилий восходила и к названиям экзотических растений и плодов или к их иноязычным названиям (*Фруктов*, *Ананасов* и др.).

Вариативность фамилии, по мнению руководства духовных учебных заведений, должна была отражать не только те или иные качества их носителей, но и приводить к большому разнообразию красочных и редко повторяющихся русских фамильных антропонимов. Например, среди

фамилий, которые должны были прямо указывать на умственное или нравственное процветание их носителей, известны фамилии *Цветков, Цветаев, Цветухин, Цветов, Цветиков, Цветнев, Цветинский, Цветницкий, Расцветов, Процветалов, Доброцветов, Красноцветов, Белоцветов*. Переводы их основ на латынь дали фамилии *Флоренсов, Флоренский, Флоренов, Флорентинов, Флорентинский, Флоридов*; на французский – *Флеров* и *Флерин*. Тем ученикам, которым принадлежала «пальма первенства» в учебном процессе, давались фамилии *Пальмин, Пальмов, Фиников* и даже *Кокосов*.

Между тем, репертуар тем, к которым восходили искусственные фамилии, не ограничивался только упомянутыми примерами. В качестве основ таких фамилий выбирались также имена святых, названия церковных праздников, животных, минералов, природных явлений и многое другое. Например: *Георгиев, Иоаннов, Космодемьянский, Петропавловский, Кенарский, Барсов, Пантеровский, Бриллиантов, Кораллов, Горизонтов, Зефиров, Эфиров* и т.д. Отсюда в среде семинаристов даже родилась шуточная формула образования таких фамилий: «По церквам, по цветам, по камням, по скотам, и яко восхощет его преосвященство».

Существуют свидетельства того, что выбор семинарских фамилий мог происходить и по иным правилам. Вот как описан этот обычай героем рассказа С.Н. Сергеева-Ценского московским (советским) доктором Вознесенским: «Я сам из духовного звания, потому что Вознесенский... Есть такое предание о древнем московском академическом начальстве, как оно перекрещивало бурсаков... Кто был тихого поведения и громких успехов, тот, видите ли, получал фамилию от праздников, – например, Рождественский, Богоявленский, Успенский, Троицкий или Вознесенский, как я... Кто был тихого поведения и тихих успехов, – этим скромникам, в тиши процветавшим, давали фамилию от цветов. Вот тогда-то и пошли все Розовы, Туберозовы, Гиацинтовы, Фиалковы, а также Ла-нды-ше-вы... Да, да, да... Но были еще и такие, что успехов-то тихих, а зато поведения

громкого, – эти получали прозвище от язычества: Аполлонов, Посейдонов, Архитриклинов, Илионский, Амфитеатров и прочее и прочее... Так говорит семинарское предание...» (Сергеев-Ценский С.Н. «Счастливица»).

Этот рассказ написан в XX в., возможно, отражает частный случай, к тому же относящийся к XIX столетию. Многие благие начинания, получив чрезмерно широкое распространение, становятся со временем объектом шуток и насмешек. Известен, например, случай, когда в Тамбовской семинарии учитель за дурной ответ изменил ученику *Ландышеву* фамилию на *Крапивин* [Унбегаун 1995: 169].

Следовательно, можно предположить, что практика присвоения фамилии в качестве награды или наказания получила в семинариях довольно широкое распространение. По свидетельству В.В. Шереметевского, тем, кто особенно тянулся к свету знаний, давались фамилии *Добровольский*, *Хотелов*, *Желателев*, *Куперовский* (от лат. *купере* «желать») и *Спонтанский* (от лат. *спонтаниус* «добровольный»); учившиеся же неохотно становились *Неволиными*, *Нехотеновыми*, *Актовыми* («приведённый») [Шереметевский 1908]. Разумеется, не всем представителям духовного сословия нравился такой порядок присвоения фамилий. Поэтому в определённых кругах семинарских преподавателей обычай присвоения подобных фамилий постепенно стал «обрастать» и другими смыслами, не заложенными в него первоначально. Заметим, что эта традиция, просуществовавшая в православном духовенстве более столетия, не была подкреплена ни одним официальным распоряжением церковных иерархов. Исключение составил тот самый указ Синода, который должен был положить конец такой практике, уже ставшей входить в противоречие с самой идеей фамилии как наследственного именованья.

Интересен факт, что в семинарии во второй половине XIX века приходило учиться немало бесфамильных учеников. Довольно длительное время продолжался процесс «фамильного творчества» в семинариях, хотя и в значительно меньших масштабах. В повторных указах Синода 1851 и 1857

годов даже было сделано уточнение «по всему Духовному Ведомству», что сыновьям бесфамильных отцов следует давать фамилии, образованные от имён отцов, но ни в коем случае не произвольно избранные.

Таким образом, постепенно закончилась целая эпоха необычайно активного, но ограниченного единственным сословием «фамильного творчества», заметно увеличившая вариативность русских фамильных антропонимов. Они дали России большое число необычных, не известных ранее русской традиции семейных прозваний.

Начиная с XVIII века, русский фамильный антропонимикон стал регулярно пополняться искусственными, в том числе оттопонимическими и псевдооттопонимическими фамилиями, возникавшими и в других сословиях. Чаще всего (но несравнимо в меньшем масштабе) такие фамилии появлялись в среде дворянского сословия, в котором необходимость иметь фамилию созрела ранее всего. По понятным причинам новые фамилии возникали не взамен старых фамилий этих родов: их семейные прозвания играли роль особо значимого социального маркера, подчёркивающего древность и знатность рода. Но необходимость создания новой фамилии возникала в случае, если дворянин должен был узаконить появление незаконнорождённого ребёнка. При этом использовались два способа, подробно описанных Б.О. Унбегауном [Унбегаун 1995: 182].

Один из них заключался в присвоении афетической фамилии отца, то есть усечённой фамилии, в которой был опущен первый слог и порой внесены некоторые изменения в написание оставшейся части исконной фамилии. Так возникли фамилия *Пнин*, которую носил незаконнорождённый сын фельдмаршала *Репнина*; *Лицын* – сын князя *Голицына*; *Ранцов* – сын графа *Воронцова*; *Рукин* – сын князя *Долгорукого*, *Умянцов* – сын графа *Румянцева* и т.д. Известны и более сложные случаи образования таких фамилий. Например, выдающийся русский учёный-филолог Александр Христофорович Востоков (1781–1864), наречённый в крещении двойным именем Александр-Вольдемар, был внебрачным сыном немецкого дворянина

Христофора Ивановича Остен-Сакена и в детстве носил фамилию *Остенек*. Но уже в юные годы он сам перевёл свою фамилию на русский язык и стал *Востоковым*. Другие примеры: фамилия *Грибов*, которую носил молочный брат писателя *Грибоедова*, служивший его камердинером; а сын некоего дворянина *Шубина* получил фамилию *Нибуш*, которую, если не знать его биографии и определять как «русские», только стандартизированные фамилии, легко было бы определить как иноязычную.

По наблюдению Б.О.Унбегауна, в дворянском сословии в те времена «рождение вне брака не рассматривалось как социальная преграда, и носителей таких фамилий можно было встретить в высшем обществе» [Унбегаун 1995: 182]. Это подтверждается отчасти и тем, что внебрачный сын князя *Трубецкого* Иван Иванович *Бецкой* (1704–1795) смог стать секретарём императрицы Екатерины II, президентом Императорской академии искусств, инициатором создания Смольного института, шефом Сухопутного корпуса, основателем (совместно с Демидовыми) Вольного коммерческого училища для купеческих детей и т.п.

Однако все дворяне позволяли себе передавать в том или ином виде фамилию отца. Например, сын бригадира *Дьякова* – известный художник Орест *Кипренский*, по мнению Б.О.Унбегауна, получил фамилию «в честь» богини любви Афродиты Кипрской; писатель Александр *Герцен* (от немецкого Herz – «сердце») был сыном помещика *Яковлева* и немки; сын графа *Разумовского* получил фамилию *Перовский* по названию деревни Перово, а сын самой императрицы Екатерины и графа Орлова был записан *Бобринским* по названию купленной для его обеспечения деревни Бобрики.

Существовали и другие источники и обстоятельства образования искусственных фамилий (см. пп. 1.3 и 1.4).

1.3. XIX век и отмена крепостного права

К началу XIX века официальные фамилии прочно вошли в обиход россиян, «охватив» даже часть крестьянского сословия. По мнению В.А.

Никонова, на Русском Севере древнейшие фамилии некоторых крестьянских родов существуют с конца XVII века.

Не одномоментно и не по единым правилам процесс оформления фамилий разных сословий происходил и в других великорусских губерниях, у русских жителей Белой и Малой Руси, а также сформированной к тому времени из новоприсоединённых земель на юго-западе империи Новороссии. Всё это отразилось на лексическом составе основ и вариативности форм русских фамильных антропонимов.

Заметное увеличение доли западнорусских форм семейных прозваний в русском фамильном ономастиконе произошло в самом конце XVIII века в связи с тремя разделами Речи Посполитой. Причём, если в результате первого раздела (в 1772 г.) в состав Российской империи вошли в основном восточные земли современной Белоруссии, фамилии жителей которых мало отличались от фамильных прозваний, например, псковичей и смоленцев), то два других (1793 и 1795 гг.) привели к объединению с Российской империей большей части западных земель некогда единого Древнерусского государства за исключением его самых юго-западных областей, отошедших к Австро-Венгрии. Таким образом, подданными единого государства стали представители трёх восточнославянских народов и большей части восточнославянских этнографических групп, в среде которых семейные прозвания образовывались по одной из моделей, свойственных древнерусской традиции. На протяжении последующих двух столетий главными «событиями» в русском фамильном ономастиконе были два процесса.

1. Происходило более активное взаимное проникновение разных диалектных типов русских фамилий за счёт расширения их ареалов, в основном за счёт миграционных процессов в направлениях запад – восток и центр – юго-запад. Следствием этого стало ещё большее распространение в южных и восточных губерниях Великороссии фамилий западнорусского и белорусско-украинского происхождения и широкое распространение в

Новороссии фамилий, характерных для жителей центральных и северо-западных губерний

2. «Стандартизация» части фамилий по самому распространённому в конкретном регионе типу фамильных антропонимов. Самым распространённым случаем такой стандартизации было дооформление бессуффиксных фамилий патронимическими суффиксами *-ов*, *-ев*, и *-ин* или замена ими других патронимических суффиксов (*-енко*, *-енок*, *-ук*, *-юк* и *-чук*). Такие изменения были характерны для семейных прозваний выходцев из западных губерний, переселившихся в центральные и восточные губернии империи. Хотя известны случаи дооформления таких фамилий суффиксами *-их/-ых*, с чем связано, например, появление в Сибири фамилии *Шидловских*, образованной из польской фамилии Шидловский (*шидло* – «шило»).

Подобная стандартизация, разнонаправленная и вызванная разными причинами, несомненно, имела место и в западных губерниях, причём продолжалась даже XX веке. Интересно, что дооформление могло производиться и по иной схеме, и поскольку процедура изменения формы фамилии никак не регламентировалась, то это приводило порой к появлению новых форм фамилий (о способах стандартизации см. п. 2.3).

Присоединение к Российской империи западных земель восточного славянства, образование в её составе царства Польского не только увеличило долю западных форм фамилий, но и заметно увеличило пестроту лексических основ русских фамильных антропонимов. Например, фамилия пензенского учёного Василия Даниловича Бондалетова связана со словом *бондалет*, точнее *бандолет*, которое возникло в польском языке в результате заимствования из французского. Так в Польше в XVII столетии называли карабин. Интересно, что первоначально это название относилось к перевязи для ношения огнестрельного оружия: такое значение имело французское слово *bandoliera* (более широкое значение этого слова – «пояс»). Именно в этом значении и в близком звучании встречается это слово в XVII столетии и в русских документах – банделер, бонделер и банделир: «...да у банделира,

сиречь у перевязи, быти кожаному мешочку, во что пульки и иное надобие, чем мушкет чистить класти» (1647 г.); «...и по воле его великого государя указу сделал он в Преображенский и Семеновский полки 12000 банделеров из жести» (1697 г.) [СлРЯ1: 69].

Но среди жителей Речи Посполитой широкое распространение получило польское название *бандолет* и несколько изменённое – *бондалет*. Оно могло использоваться и в качестве традиционного для того периода мирского имени: подобные имена, повторяющие названия различных видов оружия, были весьма распространёнными: *Булава, Бердыш* (боевой топор), *Дубина, Палица, Лук, Сабля, Ружье, Мушкет* и т. д. Кроме того, имя *Бондалет* могло возникнуть и как прозвище воина или мастера, изготавливающего бандолеты. Возможно, своеобразным напоминанием об этом является тот факт, что в списках кавалеров ордена Св. Георгия XIX – начала XX вв. упоминается Пётр Андреевич Бондалетов, поручик [Шабанов 2004: 417].

Процесс объединения восточнославянских земель нашёл отражение и в появлении в России большого числа новых оттопонимических фамилий, восходящих к топонимам бывшей Речи Посполитой и других европейских государств. Отметим, что круг топонимов, лежащих в основах оттопонимических фамилий и бытующих в современной России, не ограничивается только топонимами собственно славянскими или известными на территории государств с преобладающим славянским населением.

На протяжении нескольких столетий на Руси оседали выходцы из различных земель. Некоторые «приносили» готовые фамилии, среди которых были и оттопонимические, возникшие в их родном языке. После разделов Речи Посполитой российские фамилии в большом количестве пополнились фамилиями шляхты (как правило, географическими). Значительное число таких фамилий добавили и другие сословия (по причине большой популярности в этих землях фамилий на *-ский/цкий*). Одни из них были идентичны исконно русским (*Сосновский*), некоторые отличались

ударениями (*БарАновский – БаранОвский*), другие – более существенно (*ШИловский – ШидлОвский*) и т.д. Значительна новых фамилий была столь престижна (многочисленную и нередко беднешую шляхту, сравнимую с российскими однодворцами, уравнивали в правах с русским дворянством), что даже многие традиционные русские фамилии стали в среде русских фамилий произноситься на западный манер (*Фёдоровский – ФедорОвский*).

С отменой черты оседлости картина стала ещё более пёстрой. Можно говорить о множестве оттопонимических фамильных именовании, являющих собой также результат трансонимизации. Названия местечек были включены в круг российских фамилий, причём в совершенно разных формах (*Сатановский, Немирович, Слонимчик, Прагин*), в том числе и экзотических (*Березинер, Иванковицер*). Таким образом, добавилось большое число фамилий, образованных по правилам идиша как от славянских географических названий, так и от других (*Люксембург, Берлинер*). Кроме того, появилось немало калек еврейских фамилий на русский язык (*Лангфельд – Долгопольский, Гольдберг – Златогоров* и т.п.). Часть представителей этих родов за последующие два столетия обрусели, некоторые приняли православие, поэтому их потомки определяют себя русскими людьми, а фамилии их семей стала неотъемлемой частью русского фамильного антропонимикона.

Вариативность фамильных антропонимов, восходящих к разным топонимам, очень велика, но далеко не все такие фамилии являются оттопонимическими. Многие из них образованы не непосредственно от топонимов, а от других типов онимов, связанных с конкретными топоосновами.

Процесс многоуровневой трансонимизации отдельных топооснов дал широкий спектр фамильных антропонимов. Известно, например, употребление названия города Москвы в качестве личного имени. В старинных грамотах упоминаются: в 1539 г. – житель новгородских земель «Москва рыболовь»; в 1614 г. – Москва Жеребцов, казак в Новгородском

уезде; в 1615 г. – «Ивашко Москва», крестьянин; в 1655 г. – Иван Гаврилов Москва, тобольский служилый человек [Тупиков 2005: 281]. От этого названия образованы фамилии *Москва*, *Москвенко*, *Москвенков*, *Москвин*.

К этой же группе можно отчасти отнести и такие фамилии, как *Московский* и *Московный*, а также *Московских* и *Московсков*. Первые две из них возникли как оттопонимические прозвища, ставшие без каких-либо изменений и семейным прозвищем. Две другие были образованы в результате более позднего дооформления прозвища *Московский* патронимическими суффиксами.

Однако значительно шире и разнообразнее пласт фамилий, которые можно назвать псевдооттопонимическими. К их числу относятся фамилии *Москвинков*, *Москвинов*, *Москвита*, *Москвителев*, *Москвитенко*, *Москвитин*, *Москвитинов*, *Москвич*, *Москвичёв*, *Москвиченко*, *Москвичов*, *Москвишин*, *Московец*, *Московецкий*, *Московин*, *Московитин*, *Москович*, *Московичев*, *Московиченко*, *Московка*, *Московкин*, *Московко*, *Московцев*, *Московцов*, *Московченко*, *Московчук* и другие. Большинство из них образовано не непосредственно от топонима, а через посредство имени или прозвища: *Москвинко*, *Москвин*, *Москвит*, *Москвита*, *Москвитель*, *Москвич*, *Московец*, *Московка* и др.

Дальнейшее исследование особенностей трансонимизации как одного из основных инструментов образования русских оттопонимических фамилий целесообразно проводить в ходе сопоставления восточнославянского ономастического материала с материалом иных европейских культур и языков. Этот аспект с неизбежностью выводит нас на тему ономастических универсалий. По определению А.В. Суперанской, ономастические универсалии – это «специфические черты, свойственные всем или многим именам разных языков, и общие закономерности, в соответствии с которыми развиваются ономастические системы».

Для нашего исследования особенно важным является мнение А.В. Суперанской о том, что эти универсалии «базируются на способности

человека отбирать и закреплять в собственных именах типовые экстралингвистические явления и на типичности значений и отношений, выраженных в любом языке, но с помощью различных средств» [Суперанская 1972: 347-348].

Особую роль в пополнении русского фамильного антропонимикона сыграло новое отношение к псевдонимам. Их использование широко вошло в практику ещё в XVIII веке, а к концу XIX – началу XX столетий стало настолько привычным, что некоторые псевдонимы со временем сохранились и в качестве официальных фамилий потомков, как это случилось, например, с наследниками Корнея *Чуковского* (Корнейчука) и Аркадия *Гайдара* (Голикова).

Особым случаем искусственных фамилий являются фамилии, возникшие в результате объединения двух или трёх исторических или искусственно созданных фамильных антропонимов. Например, фамилии, полученные путём прибавления к фамилии почётной приставки: *Потёмкин-Таврический*, *Орлов-Чесменский*, *Суворов-Рымникский* и др. Фамилии такого рода жаловались за определённые заслуги и не наследовались потомками, хотя известны и случаи продолжения таких фамилий в последующих поколениях. Так, потомки русского географа Петра Петровича *Семёнова-Тянь-Шанского* сохранили эту фамилию, присвоенную ему Императорским указом 1906 года за заслуги в открытии и первом исследовании горной страны Тянь-Шань. Однако в самом указе содержалось уточнение, что фамилия жалуются не только учёному, но и его потомкам. Несмотря на то, что это событие относится уже к началу XX века, оно свидетельствует, как происходила такая процедура в XIX столетии, к середине которого относится и организация П.П. Семёновым исследовательской экспедиции на Тянь-Шань.

В творческой среде широкое распространение получила традиция присоединения к родовой фамилии псевдонима. Как правило, такие именованья не наследовались потомками, но некоторые из наиболее известных писателей навсегда вошли в русскую историю под такими

двойными фамилиями: *Салтыков-Щедрин*, *Бестужев-Марлинский*, *Мельников-Печерский* и т.д. Образование составных фамилий происходило и на базе реальных, не придуманных фамильных антропонимов. Следовательно, правила образования официальных наследственных именовании в целом уже были официально оформлены.

Основной стала трёхчленная форма именования: имя – отчество – фамилия. Впрочем, не следует считать, что она уже в тот период имела именно такой вид, какой стал привычен русскому человеку в XX столетии. Кажущаяся сегодня единственно правильной формула типа Александр Сергеевич Пушкин была ещё совсем иной.

Даже в середине XIX века продолжало действовать правило, предписанное указами XVIII века. Примером этому может служить письмо А.С. Пушкина от 5 сентября 1835 года в Петербургскую Палату гражданского суда, которое заканчивается следующими словами: «...сіе прошеніе съ сочиненія просителя писалъ канцеляристъ Николай Соснинъ. Титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ» [Рукописи Пушкина 1937: 816].

Упоминание об этом оставил в романе «Отцы и дети» И.С. Тургенев: «Николай Петрович быстро обернулся и, подойдя к человеку высокого роста в длинном балахоне с кистями, только что вылезшему из тарантаса, крепко стиснул его обнажённую красную руку, которую тот не сразу ему подал.

– Душевно рад, – начал он, – и благодарен за доброе намерение посетить нас; надеюсь... позвольте узнать ваше имя и отчество?

– Евгений Васильев, – отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом и, отвернув воротник балахона, показал Николаю Петровичу всё своё лицо. Длинное и худое, с широким лбом, кверху плоским, книзу заострённым носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвету, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум.

– Надеюсь, любезнейший Евгений Васильич, что вы не соскучитесь у нас, – продолжал Николай Петрович.

Тонкие губы Базарова чуть тронулись; но он ничего не отвечал и только приподнял фуражку» (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Именно полуотчество, образованное от крестильного имени главы семейства, стало в этот период ассоциироваться в России с основной формой наследственного семейного именованя, то есть фамилией. Это позже нашло отражение в формуле «Иванов, Петров, Сидоров», символизирующей самый распространённый тип русских фамилий.

Интереснейшие данные, отражавшие особенности оформления фамилий в XIX столетии, были получены В.А. Никоновым при исследовании результатов Всероссийской переписи населения 1897 года по Зауралью. Ср.: «Самый яркий на изучаемой территории антропонимический признак различия – резкая поляризация фамилий по их основам: от личных канонических (т. е. церковных, «календарных») имён и от других основ. В переписи 1897 г. минимум населения с фамилиями из календарных, т.е. церковных, личных имён (во всех их формах – *Иванов, Ванюков, Иванцев* и проч.) указывал территорию наиболее раннего русского заселения Зауралья (не позже первой половины XVIII в.). Например, в Гаринской вол., на верховьях р. Тавда всего 7% жителей имеют фамилии с основами из календарных имен, на р. Тобол в Шмаковской вол. – также 7, в Суерской вол. – 16, в Верхне-Суерской – 14,4, в Белозерской и Падеринской волостях – менее 14%. Восточнее р. Тобол картина иная – в Юргинской вол, такие фамилии носят 35% жителей, в Пятковской – 37%, в Омутинской (её заселение хорошо датировано – слобода Омутинская в документе 1782 г. названа новооснованной) – почти 44% (так же и на р. Тобол). Южнее Кургана жители с фамилиями от канонических имён составляли в Глядянской вол. 33%, в Плотниковской – 43, в Чернавской – 53, а в самой южной, Нижне-Алабужской, заселённой только после сооружения в 1756 г. Пресногорьковской укрепленной линии, – 85% (подсчёт охватывал сотни

тысяч человек, такое количество погашает любую случайность)» [Никонов 2005: 99].

Эти данные ярко иллюстрируют процесс официального оформления фамилий. Переселения в указанный период происходили не стихийно, как в былые столетия, а при активном участии администрации созданного в 1782 году Тобольского наместничества. Соответственно, учёт прибылого населения вёлся более строго, с соблюдением всех положенных бюрократических процедур. Следуя установленному правилу, делопроизводители регистрировали новосёлов с упоминанием их имени и полуотчества, разумеется, образованного от крестильного имени отца. Таким образом, новосёлы на новом месте жительства, где ещё не сложилась новая система уличных семейных именовании, уже обзаводились официальным наследственным именованием. При налаженном регулярном учёте именно отчество главы семейства в дальнейшем и становилось фамилией его наследников.

В регионах же со старожильческим населением давно существовали общеизвестные большинству местных жителей неофициальные семейные прозвания, поэтому, вероятно, на их употребление мало влияли проводимые администрацией переписи. В этом случае при получении официальных документов (после принятия указов об обязательности фамилий или при возникновении персональной необходимости в получении официального документа) в графе ФАМИЛИЯ писари указывали именно это общеизвестное семейное прозвание, то есть уличную фамилию.

О значимости уличных фамилий в русском обществе напоминают многочисленные свидетельства этнографов, писателей, диалектологов. Причины возникновения уличных фамилий были различными. Многие из них возникали из прозвищ, полученных при каких-то необычных обстоятельствах, например:

«В предпоследнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привёл он жену – маленькую, закутанную в шаль женщину.

... С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному – Турки» (М.А. Шолохов «Тихий Дон»).

Но значительная часть уличных фамилий была образована обычным порядком, например, в процессе обособления представителей разных поколений одного семейства за каждой из семей закреплялось индивидуальное семейное прозвание, образованное от имени (крестильного или мирского) его главы. Вероятно, своеобразным напоминанием об этом является бытование во многих сёлах у семей, хранящих память об их дальнем родстве, фамилий, восходящих к разным нецерковным именам, основы которых принадлежат к одной тематической группе лексики: *Окуневы* и *Карасёвы*, *Комаровы*, *Блохины* и *Жуковы* и т.д.

Учитывая тот факт, что многие семейные прозвания восходили к весьма нелицеприятным прозвищам предков данных семейств, можно предположить, что часть лиц, получавших официальные документы, была совсем не против того, чтобы в качестве фамилии им было записано «нейтральное» дедичество, а не исторически сложившееся семейное прозвание, образованное от оценочного прозвища.

Интерес представляют и формы церковных имён и прозвищ, ставших основами русских фамилий. Для многих фамилий жителей центральных областей Европейской части России, образованных от уменьшительных форм крестильных имён (В.А. Никонов называл их «уничижительными»), было характерно оформление их патронимическим суффиксом *-ин* (*Мишкин*, *Афонькин*, *Митяйкин* и др.).

Ю.А. Федосюк считал, что такие фамилии отражают социальный маркер. «В.Г. Белинский в своём знаменитом письме по поводу «Выборных мест из переписки с друзьями» Н. Гоголя с гневом и горечью писал о

николаевской России как о стране, «где люди торгуют людьми, стране, где люди сами себя называют не именами, а кличками Ваньками, Стёпками, Васьками, Палашками...» [Федосюк 2011: 39] Эти формы имён носили тогда откровенно унижительный оттенок.

Такие «клички» оставались и много позднее отмены крепостного права. В «Тихом Доне» М.А. Шолохова в имении Листницкого работает конюх Сашка. «До сплошных седин дожил старик, но Сашкой так и остался. Никто не баловал его отчеством, а фамилии, наверное, не знал и сам старый» [Федосюк 2011: 39].

Учитывая, что формы имён с окончанием на *-ко* не воспринимаются в русском языке как уничижительные, Б.-О. Унбегаун отмечает: «До XVII в. конечный элемент *-ка* использовался только для имён, оканчивающихся на *-а* (Фома/Фомка), тогда как *-ко* употреблялся для имён, оканчивающихся на согласный или *-о*» [Унбегаун 1995: 69].

Однако анализ документов XVI–XVII вв. показывает, что такие утверждения не совсем точны. Например, в Дозорной книге г. Хлынова за 1615 год нередки чередования *Аничка* и *Аничко*, *Ивашка* и *Ивашко*, *Харька* и *Харько*, *Омелька* и *Омелько*.

В целом же формы имён «мужского рода» по частотности не уступают именам с окончанием на *-ка*. В 1678 г. в Суздальском уезде упомянуты «староста Якушка Васильев да выборные крестьяне Дорошко Зиновьев с товарищы», «Приказчик Мишка Уланов, староста Ивашко Яковлев сын Боголепов, целовальник Федка Фролов» и др. [Акты Сузд. 1998: 307, 309].

Таким образом, даже спустя три и более столетий после изменения форм употребления мужских имён, отмеченных в новгородских берестяных грамотах, в Московском государстве их употребление по-прежнему не имело строгих правил: ни собственно грамматических, ни этикетных. Более строго соблюдаются нормы, описанные Унбегауном, в документах XVII века по будущей Малороссии.

В Реестре войска Запорожского 1649 года частотны имена *Савка*, *Лучка* (влияние форм имён *Савва* и *Лука*), частотны и чередуются (возможно, по причине наличия двух вариантов произношения канонического имени *Захария* и полной народной формы *Захарий*) имена *Захарка* и *Захарко*, редки *Матюшка*, *Андрушка*, образованные от имён, оканчивающихся на согласный. Но и позже популярными оставались *Сашко*, *Грицко*, *Федко* и др.; отмечается имя *Микитко* (хотя оно восходит к имени *Никита-Микита*) [Реестр... 1995: 27-487]. К концу XVIII – началу XX в. имена *Васька*, *Ивашка*, *Митяйка* в представлении русского человека (белоруса, велико- или малоросса) уже могли иметь уничижительный оттенок, что и было подробнейшим образом описано в произведениях писателей и поэтов.

Но столь быстрые и радикальные изменения в употреблении обиходных форм имён связаны не только с имеющим начало в глубокой древности языковым процессом, но и с реформами XVIII–XIX веков, значительно изменившими социально-экономические отношения в стране. Если в былые века даже самый родовитый дворянин, обращаясь в письме к государю, именовал себя Петрушкой или Ванькой, то в XVIII веке такой обычай самоуничижения при общении с лицами более высокого социального положения в высших слоях русского общества стал выходить из употребления.

По этой причине формы имён, совпадающих по грамматической форме с прозвищными именованьями стали восприниматься негативно. Но значительное число фамилий возникло тогда, когда уничижительное значение таких форм имён отсутствовало или не ощущалось современниками, поэтому в России были и дворяне *Якушкины*, и бывшие крепостные крестьяне с фамилиями *Яковлевы*, *Романовы* и т.д.

Особого упоминания заслуживают матронимические фамилии. Их можно разделить на две группы: фамилии, образованные от женских имён (*Софьин*, *Марьин*, *Настенко*, *Катеринчук*, *Катеринич* и др.), и фамилии,

восходящие к андроматронимам, то есть женским прозвищам, образованным от мужских имён (*Василихин, Карпихин, Строжихин, Столярихин* и т.п.).

Необходимо сделать три дополнения. Во-первых, такие фамилии можно определить как «вдовьи»: они восходят к прозвищам замужних, но овдовевших женщин. Во-вторых, помимо общерусских (общевосточнославянских) фамильных антропонимов типа *Василихин, Гаврилихин* и т.д. существует ещё одна группа, восходящая к таким же прозвищам, но оформленным иначе, *Василишин, Гаврилишин, Сторожиишин* и т.д. Этот тип семейных прозваний – редкий вариант традиции, свойственной только украинским говорам, чаще всего такие фамилии встречаются в западных областях Украины и в Краснодаре, в среде кубанского казачества. Известны они и в центральных областях Украины, но там они менее частотны, что, вероятнее всего, связано с языковыми процессами XIX века и напоминает о былой популярности такой модели образования семейных прозваний в разных диалектах украинского языка.

1.4. Период XX–XXI вв.

Из текста Указа Сената 1888 года следует, что в последнее десятилетие XIX в. официальные фамилии имели далеко не все граждане Российской империи. «Как обнаруживает практика, и между лицами, рождёнными в законном браке, встречается множество лиц, не имеющих фамилий, то есть носящих так называемые фамилии по отчеству, что вызывает существенные недоразумения, и даже иногда злоупотребления... Именоваться определённой фамилией составляет не только право, но и обязанность всякого полноправного лица, и означение фамилии на некоторых документах требуется самим законом» [Горбаневский 1983: 110].

Из этого указа можно сделать один любопытный вывод, не связанный напрямую с филологической наукой, но важный для понимания исторического процесса образования русских фамилий.

Присвоение фамилий в Российской империи не носило характера специальной кампании. «Офамиливание» производилось поэтапно и охватывало те социальные слои населения, которым в изменившихся социально-экономических условиях фамилия становилась остро необходимой. Именно поэтому первоначально фамилии были закреплены в дворянстве, позднее – в купечестве. Представители этих сословий чаще всего оказывались вовлечены в различного рода ситуации, требовавшие юридического оформления с указанием полной формулы именованья. По этой причине особыми распоряжениями или без них официальные фамилии в обязательном порядке присваивались представителям других социальных или национальных групп российских граждан, отличавшихся особой мобильностью или деловой активностью. Это касалось, например, крестьян Русского Севера (не знавшие крепостного права, они издавна совершали, например, операции купли-продажи земли, а это требовало документальной фиксации) или крестьян, переселявшихся в XVIII–XIX веках в Сибирь из западных и северных губерний империи (обустройство на новом месте жительства также требовало юридического оформления и, соответственно, указания ФИО, это стало одной из причин «консервации» среди сибиряков семейных прозваний, характерных для белорусско-украинских и западнорусских земель).

По этой причине уже в начале XIX века, задолго до появления указа, объявившего обязательность наличия фамилии у всех граждан, такие распоряжения были сделаны в отношении представителей многочисленной еврейской диаспоры западных губерний Российской империи, ставших в конце XVIII века гражданами Российской империи и стремившихся обустроиться на своей новой родине. Появление миллионной диаспоры народа, не имевшего опыта совместного проживания в рамках одного государства с особыми многовековыми традициями, заметно отличавшимися от других стран Европы, несомненно, вызвало определённые затруднения и оправданные опасения. Их администрация,

вероятно, попыталась разрешить, введя первоначально вызвавшую острую критику «прогрессивной общественности» черту оседлости, одновременно организовав особый учёт нового инонационального населения, предприняв попытки их интеграции в новое для них общество и т.д. [Рабинович 2001].

После отмены крепостного права стала расти и деловая активность крестьянства, что потребовало и окончательного решения с оформлением их фамилий. При этом официальное оформление фамилий затронуло те слои крестьянства, которые стали переселяться в города или участвовать в сезонных работах и т.п. Тем, кто оставался проживать в деревнях, потребность в фамилиях просто не была обходимой, поскольку в деревнях существовала своя традиция наследственных именований, не имевших официального закрепления. При возникновении необходимости оформления документов случались (и довольно часто) недоразумения, например, когда фамилией становилось прозвание по чину бывшего владельца селения или его части (*Майоровы, Капитановы*) или фамилии (как это случилось с фамилией первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, образованной от фамилии бывших владельцев *Гагариных*).

В крупных селениях, в которых некогда проживали и государственные (казённые), и помещичьи крестьяне и ремесленники, такое разделение становилось причиной возникновения коллективных прозвищ: отсюда позднее и получили свои фамилии *Государевы, Сударевы* (от сокращения *государевы – сударевы*) или *Казённовы*, а также *Гагарины, Бибиковы* и т.д. «Например, в 1861 году в Рязанской губернии больше 5 тысяч крепостных принадлежали Кошелеву. Так появились во многих районах Кошелевы – потомки крепостных» [Никонов 1986: 141].

Заметим, что в отношении этой части населения не совсем корректно говорить об отсутствии у них фамилий. Правильнее будет назвать их обладателями «незакреплённых» фамилий. К этому времени подобные фамилии были многократно учтены в различных документах местных

администраций. Возможно, под разными фамилиями: в одном случае могло быть указано отчество, в другом дедичество, в третьем уличная фамилия, отчего и возникали, как сказано в указе 1988 г. «существенные недоразумения, и даже иногда злоупотребления». Но в распоряжении человека не было единого документа, например, паспорта, который бы воспринимался самими его обладателями как главный документ, отражающий официальную форму их полного именованя.

Если проецировать эту ситуацию на более поздний период, то следовало бы признать, что определённая часть граждан Советского Союза не имела фамилий вплоть до 70-х годов XX века. Обязанность иметь паспорт для всех жителей СССР была установлена только Постановлением Совмина СССР от 28.08.1974 № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР». Одним из положений этого постановления было следующее:

«Гражданам, проживающим в сельской местности, которым ранее паспорта не выдавались, при выезде в другую местность на продолжительный срок выдаются паспорта, а при выезде на срок до полутора месяцев, а также в санатории, дома отдыха, на совещания, в командировки или при временном привлечении их на посевные, уборочные и другие работы выдаются исполнительными комитетами сельских, поселковых Советов депутатов трудящихся справки, удостоверяющие их личность и цель выезда» [Постановление Совмина СССР от 28.08.1974 № 677. п.2.].

В указанный период, и, тем более, в первой половине столетия оформление справок и даже паспортов часто сопровождалось многочисленными ошибками или сознательным творчеством лиц, получавших эти документы, или сотрудников госучреждений. Всё это приводило к изменению в написании старых фамилий или к появлению новых. Собственно, именно эти процессы (в разных их проявлениях) можно назвать основными в истории русских фамилий XX столетия.

Нам не известны какие-либо законодательные акты начала XX века, вносившие изменения в порядок присвоения фамилий гражданам Российской империи. Исходя из этого, можно предположить, что вплоть до появления нового законодательства РСФСР документальная фиксация фамилий у россиян производилась самым распространённым способом, который применялся на протяжении всей второй половины предшествующего столетия: в качестве фамилии обычно указывалось то прозвание, которое гражданин записывал или называл при оформлении документа. В публикациях СМИ и в научно-популярной литературе отмечается утверждение о том, что в годы Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войн новобранцам, ранее не имевшим официальной фамилии, командирами воинских подразделений практиковалось произвольное присвоение фамилий, в частности образованных от основ строевых команд: *Караулов*, *Смирнов* и др. Однако нами не обнаружены документальные подтверждения этим утверждениям.

По этой причине, не исключая такой возможности, ограничимся лишь предположением, что указанный период (до 1917 года) не внёс существенных изменений в процесс формирования (доформирования) русского фамильного ономастикона. Исключение составляют ситуации, вызванные обстоятельствами Первой мировой войны.

Октябрьская революция 1917 года и разразившаяся после этого Гражданская война нанесли урон многим областям административного, экономического, социально-культурного устройства Российской империи. Как и в годы Первой мировой войны, это стало причиной появления большого числа сирот, беспризорников разных возрастов, но с той разницей, что события конца 20-х годов охватили не только западные губернии бывшей Российской империи, но и практически все области Советской России и других республик, возникших на территории бывшей Российской империи. Аналогичная история повторилась и в годы Великой Отечественной войны. Во всех случаях детям, попавшим на казённое обеспечение (в приюты,

детские дома, колонии и т.д.) и не знавшим или не помнившим своих фамилий, присвоение фамилий осуществлялось решением администрации этих заведений. Этим объясняется пестрота искусственных фамилий, возникших при подобных обстоятельствах. Приведём несколько цитат:

«В 20-е годы в Нижнем Новгороде строили автозавод – стройка называлась Автострой. А в Поволжье тогда был страшный голод. Местных жителей эвакуировали в более хлебные края. Во время посадки на поезд одна женщина потеряла своего младшего сына. Так и уехала с тремя старшими – что оставалось? А младшего нашла женщина, работавшая на Автострое. Она усыновила найдёныша. И так получилось, что мальчишка стал «сыном стройки». Назвали его Валерием Павловичем в честь Чкалова, фамилию дали Автостроев» [Леонтьева, интервью].

«1 августа 1987 года в Днепропетровске собралось две тысячи бывших воспитанников детских домов разных лет. У многих представителей военного поколения были характерные фамилии – Неизвестный, Сирота, Орден, Пехота, Солдатов... Только Неизвестных насчитал семь человек»

[У войны – детдомовское эхо... 2015].

Своеобразным возвращением к древним традициям именованию являются факты присвоения в детских домах фамилии *Найдёнов/Найдёнова*: в старину мирское имя *Найдён* не только давалось сиротам-найдёнышам, но и родным детям в качестве своеобразного оберега от нечистой силы. Кроме того, сотрудники таких учреждений стремились запечатлеть в фамилиях сирот обстоятельства, в частности место, где они были найдены: «найденную на Северном Кавказе девочку назвали Эльхота Архонская по названиям двух североосетинских селений: Эльхотово и Архонская» [Суперанская, Сулова 1981: 125].

Одна из таких историй возникновения фамилии «непрозрачной» с точки зрения мотивации (она возникала при традиционных обстоятельствах как патронимическая и в предшествующие периоды русской истории) была

приведена М.В. Горбаневским на лекции в ИИЦ «История фамилии» в 2006 году.

В середине 80-х годов в г. Суздале Владимирской области он познакомился с сотрудником Суздальского объединённого историко-культурного музея-заповедника Юрием Юрьевичем Юрьевым (1944–2014). Приказом директора музея-заповедника Юрий Юрьевич был назначен первым в Советском Союзе штатным звонарём. Он прошёл практику у архангельских звонарей, подробно изучил историю и технологию отливки колоколов. Результатом его деятельности стало то, что спустя несколько лет колокольные звоны Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря стали неотъемлемой частью любой сколько-нибудь значимой экскурсии по Суздалью. О Юрьеве Ю.Ю. были сняты фильмы, написано много публикаций в СМИ. Но, разумеется, всё внимание этих публикаций было приковано к деятельности «звонаря». Однако столь редкое сочетание фамилии-имени-отчества не могло не вызвать интереса учёного-ономастолога, уже много лет занимавшегося исследованиями в области русской ономастики. Поскольку два увлечённых человека всегда проще находят общий язык, то между двумя исследователями установились дружеские отношения, и в одной из неформальных бесед М.В. Горбаневский задал Ю.Ю. Юрьеву вопрос о необычном составе его полного именованья. Оказалось, что своё отчество и фамилию Юрьев получил при весьма необычных обстоятельствах. В годы войны он, будучи совсем маленьким, лишился родителей и мог воспроизвести лишь одно собственное имя из своей короткой биографии – своё собственное. На вопрос: Мальчик, как тебя зовут? – Ответил: Юра. – Кто твой папа? – Юра. – А мама? – Юра. Так и решили сотрудники детского дома: быть найдёнышу Юрием Юрьевичем Юрьевым. Дату (1 мая 1944 года) и место рождения (Муром) ему записали в метрику «условно-приблизительно» [Из архива ИИЦ «История фамилии»; материалы публичной лекции М.В. Горбаневского «Имя. История. Эпоха», 2006].

Выбор присваиваемой фамилии зависел от многих обстоятельств. Например, детям, которые временно оказывались на обеспечении какого-либо воинского подразделения, порой давали фамилию командира этого отряда (батареи и т.д.). Фамилия могла быть присвоена по роду войск, к которому относилось подразделение. Например, зачисленному во взвод пулемётчиков давалась фамилия *Пулемётов*; в батарею зенитчиков – *Зениткин*; тому, кто был определён в роту пехотинцев, могли присвоить фамилию *Пехотин* (но существует и фамилия *Пехотин*, возникшая при обычных обстоятельствах от имени-прозвища родоначальника *Пехота*) и т.д.

Интересна история фамилии двух замечательных и талантливых русских женщин, сделавших в XX веке знаменитой фамилию *Русланов* – певицы Лидии Руслановой и актрисы Нины Руслановой. По своему происхождению они не являются родственниками и даже не должны были стать однофамилицами. Лидия Русланова (1900–1973) в детские годы звалась Агафьей Лейкиной. Новое имя и фамилию она получила в детском приюте при саратовской Киновийской церкви, куда её определили после того, как она осталась сиротой: отец погиб на Русско-японской войне; мать умерла, надорвавшись от тяжёлой работы на кирпичном заводе, куда она устроилась, чтобы прокормить своих детей; бабушка, на попечении которой осталась Агафья и с которой они вместе ходили по окрестным деревням, распевая народные песни и прося милостыню, умерла через год. Имя и фамилию девочке поменяли потому, что в этот приют не брали крестьянских детей (её содержание оплатила жена высокого чиновника, обратившая внимание на талант ребёнка), а «Агафья Лейкина» звучало слишком простонародно [Из детдомовцев – в знаменитости 2010].

Актриса Нина Русланова, родившаяся в год окончания Великой Отечественной войны, в возрасте примерно двух месяцев была подброшена на порог детского дома. Имя ей дали в честь воспитательницы, а фамилию – в честь Лидии Руслановой... за громкий голос [В детдоме. 2005].

Перед нами не ставилась цель привести статистические данные о случаях таких фактов присвоения фамилий, но их масштабность можно представить по таким свидетельствам: «Из районов, которые находились под угрозой оккупации, дети и детские учреждения эвакуировались в глубокий тыл. Только за период со второй половины 1941 г. по начало 1942 г. было вывезено 976 детских домов с 167223 воспитанниками» [Органы и войска МВД России 1996: 266]. При этом следует помнить о том, что в первые месяцы войны помощь осиротевшим и потерявшимся детям оказывалась и госучреждениями, и частными лицами стихийно, поэтому статистика не может быть полной. Постепенное упорядочивание этого процесса началось лишь после выхода в январе 1942 года постановления правительства СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Если же вспомнить, сколько трагических событий в жизни россиян произошло за весь XX век, то придётся признать, что искусственные фамилии, присвоенные за этот период детям, оставшимся без родителей, являются важной составляющей истории русского фамильного антропонимикона в XX веке. Их присвоение происходило при обстоятельствах, не совсем обычных, поэтому и сами фамилии зачастую сильно отличаются семантикой своих основ, но не формой. Все известные нам примеры свидетельствуют о том, что образование фамилий в таких обстоятельствах обычно происходило по традиционной формуле: выбиралась готовая фамилия из реально существующих или по одной из традиционных моделей сочинялась новая. К сожалению, за годы, прошедшие после распада Советского Союза, число случаев сиротства в России лишь увеличилось, поэтому будущие исследователи непременно получат возможность изучить большой пласт искусственных фамилий.

Немалую лепту в увеличение числа и разнообразия российских фамилий внесла традиция произвольного изменения фамилий и использования псевдонимов [Дмитриев 1970; Веди́на, Лебедева 2003].

В годы Первой и Второй мировой войн в России и в США были отмечены далеко не единичные случаи актов перемены немецких фамилий. Такова история фамилии героя фантастического фильма «Назад в будущее» – Эммета Брауна, отец которого в период Первой мировой войны сократил свою фамилию *фон Браун* до *Браун*, отбросив первый компонент, однозначно указывавший на принадлежность этой семьи к немецкой родовой аристократии; «русский немец» *Кениг* с началом Великой Отечественной войны изменил свою фамилию на *Кеник*, считая её «более русской», для того, чтобы «его не подозревали в симпатиях к фашистам» (об этом рассказали его потомки, посетившие офис одного из региональных представительств ИИЦ «История фамилии» в январе 2015 г.).

Изменение фамилии могло быть вызвано и другими (не всегда понятными исследователю) причинами и происходить по иной формуле: фамилия не подвергалась частичному изменению, а полностью заменялась новой. Иногда новые фамилии выбирались из родственных линий (материнская фамилия) или по какому-либо иному обстоятельству (*Ленский*, *Онегин*); иногда по причине какого-либо отношения к данному географическому объекту (*Семёнов-Тяньшанский*, *Казак Луганский*); порой – без прозрачной или мотивированной номинации.

В этой подгруппе фамилий отмечается частотность трансонимизационной модели образования фамильных антропонимов. Так, фамилия *Станиславский* восходит к географическим названиям Станислав, Станиславице, известным на территории Речи Посполитой. Константин Сергеевич Станиславский (урождённый Алексеев) позаимствовал этот псевдоним у уважаемого им актёра Алексея Фёдоровича Станиславского, который, кстати, тоже Станиславским звался лишь на сцене (настоящая его фамилия Марков). Президент факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова Ясен Николаевич Засурский получил свою фамилию лишь накануне поступления в школу. Его отец тоже носил другую фамилию – *Сторожев*, но, став взрослым человеком, он придумал новую фамилию,

Засурский, напоминая о том, что он когда-то жил на острове, расположенном посреди реки Суры, на окраине города Пензы, то есть буквально «за Сурой». По свидетельству Я.Н. Засурского, перемена фамилии была произведена перед командировкой Николая Сторожева в Польшу с целью создания «новой биографии», поскольку отец служил во внешней разведке [Глуховский 2010].

Часть лиц, изменявших фамилию на новую, увековечила в ней название своей малой родины (селения, местности, главной реки и т.п.). Ср.: *Желудков – Башкинский* (уроженец д. *Башкина* Белёвского уезда Тульской губернии), *Никогда – Луганская* (жительница Ростова-на-Дону), *Хвостик – Днепровский* (уроженец с. Ново-Прокофьевка Ореховского уезда Запорожского округа), *Широкобрюхов – Ангарский* (уроженец Иркутска), *Шиш – Днепровский* (уроженец с. Моровск Черниговского округа), *Яичкин* и *Пастухова – Костромские* (муж – уроженец Костромы) и др. [см. Приложение 3 блок №1].

Главной причиной изменения фамилии всё же было недовольство её прозрачной семантикой, воспринимавшейся как неподобающая фамилии. Эта закономерность прослеживается и во многих других актах изменения фамилии. При этом фамилия могла просто несколько изменяться: *Бык – Бек*, *Мозоль – Мозылев* [см. Приложение 3 блок №2], либо выбираться новой: *Дурнев – Руднев*, *Плешивый – Смирнов*, *Колбаса – Колосов*, *Варфоломей Дуля – Алексей Шевченко*, *Дриц – Платонов*, *Зануда – Донцов* (уроженец Бийского округа, проживал в Кузнецком округе) [см. Приложение 3 блок №3]. Подобную или близкую мотивацию мы обнаруживаем и во многих других архивных примерах.

Особый пласт русской ономастической лексики представляют собой бытующие в России двойные фамилии. В современной орфографии их принято записывать через дефис: *Попов-Преснов*, *Кондратьев-Сапунов*, *Киселёв-Гулюкин* и т.д. Такие фамилии в целом немногочисленны, но ощущаются практически всеми, в том числе и их обладателями, как довольно

необычное явление для всего российского многонационального фамильного антропонимикона. Исторический период, в который они возникли, охватывает всю историю формирования русских фамилий.

Древнейшими среди них являются фамилии княжеских родов, возникшие уже в XVI веке из прибавления к общему для всех представителей большого рода прозванию, полученному по названию владения, ещё одного семейного прозвания, принадлежащего конкретной ветви этого рода. Например, в роду князей *Оболенских* были фамилии *Кашины-Оболенские*, *Немые-Оболенские*, *Лыковы-Оболенские* и др. К настоящему времени сохранилась лишь малая часть таких фамилий. Например, в роду князей *Ростовских*: *Щепины-Ростовские*, *Лобановы-Ростовские* и *Касаткины-Ростовские*.

В XVII столетии были образованы боярские двойные фамилии: *Бобрищев-Пушкин*, *Мусин-Пушкин*, *Голенищев-Кутузов* и т.д. «Как правило, они возникали в результате обращения представителя боярского рода к царю с прошением добавить к имеющейся фамилии ещё одну, восходящую к имени далёкого подлинного или, чаще, мифического предка. Часто при этом бралась фамилия другой семьи, с которой предполагалось родство» [Унбегаун 1995: 307].

Как отмечает Б.-О. Унбегаун, ни одна из этих фамилий не была образована путём прибавления к фамилии рода семейного прозвания по женской линии. Такая традиция, с давних времён известная в странах Центральной и Западной Европы, появилась в Российской империи лишь в самом конце XVIII столетия. Так возникли, например, фамилии *Воронцов-Дашков*, *Орлов-Денисов*, *Остерман-Толстой* и другие.

В XVIII–XIX веках число двойных фамилий пополнилось фамилиями, в которых второй компонент был высочайше пожалован вместе с титулом за выдающиеся заслуги: *Долгоруков-Крымский*, *Потёмкин-Таврический*, *Румянцев-Задунайский*, *Суворов-Рымникский*, *Дибич-Забалканский* и т.д.

После включения в состав Российской империи большей части бывшей Речи Посполитой фамильный антропонимикон пополнился двойными фамилиями посполитой шляхты, образованными путём прибавления к собственной родовой фамилии названия общего для нескольких шляхетских семейств герба: *Бонч-Бруевич, Корвин-Пиотровский, Корибут-Дашкевич* и т.д. Причём, как отмечает Б.-О.Унбегаун, значительная часть таких фамилий возникла позднее, уже в период XIX века мода добавлять к своей фамилии название герба получила особенное распространение. Под влиянием этой моды и в других сословиях было образовано большое число польских и белорусско-украинских двойных фамилий, в которой одной частью (не обязательно второй) традиционно является исторически сложившееся родовое прозвание, а другой – не название герба, а семейное прозвание одной из ветвей этого рода, образованное от имени родоначальника данной ветви или от географического названия: *Дунин-Борковский, Дунин-Галецкий, Дунин-Слепец, Одляницкий-Почобут* и т.д. [Унбегаун 1995: 310].

Часть двойных фамилий возникла исключительно из-за желания придать ей необычное звучание, например, за счёт удвоения фамилии и прибавления ко второй части суффикса *-ский*: *Лозина-Лозинский, Май-Маевский, Прилука-Прилуцкий* и т.д. Отметим, что такое удвоение фамилии не всегда сопровождалось прибавлением суффикса *-ский*: вероятно, именно так возникла фамилия *Цаль-Цалько*.

Таким образом, к началу XX столетия в Российской империи сложилась целая система способов образования двойных фамилий, основанная на разных традициях.

Резко изменилась ситуация после 1917 года. Ранее этого периода двойные фамилии были атрибутом принадлежности к аристократии или претензией (выраженной лишь изменением фамилии) на такую принадлежность. Разумеется, в послереволюционный период эта атрибутика стала небезопасной. Часть семей, обладавших двойными фамилиями, даже изменили их написание, ограничившись одной лишь частью. Зато

неожиданным образом проявились последствия эмансипации женщин, вызванные социальными переменами в России.

Интересную статистику, полученную на основании данных телефонного справочника Ленинграда за 1961 год, привёл Б.-О. Унбегаун. Из 259 обнаруженных им в справочнике двойных фамилий 129 принадлежали женщинам. По мнению учёного, это объясняется тем, что эти фамилии возникли из сложения девичьей фамилии женщины и фамилии её мужа, причём, как отметил автор, такой обычай «широко распространён среди работающих женщин» [Унбегаун 2005: 308–309].

Но такие примеры не столь многочисленны, чтобы именно ими можно было объяснить заметное превышение числа женских фамилий в подобных справочниках (несмотря на то, что в приведённом примере женские фамилии составили менее половины всех двойных фамилий, можно быть уверенным, что их число сильно превышало число мужских, поскольку необходимо учитывать и несклоняемые фамилии, не имеющие гендерных признаков).

При обработке телефонных баз разных городов России нами были сделаны наблюдения, что в центральных и северных регионах России преобладают записи женских фамилий: *Иванова* встречается значительно чаще, чем *Иванов*, *Савельева* чаще, чем *Савельев*, по некоторым фамилиям даже встречается двукратное превышение. Это связано не с численным преобладанием (во всяком случае, оно не является столь значительным) женского населения над мужским, а с тем, что в русской традиции, которая отчётливо прослеживается, скажем, в современной телефонной базе Санкт-Петербурга, значительную часть таких имущественных вопросов принято доверять женской половине (домашний телефон чаще оформляется на имя жены). Иная картина обнаруживается в южных городах России, в Татарстане и Башкортостане. Здесь в телефонных справочниках более частотны упоминания мужских фамилий: *Хабибуллин* – чаще, чем *Хабибуллина*, *Абдуллин* – чаще, чем *Абдуллина* и т.д. Вероятно, это связано с особенностями менталитета. Несомненно, данная особенность отражается и

на представителях других народов, проживающих в этих регионах: фамилия *Иванов* в телефонных справочниках здесь тоже встречается чаще, чем *Иванова* и т.д.

Заметим, что образование двойных фамилий не прекращалось и на протяжении большей части XX века и, заметно активизировавшись в 90-х годах столетия. Характерно, что при этом совершенно не наблюдается стремление изменять эти фамилии при помощи их дооформления суффиксом *-ский*. Оба компонента двойной фамилии, как правило, сохраняют исконное звучание: *Щербинин-Сучков, Гордеев-Головешко, Горшков-Волков, Добкин-Демидов, Попов-Преснов, Кондратьев-Сапунов, Киселёв-Гулюкин, Синельников-Мурылёв, Мамонтов-Веселов, Федосеев-Климов, Андрианов-Ушаков, Никотин-Мартынов, Голубев-Зарезов, Гальцев-Мунтян, Воронин-Федорчуков, Смирнов-Буланцев, Монахов-Ильин, Колобков-Крупчатников* (данные примеры взяты из списка фамилий, обладатели которых обращались в ИИЦ «История фамилии», большая часть их обладателей достоверно знает о недавнем происхождении двойной фамилии).

Следует отметить о ещё одном типе фамилий, которые по своей форме схожи с двойными, но не являются таковыми: *Гуляй-Поле, Гуляй-Беда, Кара-Мурза, Копай-Гора, Шам-Паши* и др. Подобные фамилии восходят к двусоставному личному имени. Некоторые из них имеют и другую форму записи (*Копайгора, Карамурзин*), что напоминает о вариативности графических форм записи личных и фамильных антропонимов. После документального оформления новой формы фамилии, которая могла быть произведена и сегодня, и в прошлом столетии, каждый из вариантов приобретает юридический статус и в юридическом смысле не является тождественным исходному.

Несмотря на то, что все граждане России давно имеют официальные фамилии, процесс образования новых фамилий не закончился и, вероятно, не закончится никогда. Об этом свидетельствует статистика случаев перемены фамилий. Самый большой процент таких случаев составляет смена фамилии

женщиной в связи с замужеством. При этом, как правило, не возникает новой фамилии. Продолжается и процесс смены фамилий на новые теми гражданами, которым по тем или иным причинам не нравилась их прежняя фамилия. Во многих случаях, как и в начале XX века, это связано с ещё более возросшей мобильностью населения. Диалектные фамилии, привычные жителям одной конкретной деревни и давно не вызывавшие у них никаких эмоций, в случае переселения в крупный город нередко создают их обладателям массу проблем. Кроме того, непривычная новым соседям и коллегам форма или семантика основы фамилии может вызывать насмешки. Важно и то, что заметно возрастает и общее, и ежедневное число актов речевой коммуникации, в которых обладатели «необычных» фамилий испытывают дискомфорт от повышенного внимания к их фамилии, от нежелательной для них актуализации одного из компонентов плана содержания их фамильного антропонима.

Наконец, известны случаи многократной смены человеком фамилии за период 2–5 лет, что, несомненно, носит в определённой степени игровой характер или свидетельствует о нарушениях психики данного человека. В настоящее время процент таких случаев невысок, но его росту может способствовать представление об эстетической стороне семантики фамильных антропонимов. Ср. если в начале XX века «неприятной» казались фамилии *Зануда*, *Дрищ*, *Гноевой* и *Тупорылов*, то уже в 90-е от посетителей нашего центра неоднократно приходилось слышать рассуждения о том, что их фамилия, например, *Горшков*, *Лопатин*, *Лантев* или *Блохин*, кажется им слишком простонародной.

С изменением условий труда и быта, исчезновением многих реалий прошлого, в частности, предметов домашнего обихода, одежды и т.д. изменяется отношение к основам фамилий, сохранившим названия тех или иных реалий. Поэтому можно предположить, что в ближайшее время в России появятся фамилии, искусственно образованные от лексических основ, появившихся в русском языке лишь в XXI веке или просто заимствованных

из других языков и никогда не использовавшихся в качестве личных антропонимов.

Таким образом, в конце XX века сложно было представить, что очень популярные тогда имена *Светлана* и *Наталья* через 30 лет станут редкими, и на первые места по популярности выйдут имена *Анастасия* и *Софья*. Ещё тридцать лет назад носитель русского языка не смог бы поверить, что станут исключительно редкими имена *Зоя* и *Зинаида*. А наши предки, жившие, например, в XVI веке, и подумать не могли, что через каких-нибудь 300 лет их потомки не будут давать своим детям такие привычные имена, как *Блоха* и *Червяк*, *Гузка* и *Мяско*, *Лопата* и *Горшок*.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.

Современный русский антропонимикон, частью которого являются фамильные антропонимы, не является неподвижной системой.

В настоящее время, как и во все предыдущие периоды русской истории, продолжается его развитие, сопровождающееся появлением новых и исчезновением части старых имён собственных.

Разнообразие элементов современного русского фамильного антропонимикона обусловлено многими причинами. К их числу относятся: широкий лексический состав древнерусских нецерковных имён; большая вариативность имён церковных; длительный период формирования фамилий у всех социальных слоёв русского общества, сопровождавшийся динамическими процессами, происходившими в самом именнике; личные предпочтения в выборе формы записи фамилии или естественное «врастание» иноязычного личного или семейного именованья в русскую языковую систему, подстраивание их под наиболее распространённые или диалектные формы семейных прозваний.

Заметный вклад в разнообразие русского антропонимикона внесли вызванные разными причинами случаи присвоения фамилий, искусственно придуманных, а не сложившихся одним из традиционных способов (личное

имя или прозвище – наследственное семейное именование; личное имя или прозвище – патроним – наследственное семейное прозвание).

Подавляющее число русских фамилий возникло при самых традиционных обстоятельствах – при постепенном вовлечении глав семейств и всех членов их семей в активный процесс коммуникации со всё большим числом граждан и организаций, сопровождавшийся и одновременным усложнением социально-экономических отношений, требующих юридического оформления, следовательно, и юридически закреплённого за главой семьи и его потомками родового прозвания, подтверждавшего права владения и наследования.

Постепенность этого процесса, позволявшая дорабатывать полную формулу официального именования, стала причиной возникновения такого явления, как стандартизация, приведение графической формы фамилий к определённым орфоэпическим и морфологическим стандартам.

Изменение антропонимикона, в первую очередь, находит отражение в появлении новых (или востановлении давно забытых старых) элементов. Другая часть таких элементов не потеряла актуальности для русского человека и сегодня, поэтому их более или менее явное упоминание в структуре фамильного антропонима актуализируется в ходе различных актов речевой коммуникации. Постепенное исчезновение некогда распространённых имён обнаруживается лишь по прошествии продолжительного периода времени.

В древние времена причиной исчезновения из русского именника того или иного мирского имени чаще было связано с исчезновением реалий, вызвавших появление имени или прозвища, развитие языка, изменение культурных традиций и т.п.

Таким образом, фамилии возникли именно для того, чтобы связывать, во всяком случае, в юридическом смысле, разные поколения одного семейного рода. В силу этого в любой семье с рождением ребёнка не

возникает новая фамилия и не исчезает, не изменяется прежняя после того, как уходят в мир иной представители старшего поколения.

Фамильный антропонимикон – это живой организм, в нём постоянно происходят различные процессы, изменяющие его состав, частотность тех или иных его компонентов-фамилий.

ГЛАВА II.**ВАРИАТИВНОСТЬ В РУССКОМ ФАМИЛЬНОМ
АНТРОПОНИМИКОНЕ И КОМПОНЕНТНАЯ
СТРУКТУРА АНТРОПОНИМА-ТЕКСТА****2.1. Гипотеза о фамильном антропониме
как о свёрнутом структурированном тексте**

Явление вариативности в ономастической лексике, как показали наши многолетние исследования, проводившиеся в Информационно-исследовательском центре «История фамилии», можно рассматривать не только в историко-этимологическом аспекте (диахронном), но также и в функционально-речевом (синхронном) аспекте. Сочетание и взаимодополнение двух названных аспектов позволяет по-новому взглянуть на проблему вариативности в русском фамильном антропонимиконе.

Феномен вариативности антропонимов не раз становился предметом научного интереса ряда учёных-ономатологов, высказавших разные традиционные для русской и восточнославянской ономастики точки зрения.

Классический подход к изучению вариативности личных имён и отражение в вариативности современных русских фамильных антропонимов нашли отражение в работах А.В. Суперанской, которая считает, что одним из основных источников вариативности личных имён является приспособление имён одного языка к системе имён другой языковой (диалектной) среды. «Вариант – это видоизменение (или разновидность) языковой единицы, в том числе стилистическое, диалектное. Варианты естественно возникают при переходе имени в другую языковую среду» [Суперанская 2010: 19].

Другие учёные обращают большее внимание на вариативность личных имён, проявляющуюся в процессе речевой коммуникации, подчеркивая, что в данном аспекте вариативность зависит от ряда различных факторов, в

частности, от целеустановок конкретной речевой ситуации и прагматического потенциала имени [Шумарина 1984: 130-136].

Однако особенно значимым в теоретическом плане инструментом выявления и понимания вариативности фамильных антропонимов служит подход, который направлен на выявление актуализации конкретных знаний и ассоциаций. Иными словами, выявление той информации, которая связывается участниками реальной речевой коммуникации с упоминаемыми в процессе коммуникативного акта фамильными антропонимами. В определённой степени это соответствует целеустановке и условиям конкретной речевой ситуации.

В широком смысле слова вариативность заключается не только в наличии нескольких или даже многих вариантов (в диахронии) плана выражения фамильного антропонима. Ср.: *ОстровитЯнов-ОстровИтянов* (фон.); *ЛемТюгова-ЛемЦюгова* (диал.); более 50 фамильных антропонимов, восходящих к каноническому имени (крестильному имени) *Василий* (этногр.); русское калькирование идиш морфем *Леонзон-Львов, Лангфельд-Долгопольский*. Но также и в вариантах реализации разнообразных компонентов плана содержания фамилии в зависимости от особенностей, условий, целеустановок, задач и вида конкретного акта речевой коммуникации.

Вопрос о характере и специфике значения имени собственного в целом и фамильного антропонима, в частности, многие годы и даже десятилетия остаётся дискуссионным. Наглядное тому свидетельство – констатация данного факта, сделанная авторами коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований». Авторы этой монографии, сотрудники группы ономастических исследований Института языкознания АН СССР учитывали мнения многих ономатологов, теоретиков и практиков, в частности тех, кто принял участие в прошедшей в апреле 1981 года Второй московской ономастической конференции, имевшей заочный характер. Российские (советские) и зарубежные учёные отметили, что «в вопросе о

значении имени собственного ещё очень много неясного и даже сами понятия семантика и значение не имеют необходимых дефиниций» [Теория и методика ономастических исследований 2009: 103].

Авторы монографии подчёркивали, что «имя собственное во всей полноте своих характеристик представляет собой как бы точку соприкосновения лингвистического и экстралингвистического планов, значение его оказывается сложным комплексом, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом объекте» [Теория и методика ономастических исследований 2009: 104].

К лингвистической составляющей значения имени собственного учёные относят особые мотивы именовании, специфику существования имени в языке, его современное восприятие, историю имени и этимологию его основы [Толстой, Толстая 2000; Толстая 2001]. Под экстралингвистической частью значения имени собственного они понимают особые условия существования имени в обществе, связанные с ним культурно-исторические ассоциации, специфику связи имени с именуемым объектом, а также степень известности самого объекта и его имени [Бондалетов 1970; Бурвикова, Костомаров 2006].

На необходимость выявления содержащихся в имени собственном лингвистической и экстралингвистической составляющих указывал А.А. Реформатский. Учёный считал, что любое слово обладает *значением* (отношением слова к обозначаемому им предмету или явлению, то есть отношением факта языка к внеязыковому факту) и *значимостью*, то есть языковым свойством слова, которым оно обладает как член лексической системы. Понятие *значимость слова*, по мнению А.А. Реформатского, определяется так же, как и значимость других единиц языка (фонем, морфем...) Ученый вводит это понятие в один ряд, который он определяет как *лексическое поле*. Именно в лексическом поле слово обладает собственной значимостью, вступает в отношения параллелизма (синонимии),

контраста (антонимии), сопутствия (метонимии и синекдохических связей между словами) и противопоставлений различного рода.

Разделяя мнение А.А. Реформатского о необходимости разграничивать понятия *контекст* (область употребления слова) и *поле* (сферу существования слова в системе языка), учёные считают, что понятие поля вполне применимо и к онимической лексике. «Поле в ономастике – это, прежде всего, определённая сфера соотнесённости имени... Знание границ и иерархии ономастических полей необходимо для правильного употребления и понимания имени... Имена, входящие в определённое лексическое поле, представляют собой систему (или комплекс систем), каждый член которой увязан с другими по ряду параметров: территория, время, тема, разновидность объекта и т.п. Всё это находит выражение с помощью лингвистических средств» [Теория и методика ономастических исследований 2009: 104].

Для данной работы большой интерес представляет мнение В.И. Болотова о необходимости разделять назначение и значение имён собственных и имён нарицательных в языке и речи: «Наиболее существенным для собственных имён мы считаем энциклопедическое значение, под которым понимаем сумму конкретной информации о денотате имени» [Болотов 1972: 333]. При этом В.И. Болотов полагает, что для ряда категорий имён собственных, в частности для личных имён, внутри ономастического поля, в котором они обладают некоторым общим значением, необходимо выделять ещё и социальное поле. Это поле определяется единством времени, профессии и местожительства денотатов, в котором все эти имена обладают также определённой эмоциональной окрашенностью, стилистической отнесённостью и идеологической насыщенностью.

Таким образом, в каждом социальном поле, в котором денотат этого собственного имени «функционирует», сложное энциклопедическое значение его имени может раскрываться по-разному, что зависит от его

социального положения, симпатий и антипатий, вкуса и даже настроений его самого и других членов сообщества. Отметим также, что, по мнению В.И. Болотова, полное энциклопедическое значение имени собственного, то есть комплекс сведений о денотате, известный всем участникам речевой коммуникации, значительно больше суммы конситуаций, в которых оно встречается [Болотов 1972: 333-345].

Следовательно, основное отличие энциклопедического значения имени собственного от лексического значения нарицательного заключается в том, что первое возникает в речи и может заметно различаться в разных социальных полях. В отличие от имён собственных, имена нарицательные не могут иметь аналогичного энциклопедического значения, поскольку они содержат сведения о самом денотате. Актуализируемое в речи имя нарицательное всегда однозначно, а энциклопедическое значение имени собственного значительно глубже, *многограннее*, поскольку существует одновременно в целом ряде социальных полей.

Этот феномен рассматривался в обзоре теорий К. Хенгста, утверждавшего, что с изменением общественной значимости объекта меняется знание его лексического значения для отдельных социальных групп. О.Т. Молчанова «под семантикой собственного имени понимает очень широкий круг составляющих компоненторв в основном экстралингвистического характера.

Если принять во внимание все компоненты семантики имени, то она не может быть постоянной, навсегда заданной, так как сами составляющие этой семантики динамичны. Имя как языковая категория, денотат, общество и т.п. – всё это сущности, меняющиеся со временем. Имя может перестроиться до неузнаваемости, а потому его изначальная семантика и его семантика спустя века – вещи разные... Количество имён с открытой семантической структурой варьируется в языках в зависимости от многих факторов лингвистического и экстралингвистического характера, оно не бывает стабильным») [Теория и методика ономастических исследований 2009: 107].

Тот факт, что теме значения собственных имён уделяется столько внимания представителями разных научных школ в разных странах, свидетельствует о чрезвычайной важности данной проблемы. Но авторы обращают особое внимание на то, что «единой точки зрения пока что не выработано» [Теория и методика ономастических исследований 2009: 109].

Однако заметим, что упомянутый выше обзор, сделанный авторами монографии «Теория и методика ономастических исследований», выводит нас ещё раз и на тему вариативности плана выражения и плана содержания имён собственных. По мнению самих авторов, «по отношению к имени собственному проблема значения нуждается в дальнейшей разработке, поскольку многие исследователи вводят такие понятия, как актуальное значение (ср. *актуализация значения* в данной работе – В.М.), окказиональное значение, денотативное значение, референтное значение, речевое значение, грамматическое значение, словообразовательное значение, несловесное значение, коммуникативный инвариант значения и т.д. В последние годы стали выделять также культурный компонент значения имени, подразумевая связь имени с культурой создавшего его народа». Для конкретных целей данного исследования нам принципиально важно использовать два базовых понятия: *план выражения* и *план содержания* фамильного антропонима.

Обращает на себя внимание предложенное А.Д. Шмелёвым понятие «мысленное досье», под которым он понимает информацию в виде дескрипций, имеющих у адресата речи на лиц, имена которых ему известны [Шмелёв 1989: 57].

Н.В. Васильева отмечает: «При употреблении такого собственного имени адресат речи извлекает из соответствующего «досье» подходящую к случаю дескрипцию. Разные люди могут иметь различные «мысленные досье» на носителя одного и того же ИС, и говорящий, употребляя ИС, исходит из своих прагматических пресуппозиций относительно «досье» адресата речи на носителя данного ИС. ...СИ в тексте/речи может быть

употреблено лишь тогда, когда адресат речи располагает какими-то сведениями о носителе СИ (имеет «досье»). Если у говорящего нет такой пресуппозиции, то, прежде чем называть кого-то по имени, он должен представить его адресату речи... Если этого не происходит, возникает коммуникативный провал» [Васильева 2009: 23]. В комментарии Н.В. Васильева подчёркивает, что определённое «мысленное досье» у каждого человека существует на любой вид имён собственных.

Важно обратить внимание на тот факт, что аналогичное «мысленное досье» на фамильные антропонимы имеется у каждого человека вне связи их с конкретным лицом, упоминаемым в акте речевой коммуникации. Свидетельством этого является тот факт, что фамильный антропоним может быть использован вообще безадресно. Ср.: «А кто за всё это ответит? Иванов, Петров, Сидоров?» или «При заполнении заявления пишите полностью «Я, Иван Иванович Пупкин, прошу то-то и то-то», а не сокращайте».

Таким образом, можно заметить, что при употреблении в процессе речевой коммуникации того или иного фамильного антропонима происходят следующие процессы:

1) источником речевой коммуникации (говорящим, пишущим) актуализируется определённая информация, которая, на его взгляд, присутствует в плане содержания фамильного антропонима;

2) источник рассчитывает, что рецептор (слушатель, читатель) актуализирует данную информацию аналогичным образом;

3) если рецептор (по терминологии Н.В. Васильевой) обладает аналогичным «мысленным досье» на данный фамильный антропоним, то участники коммуникационного акта имеют шанс на взаимопонимание; если его «мысленное досье» иное, то возникает «коммуникативный провал».

Коммуникативный провал, то есть «неудачная» речевая ситуация, может возникнуть по разным причинам. Например, в устной речи нередко случается так, что источник выбрал неудачную текстовую форму, в которой фамильный антропоним не был «познан». Это особенно часто происходит,

если в коммуникацию вовлечены лица, не принадлежащие к одному кругу (не коллеги, не родственники и т.д.). Ср.: ситуацию в Едином расчётном центре: «Позовите-ка *Ложкина!*» – «*Калошкин*, подойдите к третьему окну!»; или ситуация в мебельном магазине: «Мне нужна тумбочка для обуви». – «Миша, покажи товарищу тумбу для обуви козлов!» – «Почему для козлов? Себе беру». – «Это фамилия производителя!» (надпись на ценнике: «ТУМБА ДЛЯ ОБУВИ. КОЗЛОВ»).

О том, что актуализация плана содержания в процессе речевой коммуникации фамильного антропонима происходит не всегда одинаково у разных лиц, даже входящих в группу лиц, объединённых некоторыми общими характеристиками (например, возраст, уровень образования, степень владения литературным языком и т.п.) свидетельствуют, в частности, материалы «Русского ассоциативного словаря» (отв. ред. Ю.Н. Караулов).

Для участия в эксперименте его организаторами допускались только лица в возрасте 17–25, городские жители (чтобы минимизировать влияние диалектного языка) из разных регионов России, представлявшие разные отрасли знаний (студенты разных специальностей). Приведём лишь три примера, в которых в качестве слова-стимула предлагалась фамилия:

«**Ломоносов:** учёный 41; гений 9; Михайло, университет 4; великий, наука, химик, Холмогоры 3; Михаил, парик, портрет, физика 2; академик, Архангельск, великий учёный, в парике, город, знание, история, круглый, Ломоносовская, лыс, МГУ, Михаил Васильевич, мозаика, ода, профессор, Пушкин, светило, умник, умница, философ, фильм «Мих. Ломоносов» 1».

«**Чехов:** писатель 44; Антон 5; Антон Павлович, Вишнёвый сад 4; город, Каштанка, рассказы 3; врач, дядя Ваня, Ионыч, классик, Чайка, Человек в футляре, 2; Антон Палыч, А.П., гений, Гоголь, Достоевский, Иван Павлович, и Пушкин, книги, краткость – сестра таланта, мораль, на столе, Нос, писал, поэт, пьесы, рассказ, русский писатель, сатира, Таганрог, театр, тема для экзаменов, Толстой, Тоша, Шинель 1» [РАС 2002: 300, 724].

Ещё более показательными являются виды реакций на распространённую фамилию, не имеющую одного, основного, представителя, который своей известностью и авторитетом «подавляет» прочие виды реакций.

«**Медведев** (*ещё не было премьера с такой фамилией*): фамилия 12; Рой 5; Андрей, человек⁴; Волков, косолапый 3; журналист, Зайцев, медведь, писатель, учёный 2, баран, Бедлуков (?), берлога, большой, борец за правду, в спячке, герой, Дмитрий, домик, дурак, дурень, дядька, животное, жил, Жуков, зверь, здоровяк, Иван, картина, Козлов, Конев, копьё, Коровин, кто такой?, курган, Лебедев, лес, лётчик, литература, лопата, Лосев, мужик, мужчина, некто, нос, одноклассник, осёл, политик, полковник НКВД, президент, пресс-секретарь президента, профессор, рёв, Рой Медведев, Саша, Сергей, след, сын, ушёл 1» [РАС 2002: 313-314].

В данных видах реакций прослеживается особая вариативность фамильных антропонимов. Она проявляется в том, что актуализация информации, заложенной в фамильном антропониме, осуществляется разными участниками конкретных речевых ситуаций различным образом. Каждый из участников речевой коммуникации выбирает свой вариант (варианты) её актуализации, наиболее близкий (близкие) ему в силу различных обстоятельств.

Как известно, основной целью любой речевой коммуникации, независимо от её особенностей (поддержка мнения; обсуждение проблемы, разъяснение, критика и т. д.) принято считать обмен информацией. Во многих речевых актах сторонами (источником и рецептором) включаются в текст также и онимы различных типов. При этом в соответствии со свойственной им природой – выделять, индивидуализировать, идентифицировать объект (лицо), будучи включёнными в акт речевой коммуникации, – онимы нередко выступают в качестве одного из побудительных мотивов, опорных слов, приобретая (играя) акцентированную роль, то есть являются тематическим центром речевой коммуникации. Всё

это позволяет говорить об акте так называемой *речевой ономастической коммуникации* или о *речевой ономастической ситуации*.

Особую роль, которую может иметь оним в речевой коммуникации (ситуации), отмечает А.В.Суперанская: «...в речевой деятельности человека существуют определённые ситуации (в значительной мере экстралингвистические), которые определяют собой стиль его сообщения, нацеливая на употребление тех или иных выразительных средств. Так, например, официальные ситуации настраивают человека на использование кодифицированного литературного языка с определёнными нейтральными формами имнования, которые могут не совпадать с записями, установленными в юридическом порядке, но должны быть похожими на них. В неофициальных ситуациях обычно пользуются разговорной речью, свободной от ограничений, налагаемых нормированием, и обладающей значительно большей эмоциональной нагрузкой, которая отражается и на формах имён.

Речевая ситуация – обстановка, в которой создаётся речевое произведение, – экстралингвистична. Ср.: – Далеко? – До Ближних. – Пока!

Обменявшись этими репликами не потребовалось большого количества языковых средств, потому что предпосылки данной речевой ситуации...были им известны из предыдущего жизненного опыта» [Суперанская 2007: 232].

Показателен также содержательный комментарий А.В. Суперанской к данному диалогу: «Для лица непосвящённого описание данной конситуации могло бы принять следующий характер: «На дороге, ведущей от города к хуторам, встретились двое. Первый хотел узнать, куда направляется другой, но, полагая, что напрямик спросить «Куда?» не вполне вежливо, спросил его: «Далеко ли ты идёшь?» Второй ответил, что отправился в Ближние Хутора, где у него родня. Первый пожелал ему доброго пути» [Суперанская 2007: 232].

Следует полагать, что, если бы полное название хутора, упоминаемого в этом диалоге, звучало как «Ближний», то ответ «До Ближнего» также не в полной мере соответствовал бы форме названия, которое следовало бы указать в официальной ситуации: «До хутора Ближнего». Таким образом, нельзя не отметить, что в данном диалоге топоним *Ближние* играет особую роль. Он наполнен значительно большим содержанием, нежели простая констатация названия населённого пункта. В частности, он одновременно «сообщает» (актуализирует) посвящённому человеку (то есть, обладающему соответствующими экстралингвистическими знаниями) и местоположение, и тип того селения, в которое направляется его собеседник. Такое же свойство, позволяющее в определённой ситуации необычным образом «раскрыться» заложенной в нём информации, актуализирует и фамильный антропоним.

В качестве доказательства приведем пример из произведения К.М. Симонова «Живые и мёртвые».

Став свидетелем оправданного тяжёлым военным положением самоуправства (как полагал Синцов) командира подразделения, в котором Синцов оказался в силу обстоятельств, он перед отбытием в Москву решил узнать фамилию этого командира. Этот капитан-танкист, как показывает нам К.М. Симонов, несомненно, вызывал у Синцова уважение своей решимостью собрать из разрозненных отступающих красноармейцев боеспособный отряд, организовать оборону и остановить отступление:

– А как ваша фамилия, товарищ капитан? – уже из кабины спросил Синцов, впервые за всё время вспомнив о газете.

– Фамилия? Жаловаться, что ли, на меня хочешь? Зря! На моей фамилии вся Россия держится. Иванов. Запиши. Или так запомнишь? (Симонов К.М. «Живые и мёртвые»).

Таким образом, писатель, оставаясь в рамках жанра художественной прозы, смог ярко и образно подчеркнуть, что, несмотря на тяжелейшее состояние и отступление войск на всех фронтах, советские воины проявляли массовый героизм, предотвратив ещё более масштабную катастрофу и вселяя

в очевидцев этих событий уверенность в том, что ход войны непременно переменится. Это было достигнуто К.М. Симоновым благодаря удачно выбранной фамилии для одного из главных участников данного эпизода. Фамилия *Иванов*, будучи самой распространённой русской фамилии, в этой акте речевой ономастической коммуникации являет собой яркий и понятный символ всего русского народа, фактически его собирательное именование.

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» главный герой Раскольников ни разу не проявляется в какой-либо речевой ситуации. Но её роль, без сомнения, значима в контексте самого романа, поскольку в качестве речевой коммуникации можно рассматривать весь текст романа: поступки, раздумья главного героя. Его внутреннюю трагедию определённым образом отражает фамилия. Писатель искусно использует фамилию Родиона Раскольникова для «пробуждения» (актуализации) определённых ассоциаций у своего читателя.

Фамилия Раскольников напоминает читателю о трагическом событии в русской истории XVII века – церковном *расколе*, в результате которого значительная часть русского населения вынужденно оказалась враждебно настроенной по отношению к официальной православной церкви и самому Русскому государству. Такой выбор автора символичен, ведь «именно через его образ Достоевский совершает казнь идеи отрицания неприкосновенности, высшей ценности и святости человеческой личности, жизни самого человеческого существа» [Горбаневский 1988: 34].

В пьесе М.А. Булгакова «Иван Васильевич», известной современным россиянам по сценарию популярного фильма «Иван Васильевич меняет профессию», обыгрывается свойство и возможность фамильного антропонима вызывать у участника речевой коммуникации определённый ряд конкретных ассоциаций. Ср. цитату по сценарию фильма.

– Не гневайся, боярин, не признаю я тебя. Аль ты князь?

– Я? Пожалуй, князь! А что тут удивительного?

– Хе-хе-хе-хе. Да откуда ж ты взялся в палате царской? Ведь не было тебя?

– Батюшка царь, кто ж это такой?

– Это приятель Антона Семёновича Шпака.

– Ой, дурак! Надёжа-царь говорит, что я князь Милославский. Устраивает это Вас?

– Чур... Сгинь!

– Что такое? Опять не слава богу! В чём дело?

– Да ведь казнили тебя намедни!

– Вот это новость!

– Повесили тебя на собственных воротах третьего дня по приказу царя.

– ...?

– У...

– Так... Ой, спасибо! Повесили меня по твоему приказу. Выручай, а то засыпемся. Чего ж ты молчишь, сволочь? О! Вспомнил! Ведь это не меня повесили.

– Того, повешенного-то, как звали?

– Ванька-разбойник.

– Ага. А я наоборот, Жорж. Тот бандит просто мой однофамилец.

Таким образом, стечение обстоятельств (пусть даже фантастическое) и фамилия вора-домушника Жоржа Милославского неожиданно позволили ему в сценарии фильма по пьесе М.А. Булгакова стать на время всеми уважаемым человеком, практически полновластным «хозяином Кремля». Однако по замыслу автора пьесы и авторов киносценария совершенно иное отношение должно проявиться к тому же самому человеку у сотрудников советской милиции:

– Чёрт побери! У нас в руках был сам Милославский!

– Жорж Милославский?

– Ну да!

– Задержать его! Быстро!

– Сейчас.

– Стойте! Стойте! Держите Милославского! Держите его!

Подобный сюжет отождествления носителя фамилии с его более знатным, знаменитым, опасным или богатым однофамильцем или с представителями данного рода (семьи), неоднократно (и не только комически) описанный в художественной литературе, регулярно встречается и в реальной жизни.

Известно, например, что после полёта в космос первого космонавта Ю.А. Гагарина на Западе считали, что он представитель старинного княжеского рода Гагариных. Многолетняя практика работы ИИЦ «История фамилии» показывает, что многие обладатели фамилий, известных в русском дворянстве, были уверены, что также являются потомками этих родов. Практически любой обладатель фамилии, каким-либо образом ставшей широко известной в русской истории, может сказать, что одним из первых вопросов при новом знакомстве он слышит «Вы не из этих ли?», «Вы не родственник ли такого-то?».

Приём создания речевых ситуаций, в которых фамильный антропоним становится тематическим центром, в целом активно используется в художественной литературе, кинематографе и т.п. Например, в детском фильме «Приключения Электроника» такая ситуация создаётся автором дважды на протяжении 20 секунд:

Чижиков подводит Сыроежкина к старшекласснику-штангисту, и они знакомятся. Штангист спрашивает:

– Сыроежкин?

И представляется сам:

– Жаботинский.

– Настоящий!?

– Прозвище такое. Пошли.

Маленький Чижиков (он рыжий) остаётся один у двери спортзала. К нему подходит школьница:

– Ну, что, Рыжиков, не приняли?

– Я не Рыжиков, я – Чижиков.

– Всё равно не приняли.

Интересна роль фамильного антропонима во втором диалоге: не важно, какая именно фамилия у участника (*всё равно не приняли*), но сопоставление правильной и неправильной фамилий создаёт комический эффект и делает их центром данной речевой ситуации.

В отношении первого диалога можно сделать ещё одно важное наблюдение. Типичным и самым распространённым примером речевой ономастической коммуникации является диалог (полилог), возникающий в момент знакомства (представления друг другу). Нередко только в представлении лиц (с произнесением, а также последующим кратким обсуждением услышанных фамильных антропонимов или без этого) и заключается весь акт речевой ономастической коммуникации. В ходе коммуникации представляемые друг другу могут не произносить ни слова (это делает третье лицо), но успевают в той или иной степени актуализировать в памяти определённую информацию, которая вспоминается ими в связи с услышанной фамилией.

В практике учебных заведений можно встретить следующие диалоги:

– Кто сегодня дежурит?

– Петров (Сидоров, Волков и т.п.).

Несмотря на частую повторяемость, каждый раз эта фраза рождает в представлении одноклассников целый ряд образов.

Таковым же является, например, и список абитуриентов, зачисленных на первый курс: список даёт его читателям, бывшим абитуриентам, повод внимательно вчитаться в каждую упоминаемую в нём фамилию. Это будущие однокурсники, поэтому всякая информация о них интересна. В этой ситуации, которую можно определить как мультилог, особенно активно актуализируются все знания о происхождении фамилий, которые доступны конкретному читателю списка.

Замечательным примером речевой ономастической коммуникации является стихотворение С.И. Михалкова «Смешная фамилия»:

Каких фамилий только нет:
Пятёркин, Двойкин, Супов,
Слюнтяев, Тряпкин-Дармоедов,
Пупков и Перепупов!
В фамилиях различных лиц,
Порою нам знакомых,
Звучат названья рыб и птиц,
Зверей и насекомых:
Лисичкин, Раков, Индюков,
Селёдкин, Мышкин, Тёлкин,
Мокрицын, Волков, Мотыльков,
Бобров и Перепёлкин!
Но может некий Комаров
Иметь характер львиный,
А некий Барсов или Львов –
Умишко комариный.
Бывает, Коршунов иной
Синичкина боится,
А Чистунов слывёт свиньёй,
А Простачков – лисицей!
А Раков, если не дурак,
Невежда и тупица,
Назад не пятится как рак,
А всё вперёд стремится!
Плевков фамилию сменил,
Алмазовым назвался,
Но в основном – ослом он был,
Ослом он и остался!

А Грибоедов, Пирогов

Прославились навеки!

И вывод, стало быть, таков:

Всё дело не в фамилии, а в человеке!

Именно акцент на фамильном антропониме с возможными нарицательными существительными (академик *Лихачёв*, премьер *Медведев*, программист *Касперский*) или без них в конкретном тексте (устный диалог, устный полилог, книга, публикация в бумажном, электронном или эфирном СМИ, научная статья, официальный документ и т.д.) позволяет нам говорить о данной передаче/получении информации в устной или письменной форме как об особой разновидности речевой коммуникации. Иными словами, об акте так называемой *речевой ономастической коммуникации*.

Приведённые примеры свидетельствуют, что у разных лиц реакция на услышанный в процессе развития акта речевой коммуникации фамильный антропоним может быть разной. И это связано не только с индивидуальными особенностями участников данных коммуникативных актов. К разным результатам приводят и различные условия, в которых происходит конкретная речевая коммуникация.

Авторы «Русского ассоциативного словаря» приводят общие данные, полученные от лиц, принадлежащих к довольно крупной социальной группе (студенты). Но внутри этого сообщества, объединённого определёнными возрастными рамками, участием в процессе получения высшего образования и т.д., существуют свои подгруппы, обладающие различными фоновыми знаниями. Даже в студенческой среде будут свои особенности актуализации информации, заложенной в том или ином фамильном антропониме, например, в фамилии *Державин*.

Так, студенты филологических факультетов, несомненно, в первую очередь вспомнят великого русского поэта; политологи – известного государственного деятеля, сенатора; социологи – дворянина, выступавшего против предоставления вольности крестьянству; медики – одного из первых

высокопоставленных российских чиновников, поднявшего на государственном уровне вопрос о борьбе с пьянством среди крестьян Белоруссии; этнографы – автора проекта общего преобразования жизни евреев в России, вызвавшего к сенатору большую нелюбовь в диаспоре; студенты Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, вероятно, вспомнят и о державинском имении Званка на реке Волхове, в котором он провёл свои последние годы жизни. Студенты Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина отметят необычайно насыщенный период службы Гавриила Романовича на благо Российской империи в качестве Тамбовского губернатора, о его вкладе в развитие Тамбова. Разумеется, и о том, что история самого Тамбовского университета началась в 1834 году на том самом месте, где когда-то располагался дом, в котором некогда сам проживал губернатор Г.Р. Державин.

Многие вспомнят актёра Михаила Михайловича Державина, а те, кто особенно интересуется историей русского театра и кинематографа, вспомнят и его отца – Михаила Ивановича Державина, известного советского актёра театра и кино. Интересно, что фамилия Державин часто вспоминается в процессе актов речевых коммуникаций и при упоминании фамилии Ширвиндт – настолько ярким явлением советского и российского драматического и эстрадного искусства стал дуэт этих двух харизматичных актёров.

Несложно представить и другой результат речевой ситуации, тематическим центром которой является фамилия *Державин*. Данная фамилия не единична. Например, только в Москве проживает более 100 семей с этой фамилией. Поэтому для членов некоторых коллективов вопрос «А что ты знаешь о Державине?» может привести к развитию диалога (полилога) совершенно в ином направлении. Ответом на такой вопрос может быть, например, утверждение «Уволился!» или «Совсем озверел!». По той причине, что обладатель такой фамилии может трудиться, например, в

должности начальника бюро пропусков в одном из ВУЗов и отличаться крайней требовательностью к предъявлению студентами на проходной предписанного законом документа. Поэтому для студентов этого учебного заведения самой значимой информационной составляющей в фамилии Державин оказывается тот факт, что в часы, когда «их Державин» находится на рабочем месте, у тех, кто забыл дома студенческий билет, нет ни одного шанса попасть в свою *alma mater*.

Таким образом, большинству российских студентов известен не один из упомянутых выше экстралингвистических фактов, связанных с фамилией Державин, а значительная их часть. Но в зависимости от целей конкретной речевой ситуации, её участниками может быть вербализована лишь наиболее актуальная информация в том или ином коммуникативном акте.

Следует также отметить, что акт речевой ономастической коммуникации, как и любой другой, может быть «неудачным». Это происходит в случае, когда упомянутый источником фамильный антропоним не содержит, с точки зрения рецептора, той информации, которая помогает успешному завершению акта речевой ситуации. Ср.:

«Спросить Овсянникову...» – ещё раз про себя прочёл Артемьев. Незнакомая фамилия никак не сопоставлялась с адресом. Он вспомнил старушку, домашнюю работницу, которая жила тогда, до войны, у тех людей, в той квартире. Может быть, это она Овсянникова? Он не знал её фамилии, просто знал, что она «тетя Поля» (К.М. Симонов «Живые и мёртвые»).

В данном случае автор не описывает ассоциации, вызванные этой фамилией у героя, но даёт читателю возможность дофантазировать, как майор Артемьев пытается вспомнить всё, что в его представлении связано с фамилией *Овсянникова*. Несомненно, определённые ассоциации приходят майору в голову, однако они, к сожалению, никак не связаны с темой записи в блокноте, что не позволяет ему вспомнить человека, упоминаемого в записке.

В качестве другого примера «неудачной» речевой ономастической ситуации можно привести типовой диалог, в котором один из его участников представляется: «Моя фамилия такая-то» и рассчитывает на ожидаемую реакцию, однако второй участник диалога никак не реагирует. В контексте данного акта речевой коммуникации названная фамилия ему ничего не говорит, не связана ни с какими ассоциациями. Он не знает, например, что руководитель его организации ждёт этого человека для проведения переговоров или представившийся человек вообще сам является недавно назначенным руководителем.

«Неудачной» речевой ономастической ситуацией можно назвать и один из диалогов между героями повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» – профессором Преображенским и бывшим псом, превращённым хирургом в человека. Первая реакция Филиппа Филипповича Преображенского на просьбу «нового члена общества» прописать его в квартире профессора была спокойной:

«← Отлично-с. Что же, в конце концов, нужно, чтобы вас прописать и вообще устроить всё по плану этого вашего домкома? Ведь у вас же нет ни имени, ни фамилии.

– Это вы несправедливо. Имя я себе совершенно спокойно могу избрать. Пропечатал в газете и шабаш.

– Как же вам угодно именоваться?»

Но, узнав, что «творение его рук» желает именоваться Полиграфом Полиграфовичем, и убедившись, что новые революционные календари действительно рекомендуют такое имя, профессор Преображенский уже не был столь спокоен при продолжении разговора:

«← Фамилию позвольте узнать?

– Фамилию я согласен наследственную принять.

– Как? Наследственную? Именно? (вероятно, профессор представил себе, что «новокрещённый» потребует себе фамилию Преображенский – В.М.)

– Шариков».

Возможность додумать продолжение этого увлекательного диалога писатель предоставил читателю, но, как известно из последующих страниц повести, Полиграф Полиграфович Шариков получил официальное право именоваться именно таким образом.

«Неудачной» речевой ономастической ситуации является и обсуждение имени-отчества Полиграфа Полиграфовича. Высокообразованный и имеющий богатый жизненный опыт профессор не может себе представить и поверить, что подобного рода имя и отчество имеют право на существование и, тем более, могут быть одобрены и рекомендованы новой властью.

Таким образом, можно с уверенностью предположить, что фамильный антропоним несёт в себе определённый комплекс экстралингвистической информации, проявляющийся в вариативности фамильных антропонимов. В «информационном содержании» фамильного антропонима могут отражаться индивидуальные знания человека, присущие только конкретному фамильному антропониму. Это информационное содержание может нести и комплекс знаний, несущих определённую, общую для всех фамильных антропонимов структуру.

Таким образом, фамильные антропонимы обладают особым планом содержания, способным актуализироваться в той или иной степени в различных речевых ономастических коммуникациях. Но на основании этих выводов мы не можем сказать, по какой причине и каким образом происходит этот процесс актуализации. Для выявления в массе, на первый взгляд, разрозненных и неоднородных по своей природе фактов каких-то закономерностей необходимо абстрагироваться от их кажущейся бесконечности и разнообразия, предпринять попытку их структурировать, воспользовавшись некой виртуальной моделью русского фамильного антропонимикона.

Теоретические основы и научная методика создания такой модели были предложены и впервые описаны М.В. Горбаневским. Учёный предложил рассматривать топонимы как особый «свёрнутый текст»,

вербализация которого (актуализация информации, которую он содержит) в той или иной степени происходит при каждом включении конкретного топонима в конкретный акт речевой ономастической коммуникации. «Проводившиеся нами многолетние исследования русской топонимии... дают основания предполагать: любое географическое название реального или вымышленного объекта представляет собой определённым образом свёрнутый текст, развертывание которого в идеальном объёме его составляющих может представлять собой лишь результат профессионального научного описания, а в частичном объёме его составляющих происходит постоянно в устной и письменной речи в соответствии с целями и задачами дискурса, стилистическими и иными лингвистическими особенностями монолога и диалога, а также в очевидной зависимости от возрастных, социальных, образовательных, интеллектуальных, психологических, эмоциональных и иных характеристик и особенностей его участников (автора); данная гипотеза не имеет прямого отношения к тому разделу языкознания, который принято называть лингвистикой текста, но представляет собой тему из более широкой проблемы форм существования языка и способов его использования (включая параллели с темой языковой личности, языковой картины мира, языка и культуры). Следует, однако, оговорить, что гипотеза о топониме – свёрнутом тексте выдвигается нами в целях более осознанного и глубокого проникновения в мир русских географических названий для установления наиболее оптимальных и эффективных современных форм (методов) их лексикографического описания (представления), которое, в свою очередь, должно стать одновременно и новой формой научного исследования» [Горбаневский 1996: 173-174].

М.В. Горбаневский подчеркивает, что лингвисты-ономатологи неоднократно приближались к идее онима-текста, однако по ряду объективных и субъективных причин серьезно не брались за исследования в этом направлении. Рассматривая топонимический текст во взаимосвязи с более общим понятием *текста культуры*, учёный приходит к выводу:

«Топонимический текст как потенциальное (свёрнутое) речевое произведение есть разновидность текста культуры, поддающаяся условной стратификации для последующей фиксации (отражения) его части в современных лексикографических компьютерных источниках или в автоматизированных информационно-исследовательских системах» [Горбаневский 1996: 183].

М.В. Горбаневским на основании всестороннего изучения тематических составляющих большого числа топонимов-текстов была предложена универсальная и эффективная модель репрезентации присутствующих в этих текстах информационных блоков-модулей.

Модульная структура топонима-текста включала: 1) адресно-идентификационный модуль; 2) хронологический модуль; 3) этимологический модуль; 4) историко-культурный модуль; 5) перифрастический модуль; 6) нормативно-речевой модуль (с несколькими конкретными разновидностями); 7) структурно-словообразовательный модуль; 8) текстовый (ассоциативно-текстовый) модуль.

М.В. Горбаневскому удалось вплотную подойти к созданию различных «автоматизированных информационно-исследовательских гипертекстовых систем и отраслевых компьютерных ономастических многофункциональных словарей». На основе выделенных модулей была разработана и воплощена экспериментальная версия «Многоцелевого компьютерного топонимического словаря исторического центра г. Москвы» в виде готового программного продукта.

Фамильные антропонимы также имеют значительный масштаб плана содержания, чем тот, который можно было бы им приписывать, если бы их функция в речи ограничивалась только основной их функцией – выделением конкретного лица из ряда его земляков, членов одного коллектива и т.д. Помимо лингвистической составляющей, широко используемой, например, авторами художественных произведений, фамильные антропонимы несут в себе значительный объём экстралингвистической информации, которая в той или иной степени актуализируется в различных актах речевой

коммуникации. Между тем, внутренняя форма, значение производящей основы фамилии далеко не всегда являются опорой и наиболее важным компонентом для конкретной речевой ситуации. Именно поэтому возможны такие эпитеты-сравнения, как «современный Пушкин» – о талантливом и разностороннем молодом поэте; «современный Есенин» – о молодом поэте-лирике; «новый Ломоносов» – об энергичном учёном, как правило, выходеце из провинции. Здесь уместно вспомнить отзыв Марины Цветаевой о знакомстве с Б.-О.Унбегауном – «с молодым русским немцем – в типе Даля, большим и скромным филологом». Характеристика «в типе Даля» содержит уточнение, которое, по мнению поэтессы, должно было быть правильно понято получателем её письма: в том смысле, что он занимается лексикографией.

Целый ряд примеров типа «Белинский нашего времени» – о ярком публицисте, обличающем современные пороки российского общества; «Сусанин» – шуточный отзыв о человеке, под руководством которого коллектив оказался в затруднительном положении, свидетельствуют о том, что в данных примерах основная функция фамильного антропонима «индивидуализировать лицо» несколько не умаляется. Напротив, употребление фамилии в качестве главного компонента составного эпитета подчёркивает наличие у данной фамилии определённых и одинаково понимаемых всеми участниками акта речевой коммуникации коннотаций, её уникальность и неповторимую ценность для данной речевой ситуации. Ср.:

«Нам пришлось взять на службу старых бюрократов. Среди этих бюрократов есть и Фамусовы, и Скалозубы, о которых мы слышим, читаем в газетах» [Луначарский 1963: 24].

«...у Печориных есть воля без знания, у Рудиных – знание без воли, у Базаровых есть и знание и воля» [Писарев 1981, 247].

На это указывают и антропонимы, перешедшие в разряд имён нарицательных: *молчалин* (угодливый, беспринципный карьерист), *сталинист* (сторонник тоталитарной системы управления, сложившейся в

СССР в период, когда его руководителем был И.В. Сталин-Джугашвили); *маниловщина* (пустое прожектёрство, мечтательное и бездеятельное отношение к окружающему), *обломовщина* (крайняя степень лени, апатичности, оторванности от реальной жизни), *лысенковщина*, *фоменковщина* (антинаучный подход в разных отраслях науки, а в первом случае ещё и кампания по политическому преследованию генетиков); *ленинизм* (философское, политическое, социально-экономическое учение, содержащее и методику практического применения) и т.д.

Значительная часть фамилий литературных персонажей была взята авторами из реальной жизни, поэтому коннотации, вызываемые этими фамилиями, в той или иной степени регулярно актуализируются в различных речевых ситуациях при упоминании лиц, носящих такие фамилии. Причём, это происходит не только при полном совпадении фамильного антропонима-стимула, используемого в данной речевой ситуации, с фамилией-реакцией (фамильным антропонимом литературного персонажа или реального исторического лица, качества которого стали причиной формирования у данной фамилии определённого набора коннотаций), но и с одним из её вариантов. Ср.: *Скалозуб* и *Скалозубов*; *Манилов* и *Маниловский*, *Коробочка*, *Коробочко* и *Коробочкин*; *Ноздрёв* и *Ноздряков*; *Плюшкин* и *Плюшков* и т.д.

Качественная и количественная составляющая продобных антропонимов актуализирует лингвистический и экстралингвистический материал в каждой конкретной речевой ситуации и зависит от многих объективных и субъективных факторов. В качестве примера приведём давний спор между студентами химического и физического факультетов МГУ о том, кем в большей степени является Михаил Васильевич Ломоносов – химиком или физиком. Принципиальность этого вопроса обостряется непосредственно только в случаях, когда он поднимается в группе студентов обеих специальностей. В 70-х гг. XX века его неоднократно пытались разрешить при помощи... рулетки. Представители

спорящих сторон измеряли расстояние от каждого из этих факультетов до установленного посредине между ними памятника этому учёному.

М.В. Ломоносов, автор «Письма о правилах русского стихотворства» (1739), где обстоятельно обосновывались принципы, которыми поэт руководствовался при написании «Оды на взятие Хотина», в сознании филолога связан с моделью четырёхстопного ямба.

Другим, менее распространённым, но регулярно воспроизводимым в процессе речевой коммуникации примером такой актуализации одного из компонентов плана содержания фамильного антропонима является речевая ситуация. В подобной ситуации внимание участников акцентируется на сходстве-различии словообразовательной модели построения упоминаемых в ней фамильных антропонимов, например, *Лукашевич* и *Лукашенко*, *Абрамович*, *Абрамов* и *Абраменя*, *Васильев* и *Васькин*, *Никитенко* и *Никитушкин*, *Кочетов* и *Кочетков*, *Петрович* и *Петровичев*, *Рудаков* и *Рудых* и т.д.

Известно, что фамилиеобразующие форманты обладают для русского человека самостоятельными коннотациями, обусловленными как объективно-историческими факторами, отражающими их действительные этимологию, историю происхождения и географию распространения такого типа фамилий, так и факторами, которые правильнее будет назвать псевдонаучными, широко известными фольклорными сюжетами: «все фамилии на *-енко* – украинские», «все фамилии на *-евич* – еврейские», «все фамилии на *-ский* – дворянские (варианты – польские, еврейские)» и др. Как показывает многолетний опыт работы ИИЦ «История фамилии», такое упрощённое или ошибочное представление о национальной, сословной принадлежности разных типов фамилий имеет весьма широкое распространение.

Особый случай речевой ономастической ситуации – затруднение, вызываемое необходимостью выстраивания словоизменительной парадигмы некоторых фамильных антропонимов. Вопрос «Подскажите, как правильно

склонять такую-то фамилию» входит в десятку самых частых вопросов, которые поступают на электронную почту или через форму интерактивного общения на сайте ИИЦ «История фамилии» от частных лиц, представителей коммерческих и государственных учреждений России, Украины, Белоруссии и других государств ближнего и дальнего зарубежья. Этот факт свидетельствует о том, что проблема использования правильной словоформы русского или инонационального фамильного антропонима в конкретной речевой ситуации, возникающая при подготовке документов (коммерческих предложений, договоров, запросов и т.д.), возникает в среде представителей самых различных языковых групп.

Таким образом, мы можем констатировать, что фамильные антропонимы, несомненно, обладают определёнными качествами свёрнутого текста, несут в себе информацию, которая в той или иной степени актуализируется в процессе различных речевых ономастических коммуникаций.

Теория М.В. Горбаневского и разработанная им методика применима и к изучению фамильных антропонимов, а также к их современному лексикографическому описанию. Начиная с 1996 года в ИИЦ «История фамилии» ежедневно производится всесторонний анализ плана содержания десятков фамильных антропонимов русского и инонационального происхождения. Выбор фамилий для такого анализа диктуется, в первую очередь, индивидуальными запросами, поступающими в ИИЦ «История фамилии» от частных лиц, государственных, общественных и коммерческих организаций из разных регионов Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья. Круг научных интересов сотрудников центра не ограничен только русской или славянской антропонимикой. В архиве центра собран значительный фактологический материал о личных и наследственных антропонимах разных народов мира, о типологии, исторической и современной географии распространения этих антропонимов, этимологии их основ. Изучено большое число случаев

изменения их произношения и написания, вызванных массовыми процессами или уникальными явлениями и т.д.

Выводы, сделанные на основании анализа собранного материала, позволяют нам выделять в структуре плана содержания фамильного антропонима шесть тематических компонентов:

- 1) этимологический;
- 2) социокультурный;
- 3) этнографический;
- 4) географический;
- 5) статистический;
- 6) структурно-словообразовательный и фонетический.

Необходимо отметить, что предложенная последовательность расположения компонентов произвольна, она не предполагает доминирования одного из них и второстепенности другого: все они равноценны и только в комплексе способны дать полное представление о плане содержания фамильного антропонима. Для

дальнейших рассуждений мы считаем полезным напомнить о наблюдениях авторов Русского ассоциативного словаря, которые отмечают: «Одной из форм хранения и актуализации знаний в сознании носителя языка являются наглядные «картинки», мысленное воспроизведение образа предмета. В вербальной фиксации такие изобразительные реакции опознаются благодаря тому, что выбранные для передачи слова вызывают у читателя или лингвиста-комментатора либо визуальный образ, либо «образы», связанные со слуховыми, вкусовыми, осязательными и обонятельными ощущениями» [РАС 2002: 760].

Для того чтобы наглядно изобразить процесс актуализации всех перечисленных информационных компонентов фамильного антропонима-

текста, предлагаем воспользоваться довольно простой виртуальной пространственной моделью (3D модель).

Представим, что полный объём такого свёрнутого текста являет собой виртуальный куб, на каждой грани которого отображается некоторая часть информации, заключённой в нём в свёрнутом виде (ср. «дремлющий» режим персонального компьютера). В зависимости от задачи, условий и вида конкретного акта речевой ономастической коммуникации источник и рецептор разворачивают этот куб той плоскостью, на которой отображена актуальная для источника или рецептора информация о данном фамильном антропониме. Эта ономастическая актуализация происходит в основном вне и независимо от желания человека. Показательны в этом плане упомянутые выше примеры из Русского ассоциативного словаря. В том случае, когда стимулом является широко известный из истории или в данный исторический момент фамильный антропоним, наиболее частая реакция показывает пиковое значение: «Ломоносов: учёный 41» (максимум совпадений в остальных реакциях – 9), «Чехов: писатель 44» (максимум остальных реакций – 5).

Но в случае, если стимулом является широко известная, но не ставшая для конкретной категории рецепторов «знаковой» в истории или в текущий исторический период фамилия, то самая частотная реакция по числу

упоминаний
превышает

прочие не столь значительно: «Медведев: фамилия 12; Рой 5; Андрей, человек 4; Волков, косолапый 3» и т.д.

В первых двух случаях самой частотной реакцией большинства участников РОК был «разворот куба одной и той же плоскостью».

На ней отражался определённый вид информации, который можно назвать социокультурным компонентом: наибольшую значимость имела связь фамилии-стимула с образом известного лица, оставившего заметный след в русской истории. Интересно, что и менее частотные реакции практически не выходили за рамки понятий, так или иначе связанных с этим лицом Ломоносов – учёный, гений, Михайло, университет, великий, наука, химик, Холмогоры и т.д.; Чехов – писатель, Антон, Антон Павлович, Вишнёвый сад, город, Каштанка, рассказы, врач, дядя Ваня, Ионыч, классик и т.д. Даже встретившиеся «неожиданно» реакции Пушкин, Гоголь, Достоевский, Нос и Шинель лишь подчёркивают, что для большинства рецепторов коннотации фамилий Ломоносов и Чехов связываются с концептами «наука» и «литература».

В третьем случае, выбор наиболее актуального информационного компонента плана содержания фамильного антропонима был не столь очевиден: разные участники коммуникации «вращали» куб по-разному. Любопытно наличие таких реакций, как *кто такой?* и *некто*. Большое число тематически разных реакций свидетельствует, что данная фамилия также полностью соответствует определению *фамильный антропоним-свёрнутый текст*, причём текст, состоящий из множества «разделов», ни один из которых в данный исторический момент не являлся для данной категории опрашиваемых преобладающе актуальным. Например, исходя из двойственного значения понятия *фамилия* (это и социальный атрибут человека, но и слово, имеющее формальные признаки русского наследственного именованья), можно утверждать, что чаще всего актуализировались социокультурный и структурно-словообразовательный компонент. Впрочем, сама эта реакция довольно сложна, поскольку идентична понятию, информационное содержание которого мы рассматриваем (фамилия – фамильный антропоним): её правомерно отнести и к статистическому компоненту, поскольку можно с определённой долей условности заменить «развёрнутым» ответом. «Это высокочастотная

фамилия, образованная по самой распространённой словообразовательной формуле, принадлежащая мужчине, который может быть потомком коренных жителей любого региона России». Прочие же реакции охватывали значительно большее число тем, которые составляют, в первую очередь, этимологический компонент плана содержания данного фамильного антропонима. Например: Волков, Зайцев, косолапый, медведь, баран, берлога, в спячке, Коровин, Лебедев, Лосев, животное и т.д. Как показывает материал, речь идёт так же, как и в двух предыдущих случаях, о социокультурном и словообразовательном компонентах. Ср.: Рой, Андрей, мужчина, человек, пресс-секретарь президента. Значительный процент составляют индивидуальные (уникальные) ассоциации (жил, лётчик, лопата и т.п.), что лишь подчёркивает отсутствие какого-то одного наиболее актуального для основной массы русских людей понятия, связанного с этой фамилией.

В связи с этим считаем необходимым, обратить внимание на особенность речевой ситуации, в которой были получены результаты, обобщённые в Русском ассоциативном словаре. Участникам опроса предлагалось вербализовать реакции на единственный стимул-фамилию, по этой причине данные результаты показывают «идеальный» вид актуализации. В большинстве актов речевой коммуникации фамильный антропоним-стимул сопровождается дополнительными словами-стимулами, в той или иной степени задающими «направление» актуализации, что значительно сужает число реакций.

На наш взгляд, в этом ярко проявляется качество фамильного антропонима как определённым образом свёрнутого текста. Раскрытие его плана содержания в каждой конкретной речевой ситуации происходит индивидуально и зависит от фоновых знаний, возраста, предыдущего опыта, профессии, уровня образования и других особенностей рецептора. Одна часть информации актуальна для всех или большинства участников одного или нескольких видов речевых коммуникаций, поэтому другие

информационные компоненты актуализируются не всегда и не всеми участниками конкретного коммуникативного акта.

На примере виртуальной пространственной модели опишем и случаи акта «неудачной» речевой коммуникации.

Типичным примером акта речевой ономастической коммуникации, удачное или неудачное завершение которого обусловлено жизненным опытом, возрастом рецептора, его эрудицией, являются случаи употребления в речи источника фамильного антропонима, в разной степени известного представителям разных поколений.

Сравните разное восприятие текста песни «Август» Олега Митяева:

«Август рассказывал шёпотом

Гадости мне про неё,

А я целый день пел, как Штоколов,

Шляясь под тёплым дождём».

Творчество этого барда любимо представителями разных поколений, но, как мы имели возможность неоднократно наблюдать, упоминание фамилии Штоколов в большинстве случаев непонятно лицам в возрасте 20–25 лет, они не знают оперного певца Бориса Тимофеевича Штоколова. Для молодого слушателя не происходит актуализации социокультурного компонента плана содержания фамилии *Штоколов*, на которую рассчитывал автор песни. Слушатель, «рассматривая» плоскости куба-антропонима, не обнаруживает ни на одной из них необходимой ему подсказки и не понимает мотива сравнения автора (героя) песни с обладателем незнакомой ему (слушателю) фамилии.

Причиной «неудачной» речевой ономастической ситуации может быть и разная актуализация определённого компонента фамильного антропониматекста.

Посетитель центра «История фамилии» обращается с вопросом, можем ли мы предоставить ему исследование по истории фамилии *Коваль*. Сотрудник центра отвечает:

– Можем. Откуда Ваши предки, с Украины или из Белоруссии?

Посетитель обижается и отвечает:

– Причём здесь Украина? Мы коренные сибиряки. С Алтая.

[Из архива ИИЦ «История фамилии», 1998 г., информант гр. Коваль, г. Камень-на-Оби].

В процессе коммуникации возник вопрос о регионе проживания предков информанта, в этом случае был актуализирован географический компонент плана содержания фамильного антропонима-текста. Для всех участников рассматриваемой речевой ситуации в данный её момент наиболее значимой оказалась грань, на которой отражена информация о месте происхождения и бытования фамилии *Коваль*. Но его актуализация произошла по-разному. Носитель фамилии ассоциирует её со своей малой родиной – Алтайским краем. Сотрудник центра, опираясь на знание о географии распространения тех или иных типов русских семейных прозваний, справедливо пытается выяснить, какие сведения о малой родине предка, давшего своей профессией семейное прозвание всем своим потомкам, сохранились в семье посетителя. Для разрешения возникшего недоразумения потребовалась беседа-лекция по истории заселения Алтайского края славянами.

Несколько в ином ключе развивался диалог сотрудника нашего центра с историком-любителем:

– Вся история России сочинена иностранцами!

– ?

– Ну, вы же фамилиями занимаетесь. Кто писал-то: Герберштейн, Ключевский да Гиляровский. Или немец, или поляк. И правила не русские – ни при царе, ни потом. То еврей Керенский, то еврей с псевдонимом Ленин, то грузин с псевдонимом Сталин.

[Из архива ИИЦ «История фамилии», 2005 г., информант С. Никитченко из Москвы].

Будучи абсолютно уверенным в том, что все фамилии с окончанием на *-ский* – польские или еврейские, посетитель ушёл после почти 20-минутной беседы, так и не поверив, что Ключевский, Гиляровский и Керенский – русские, более того, из духовного сословия. Василий Осипович Ключевский (1841–1911) – сын священника из села Ключи Чембарского уезда Пензенской губернии; Александр Фёдорович Керенский (1881–1970) – внук священника из села Керенки Городищенского уезда Пензенской губ.; Владимир Алексеевич Гиляровский (1855–1935) – сын управляющего хозяйством вологодского помещика. Его фамилия, вероятно, была образована как вариант фамилии Веселовский (от лат. *hilaris* – «веселиться, праздновать») и присвоена одному из его предков в семинарии.

Представление о фамильном антропониме как об определённом образом свёрнутом тексте позволяет исследователям не только получить более полное и объективное знание о функционировании антропонима в речи, но и выявить способы актуализации тех или иных его компонентов плана содержания.

Необходимо сделать ещё одно важное пояснение. Выбор нами кубы в качестве виртуальной пространственной модели фамильного антропонима как свёрнутого текста был отчасти обусловлен совпадением числа основных информационных компонентов, которые мы можем выделить в структуре плана содержания фамильного антропонима-текста, с числом граней этого многогранника. Такое совпадение весьма удачно, поскольку все стороны правильного шестигранника равноценны, как равноценны между собой все компоненты фамильного антропонима-текста (в отличие от других видов пространственных фигур, например, у всех, кроме тетраэдра, видов пирамид боковые грани и основание различаются формой и площадью). Подчеркнём, что ни один из этих компонентов не является главным, поскольку без любого из них фамильный антропоним не может считаться законченным (цельным) текстом; только их совокупность даёт полное представление о плане содержания конкретного фамильного антропонима.

Однако это не означает, что все его компоненты непременно и в равной степени актуализируются всеми участниками любого акта речевой ономастической коммуникации. Подобная актуализация происходит лишь в определённых речевых ситуациях и затрагивает те или иные компоненты, востребованные целями акта коммуникации и соответствующими качествами её участников (возраст, образование, опыт и т.д.). Визуализации этого процесса помогает представление плана содержания фамильного антропонима в виде виртуальной пространственной (3D) модели. В ходе речевой коммуникации каждый её участник на каждой грани, в соответствии с её тематикой, актуализирует только часть известной ему и важной (по его мнению) для данного коммуникативного акта информации. В максимальной, но далеко не всегда в полной мере «раскрыть» содержание всех компонентов плана содержания конкретного фамильного антропонима способен лишь специалист-ономатолог.

Такое всестороннее «развёртывание» всех компонентов плана содержания фамильного антропонима специалистом и даже группой специалистов-ономатологов невозможно в процессе классической речевой ситуации (в режиме «онлайн»), например, устного диалога или мультитлога. Эта процедура требует длительной исследовательской работы с использованием источников разного типа: лингвистических словарей (толковых, этимологических, исторических, диалектологических, фразеологических, топонимических, грамматических, лингвострановедческих, лингвокультурологических, словарей ударений и др.), тематических энциклопедий и отраслевых справочников, статистических данных (общее число жителей конкретного региона, общее число носителей данной фамилии, изменение частотности данной фамилии в разных регионах) и т.д.

В этом случае при осмыслении фамильного онима необходимо соединение двух методов – диахронического и синхронического. Свидетельства продуктивности такого соединения исследовательских

подходов многочисленны. Приведём лишь один пример, датируемый 2015 годом.

В статье «У той ли берёзы у пакляпя...» (К вопросу о продуктивности методов морфемного членения русских слов) В.Г. Руделёв убедительно показывает, что синхроническое исследование слова *пакля* позволяет по-новому взглянуть на историю его образования, на исконное значение производящей основы. Напоминая о важности использования синхронического метода при проведении исследований, например, в области этимологии, учёный пишет, что «цепочки морфем (морфологических элементов), подаваемых в качестве несущих словесную (семантическую) информацию знаков, не всегда справляются с возложенной на них задачей: часто несомая ими информация просто ложна. И тогда на помощь приходят иные способы шифровки лексической семантики...» [Руделёв 2015: 17].

Такой метод даёт положительные результаты и в исследованиях по исторической ономастике. В практике исследования семантики фамильных основ нам регулярно приходится сталкиваться с отсутствием документальных свидетельств исконного написания того или иного фамильного антропонима, а также личного имени, лежащего в его основе. Этимологизация производящей основы в таких случаях обычно производится на основе анализа морфологической структуры современной фамилии. Например, фамилию *Семичастный* обычно толкуют как «обладающий несколькими земельными наделами», т.е. буквально «обладающий несколькими частями земли» [Федосюк 2011, Никонов 1993, Ганжина 2001].

Компонент «семь» в русских словах и прозвищах раньше служил для выражения значения большого количества, неограниченной величины и т. п. Поэтому такое толкование прозвища *Семичастный* вполне возможно, но оно подкрепляется более всего современным представлением о словообразовании в русском языке. Можно предположить, что прозвище *Семичастный*

восходит к названиям деревень *Семичастное* в Калужской и Липецкой областях, названия которых можно было бы объяснить как «состоящее из множества частей». Вполне можно было бы предположить, что оттопонимическое происхождение прозвища *Семичастный* указывает на выходца из такого селения. Но более достоверной представляется другая основа и этих названий, и имени или прозвища Семичастный. Первоначальное его звучание, вероятнее всего, было – *Семисчастный*. Это подтверждается и существованием фамилии *Семисчастнов*, сохранившей это древнее звучание, а также таких фамилий, как *Щасный* (*Щасная*), *Бещасный* и даже *Бещасный* (прозвища, соответственно, означали «счастливый» и «несчастный»). Старинные грамоты свидетельствуют: в 1580 г. – Бесчастный Скоробогатов, помещик в Торопецком уезде; в 1590 г. – Бесчастной Юрьев сын Милославский, Московский уезд; в 1629 г. – Бесчастный Фомин, боярин, Рязанский край; в 1629 г. – Безчастный Никитин сын Трегубов, суздальский боярский сын; в 1636 г. – Богдан Бещастного сын Милославской, дворянин; в 1647 г. – Федка Безчастной, донской казачий сотник; в 1649 г. – Безчастной Козлов, боярский сын московский.

Написание слова *счастье* как *щастье* было широко распространено в блогосфере; именно такую форму слова выбрали в качестве названия своего фильма и петербургские кинематографисты, снявшие в 2007 году фильм «Щастье»; причём, к сожалению, далеко не всегда авторы шутят: некоторые из них, скажем, представители молодого покоління такое написание считают правильным.

Таким образом, прозвание *Семисчастный* следует толковать скорее как «счастливчик», «везунчик». Известная поговорка «Семь бед – один ответ» предполагает и ситуацию «тотального везения», когда уместнее было бы сказать «Семь раз счастье привалило».

Результаты такого комплексного ономастического исследования могут быть отражены в «словаре фамилий» нового типа (если речь идёт о региональном или национальном фамильном ономастиконе), в котором

план содержания конкретного фамильного антропонима будет отражён не выборочно, а с максимально полным раскрытием всех компонентов его структуры.

Все другие виды речевых ситуаций не предполагают возможности использования (причём использования одновременного) их участниками столь большого числа источников, позволяющих максимально полно «развернуть» структуру плана содержания упоминаемых в данном коммуникативном акте фамильных антропонимов. Поэтому актуализация информационной составляющей её компонентов всеми участниками коммуникации происходит индивидуально и зависит от многих субъективных и объективных факторов.

Пространственная (3D) модель фамильного антропонима, определяемого нами как определённым образом свёрнутый структурированный текст, является наиболее полной визуализацией данного процесса и подтверждает справедливость расширительного понимания вариативности плана содержания фамильного антропонима в соответствии с особенностями (условиями, целями, задачами и обстоятельствами) конкретной речевой ономастической коммуникации.

Выдвинутая нами гипотеза о фамильном антропониме как о свёрнутом структурированном тексте прошла успешную апробацию в ходе многолетней научной деятельности Информационно-исследовательского центра «История фамилии».

2.2. Этимологический компонент

Рассматривая фамильный антропоним как определённым образом структурированный свёрнутый текст, мы должны помнить о том, что его значение в контексте разных актов речевой коммуникации не может совпадать с совокупностью значений отдельных компонентов его структуры. В первую очередь оно зависит от того, какой из данных компонентов является наиболее актуальным для конкретного коммуникативного акта.

Подавляющее большинство современных русских фамилий восходит к личным антропонимам, топонимам (в случае оттопонимических фамилий) или другим видам онимов (такие случаи редки и связаны с ситуацией искусственного образования фамильного антропонима). Основы этих фамилий зависят от условий и целей конкретной речевой коммуникации, а также от эрудиции, образования и других индивидуальных качеств её участников и в той или иной степени этимологизируются в процессе данного коммуникативного акта.

Одним из часто актуализируемых в ходе коммуникативных речевых актов является этимологический компонент, акцентирующий внимание участников таких актов на знаниях о семантике производящей основы упоминаемого в процессе коммуникации фамильного антропонима.

Глубина и частота актуализации содержания этимологического компонента зависят от многих факторов. Одним из таких факторов является этимологическая «прозрачность» основы фамильного антропонима, упоминаемого в ходе коммуникативного акта. Например, «прозрачны» фамильные антропонимы, полностью сохранившие звучание известных современному русскому языку апеллятивов (*Нос, Баран, Бык, Ус, Рыжий, Ласковый, Дикий, Кузнец* и т.д.), или, например, оформленные патронимическими суффиксами: *Волков, Лебедев, Телегин, Краснов, Белов, Белохвостиков, Собаченко, Злобин, Гончаров, Ткачук* и т.д. Свидетельством этого является тот факт, что сегодня от фамилий второго типа путём «отбрасывания» суффикса часто образуются прозвища, повторяющие звучание личных антропонимов, от которых они были ранее образованы, или их дериваты: *Волков – Волк, Краснов – Красный, Злобин – Злюка* и т.д.

Ярким проявлением актуализации этимологического компонента является широко распространённое определение «смешная фамилия». Причём, восприятие той или иной фамилии в качестве смешной во многом зависит и от речевой ситуации. Например, много шуток возникает, если в одном коллективе собираются обладатели «родственных» фамилий:

Медведевы, Волковы, Лисицыны и Зайцевы или *Ромашкины, Васильковы, Розовы, Лютиковы* и *Ландышевы*; тем более, если флора или фауна «подбирается» весьма экзотическая: *Мамонтов, Слонов, Кобрин* или *Зебрин*.

Однако известно много фамилий, которые воспринимаются русскими людьми в качестве смешных в любой ситуации. Характерный пример – фамилия *Бляблин*, восходящая к прозвищу *Блябля*, повторяющему распространённое в прошлом в белорусских и западных русских говорах слово *блябля* – «оплеуха» (существует и фамилия, сохранившая звучание апеллятива без изменений): «Спасибо за то, что рассказали про значение нашей фамилии. У сына были проблемы, поскольку будущей жене категорически не нравилась его фамилия. Когда мы предъявили ей исследование, в котором объяснялось, что Бляблей могли прозвать задиристого, вспыльчивого мужчину, все проблемы разрешились. Свадьба состоялась» [Из архива ИИЦ «История фамилии», 2002 г., информант Бляблин, г. Москва].

За XIX–XX века лексический состав русского языка сильно изменился, вышли из употребления многие диалектные слова, перестали быть понятными диалектные фонетические варианты произношения тех фамилий, основы которых, будь они произнесены и, соответственно, записаны в соответствии с нормами современного русского языка, не вызвали бы никаких вопросов.

«Нас этой фамилией просто замучили. Давно собирались её поменять, но останавливало то, что придётся менять кучу документов. Спасибо за разъяснения. Думаю, теперь вопрос закрыт» [Из архива ИИЦ «История фамилии», 2008 г., информант гр. *Жирноклеева*, г. Москва]. Дело в том, что в происхождении этой фамилии нет ничего смешного; она напоминает о профессии родоначальника, который изготавливал и ремонтировал жернова для мельницы, насекая на них борозды. Существовало несколько вариантов названия данной профессии: *жерносек, жерноклёв* и *жерноков*; по-разному называли сам процесс нанесения специальных бороздок на мельничные

жернова: их «насекали», «наковывали» или «наклёвывали» при помощи зубила. Более того, жернова нередко и «клеили», отсюда и возникло прозвище *Жерноклей*, а от него диалектные формы фамилий: *Жерноклеев*, *Жирноклеев*, *Жернаклеев*, *Жарнаклей*, *Жарнаклеев* и *Жорноклеев* (подробнее о формах и географии распространения этого фамильного антропонима см. Приложение 1).

Интересным проявлением актуализации этимологического компонента плана содержания фамильного антропонима-текста являются случаи, когда предлагается ложная этимология основы. Подобные примеры широко описаны ономотологами на примере топонимов. В ситуации, когда истинная этимология топонима забывается (это происходит по разным причинам, например, исчезают особенности ландшафта, другие реалии, вызвавшие образование данного топонима), народная фантазия находит её «замену».

Такова, например, история московского Оленьего пруда: «На старинных планах Измайлова и в архивных документах этот пруд назван не Оленьим, а Льяным. Почему? Дело в том, что в XVII веке приобрёл большое экономическое значение «северный шёлк» – лён. ...Царь Алексей Михайлович... повелел... прислать в Измайлово из Пскова «мастеровых людей по два человека, которые лён сеют, и которые лён мочат и стелют, и которые лён строят на торговую руку, и которые Коленские полотна делают». В Измайлове были выстроены два Льяных двора, старый и новый. Как известно, для обработки льна его необходимо хорошенько вымочить. Именно для этого между старым и новым Льяными дворами был выкопан ещё один пруд, который получил название Льяной. Но приехавшие по царской воле в Москву псковичи называли его – в соответствии с особенностями своего говора – Ольяной и Олляной. Со временем в московской речи такое наименование превратилось из непонятного для москвичей Олляной в более понятное, близкое и прозрачное по смыслу, но исторически неправильное Олений» [Горбаневский 2007: 235–236].

Аналогичным образом происходит псевдоактуализация содержания этимологического компонента фамильных антропонимов. Когда забывается реальный языковой источник, из которого возникла основа современной фамилии, её обладатели часто находят собственное объяснение, часто очень далёкое от истины. За почти два десятилетия архив ИИЦ «История фамилии» пополнился большим числом примеров таких частных случаев ложной этимологии.

– Я знаю, наш предок был длинноухим.– А какая у Вас фамилия? – Долгушины [Из архива ИИЦ «История фамилии», 1997 г., информант Светлана, Москва].

Происходит и актуализация семантики основ фамилий, восходящих к лексике нерусского происхождения, в частности, к именам церковным и их народным формам. Не вызывают затруднений фамилии, сохранившие каноническую или народную, но ставшую официальной форму крестильного имени: *Иван, Василий, Марьян, Катеринин* и т.д. Разумеется, в этом случае чаще всего актуализируется лишь «первый слой» этимологического компонента фамильного антропонима. Основой данных фамилий является церковное имя, но этимология самих имён для участников не принципиальна. Иначе «этимологизируются» фамилии, восходящие к диалектным, устаревшим формам церковных имён. Так, фамилия *Семейкин* восходит к имени *Семейка – Семён – Симеон*, а не «семья»; фамилия *Петляйкин* восходит к имени *Петляйка – Петя – Пётр*, а не «петля». В фамилии типа *Санин* основа сильно «затемнена», но «прочитывается» благодаря наличию патронимического суффикса, в её основе лежит не семантика существительного «сани», а имя *Саня – Александр*.

Истинная или ложная «прозрачность» семантики фамильного антропонима актуализируется авторами художественных произведений путём присвоения персонажам «говорящих фамилий» или вводится в текст произведения как тема речевой ономастической ситуации. Ср. диалог из фильма 1974 года «Свой среди чужих, чужой среди своих», снятый по

мотивам повести Э. Володарского и Н. Михалкова «Красное золото», основанной на реальных событиях.

– Куда ты лезешь, Ваняев? – Я...опять вы за свое.

–Я Ванюкин.

– Ваняев.

Тема актуализации этимологического компонента фамильного антропонима может использоваться даже в качестве лейтмотива всего художественного произведения. Таким исключительно ценным для нашего исследования примером (кроме того, это ещё и пример «неудачной» речевой ономастической коммуникации) является рассказ А.П. Чехова «Лошадиная фамилия».

Приказчик генерал-майора Булдеева посоветовал своему хозяину лечить разболевшийся зуб заговором, но не смог вспомнить фамилию человека, способного творить столь чудодейственные заговоры: «Такая ещё простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая – из головы вышибло...».

Помочь ему вспомнить фамилию целителя, чтобы указать её в телеграмме, попытался сам генерал:

«← Жеребятников?

– Никак нет. Постойте... Кобылицин... Кобылятников... Кобелев...

– Это уже собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

– Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкин... Всё

не то!

– Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

– Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...».

К диалогу подключилась жена хозяина:

«← Коренников? – спросила генеральша.

– Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!».

Таким образом, речевая ситуация их диалога превратилась в полилог:

«И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почёсывая лбы, искали фамилию...

Приказчика то и дело требовали в дом.

– Табунов? – спрашивали у него. – Копытин? Жеребовский?

– Никак нет, – отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух: – Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

– Папа! – кричали из детской. – Тройкин! Уздечкин!

– Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами...

– Гнедов! – говорили ему. – Рысистый! Лошадицкий!

Но наступил вечер, а фамилия все ещё не была найдена. Так и спать легли, не послав телеграммы» (А.П. Чехов. «Лошадиная фамилия»).

Большую часть рассказа можно определить как «ономастическое творчество», раскрывающее перед читателем, поневоле включённого в этот полилог в качестве дополнительного участника, как происходит «обратный» процесс раскрытия информационного содержания фамильного антропонима. При этом каждый, основываясь на своём опыте, знаниях и фантазии пытается восстановить информационно-логическую цепочку, способную восстановить фамилию, единственным знанием о которой, доступной всем участникам полилога, является то, что она «лошадиная». При этом, благодаря фантазии писателя, мы можем наблюдать, как актуализируются не только тематические основы, включаемые русским человеком в понятие (представление/концепт) «лошадь» (порода лошадей, пол и возрастная категория лошади, сбруя, аллюр, лошадиные корма, профессии лиц, занимающихся разведением лошадей и т.д.), но и разные словообразовательные типы фамильных антропонимов (бессуффиксные, оформленные суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин*, *-кий*, *-енко*).

Развязка данной «неудачной» речевой коммуникации оказывается для читателя вполне ожидаемой – приказчик фамилию вспомнил. Однако неожиданной оказывается сама фамилия.

«Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чём-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряжённые, мучительные...

– Буланов... Чересседельников... – бормотал он. Засупонин... Лошадский...

– Иван Евсеич! – обратился к нему доктор. – Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овёс, да уж больно плохой...

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

– Надумал, ваше превосходительство! – закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу.

– Надумал, дай бог здоровья доктору! Овсов! Овсов фамилия акцизного! Овсов, ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

– Накося! – сказал генерал с презрением и поднёс к лицу его два кукиша.

– Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! Накося!»

В заключение «лошадиной темы» приведём примеры реакций на слово-стимул *лошадь*, полученные авторами «Русского ассоциативного словаря»:

«Лошадь: Пржевальского 36; белая 24; в яблоках 16; животное, конь 15; корова 14; кобыла, красивая, ломовая 13; кляча, рыжая, телега 9; гнедая, седло 8; быстрая, скачет 7; пегая, серая, старая 6; большая, красота, осёл, породистая, сивая, страшная 5; грива, дикая, поле, скаковая 4; беговая, ворона, деревня, овёс, сильная, скачки, стоит, уздечка, худая 3; бег, всадник, в яблочко, женщина, жеребёнок, иноходец, карета, копыта, копыто, красиво, купается, мерин, мул, навоз, овца, подкова, работа, ржёт, серая в яблоках,

скакун, собака, стройная, упала, хвост, хомут, чёрная 2» (приведённое далее авторами словаря число единичных реакций превышает общее число тех, на которые было получено 2 и более реакций) [РАС 2002: 300].

Из приведённого примера следует важный вывод. Число реакций на конкретный фамильный антропоним (лошадиная фамилия, воинская фамилия, ремесленная фамилия и т.д.) велико, но содержит определённое ярко выраженное семантическое ядро, актуализируемое носителями языка, принадлежащими к разным поколениям.

Сложность понимания семантики основы современных русских фамилий, восходящих к устаревшей, диалектной или иноязычной лексике, широко используется не только авторами художественных произведений, но и представителями «псевдонауки», преследующими исключительно коммерческие цели. В одной «исследовательской» организации, широко рекламирующей, что исследования проводятся доктором и кандидатом филологических наук, нашему будущему заказчику выдали «Фамильный диплом», в котором приводились две версии происхождения фамилии Материков. Одна версия гласила, что фамилия эта польского происхождения и восходит к названию польской деревни Матерна. Другая версия почему-то возводила эту фамилию к латинскому(!) слову *mater* – «что значит *мать*» (так было сказано в пояснении). При этом «кандидат филологических наук» и «доктор филологических наук», видимо, после длительного научного обсуждения и, предваряя свой ономастический трактат, всё же честно предупредили: «Маловероятно, что фамилия Материков связана со словом *материк* в значении «крупный массив земной коры, большая часть которого выступает над уровнем Мирового океана». Это сообщение и было единственным правильным наблюдением в их исследовании.

Между тем, прозвище *Материк* образовано таким же образом, как и прозвища *Быстрик*, т.е. «быстрый, скорый», или *Рыжик*, т.е. «рыжий». Его значение восходит к сохранившемуся до наших дней, но известному с давних времён прилагательному *матёрый*. Это прилагательное имело в русском

языке множество значений: «крепкий, здоровый», «бойкий, проворный», «большой, огромный» и даже «лютый», «жестокий». Последнее значение этого прозвища было известно в ярославских говорах ещё в начале XX века. *Материком* здесь называли и старого большого волка. Любопытно и то, что великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов, будучи уроженцем Подольской губернии, в 1831–1837 гг. учился как раз в ярославской гимназии. Возможно, именно «ярославское воспитание» стало причиной появления в его поэме «Генерал Топтыгин» следующих строк:

«Видит – барин материк, «Генерал», – смекает.

Поспешил фуражку снять: «Здравия желаю!».

Заметим, что, фамилия Материки, как и прозвище Материк, зафиксированы на Руси ещё в XVII веке, причём в восточных землях. В грамоте 1655 года записан Евтюшка Материк, промышленный человек в Сибири, в грамоте 1693 года упоминается Максимко Материки, вытегорский волостной человек. Да и сами Материки (сегодняшние) прекрасно осведомлены о своём вологодском, но никак не польском происхождении. Об этом было рассказано в тексте нашего исследования (на словах посетителю было сообщено, что латинское слово *mater* и русское *матерь*, т.е. *мать*, имеют общий источник).

Большим спросом на рынке «околоономастической» литературы пользуются сочинения, авторы которых обещают предсказать судьбу человека, основываясь на «всестороннем» изучении его фамилии. Распространению подобной литературы, к сожалению, способствует и само научное сообщество. Например, в каталоге учебной литературы Издательского дома «Университетская книга» в разделе «Гуманитарные науки / Языкознание, Риторика» в 2009 году было представлено следующее издание: Цымбалова Л.Н. 100 имён – 100 судеб: как назвать Вашего ребенка. 6-е издание (видимо, дополненное и исправленное). В комментарии к этому шедевру научной мысли сообщается: «Эта книга незаменима для молодых родителей, бабушек и дедушек. Выбор имени для ребёнка во многом

определяет его судьбу. Вот почему необходимо вдумчиво, с любовью к малышу и заботой о его судьбе подбирать имя. Вы хотите, чтобы ваше ненаглядное сокровище, повзрослев, добилось успехов в политике, или мечтаете о карьере банкира для вашего дитяти?

С помощью данной книги можно изучить символическое значение, тайны (видимо, тайные – *В.М.*) силы, скрытые в каждом имени, его психологию и астрологию.

Для широкого круга читателей».

Не все подобные «исследования» основаны на ошибочной или сознательно ложной этимологизации основ фамильных антропонимов, но эта составляющая играет в них заметную роль.

Благодаря эмоционально яркой интерпретации семантики основы актуализируется этимологический компонент плана содержания фамильного антропонима, который наполняется ошибочной или ложной (в зависимости от задач и знаний автора) информацией, абсолютно не присущей данной фамилии. Таким образом, насаждается извращённое представление о реальной истории фамилий и других имён собственных [Суперанская 2009: 67-72].

Масштабы подобных фальсификаций за последние годы достигли столь больших размеров, что это явление стало предметом обсуждения в Академии наук. 17 сентября 2007 года в здании Президиума РАН состоялся Круглый стол «Фальсификации источников и национальные истории», участники которого поддержали мнение о том, что научное сообщество должны интересоваться не только сами подделки или их создатели, часто остающиеся за кадром, но и то, кто и почему заинтересован в их популяризации, как на это реагирует общественное мнение.

Достаточно почитать тематические форумы в Интернете или – самое трагическое проявление результатов подобного зомбирования за последнюю четверть века – массовое распространение на Украине «теорий» происхождения самого названия *Украина, украинцы*, возведение

большинства фамилий граждан Украины (в том числе и её западных областей, не знавших традиций казачества) к прозвищам предков-казаков.

Научное же сообщество в силу своей разобщённости и иных причин до сих пор не в состоянии оказывать эффективное противодействие подобным процессам, связанным с коммерческими интересами авторов-авантюристов и их издателей. Одним из способов противодействия такой псевдонаучной пропаганде, несомненно, является подготовка и издание ономастических словарей, дающих реальную информацию о происхождении тех или иных единиц русского ономастикона, в том числе и фамильных антропонимов.

Между тем, «...изучение онимических основ – это особая область лексикологии. Сам факт вторичности включения определённых лексем в онимический ряд не позволяет подходить к их анализу с теми же критериями, что к анализу общей лексики. Для того чтобы понять, почему люди обращались при формировании отдельных классов имён к тем или иным лексическим полям, ономаст должен понять историко-культурный код соответствующей эпохи» [Теория и методика ономастических исследований 2009: 114].

Одной из причин актуализации этимологического компонента структуры плана содержания фамильного антропонима является сочетание реальной или мнимой этимологической прозрачности его основы. Кроме того, иногда невозможно объяснить конкретные причины, по которым та или иная единица нарицательной лексики русского языка легла в основу фамилии, упоминаемой в контексте акта речевой коммуникации. Например, любому русскому человеку понятны основы фамилий *Горшков*, *Лопатин*, *Козлов* и т.д. Но на Руси почти уже три века не принято давать детям нецерковные имена. Уже почти столетие прошло с того момента, как кардинально изменился статус церковных календарных имён. После отделения декретом Советской власти церкви от государства все имена получили статус светских, преобладание в современном именнике имён, восходящих к церковному календарю, это лишь дань традиции, которая

сохранилась вопреки обычаю обращаться при наречении имени новорождённому к традиционному источнику русских имён, освящённому более чем тысячелетней традицией, – святым. По этой причине существование фамильных антропонимов с прозрачной или ложно понимаемой семантикой регулярно актуализирует информационную составляющую этимологического компонента. При этом в зависимости от класса нарицательного, с которым сопоставляется в сознании русского человека значение основы данной фамилии, от целей, задач и условий конкретного акта речевой коммуникации, обычно происходит актуализация и других компонентов его плана содержания, например, структурно-словообразовательного или фонетического.

Это связано с особенностями употребления в речи тех нарицательных существительных, которые, по мнению участников коммуникативных актов, лежат в основе конкретных фамилий. Например, для части фамилий важен вопрос правильности постановки ударения: *ТвОрогов* и *ТворогОв*, *ТУпиков* и *ТупикОв* и т.д. В процессе устных речевых актов коммуникации часто возникает вопрос правильной графической передачи звучания фамилии: *Дорожкин* и *Дорошкин*, *Прутков* и *Прудков* и т.п. При этом в разных регионах могут быть свои исторически сложившиеся диалектные особенности орфоэпии фамилий, имеющих одинаковую графическую запись.

Так, в фамилиях типа *Дорожкин* и *Дорошкин* происходит озвончение согласного «Ш» под влиянием переосмысления, превдоэтимологизации её основы, которую, после того, как был забыт истинный источник, стали связывать со словом «дорога». Каждая из этих фамилий исторически может восходить к единому источнику – народной форме крестильного имени греческого происхождения *Дорофей* – *Дорошка*.

«Прозрачность», истинная или мнимая этимология, актуализирует в процессе коммуникативных актов и другие компоненты, реально присутствующие в структуре данного антропонима или «присвоенные» ему произвольно. Ср. фамилии *Татаринов* или *Мордвинов* (их предками

действительно могли быть представители этих народов) и фамилию *Казаринов*, образованную от древнерусского названия народа *хазары*, за давностью веков слово хазары априори не могло быть прозвищем, поскольку такого народа в XV–XVII веках уже не существовало.

Как достигается эффект «достоверности»? Это можно проиллюстрировать, используя предложенную нами виртуальную 3D модель фамильного антропонима. Словарная статья сопровождается многими достоверными фактами о конкретной фамилии, указывается, например, что она образована «при помощи суффикса *-ов* от имени предка», в случае необходимости приводятся пояснения о правильном произношении фамилии (структурно-словообразовательный и фонетический компонент); сообщается, что фамилия очень редка (статистический компонент), но в истории известны несколько её представителей, внесших большой вклад в науку, искусство и т.п. (социокультурный компонент).

2.3. Этнографический компонент

Большое число фамильных антропонимов хранит легко «прочитываемое» указание на национальность человека или его предка, на их принадлежность к определённой этнографической группе русского или какого-либо другого народа. Этот этнографический компонент во многих случаях легко «прочитывается». Например, фамилии *Мордвинов*, *Черемисинов*, *Вотяков*, *Татаринов*, *Мещеринов* и *Мещеряков*, *Белорусов* и *Белорусец*, *Украинцев*, *Поморов* и *Донцов* напоминают о том, что их предки были представителями соответствующих народов (мордва, марийцы, удмурты, татары, белорусы, украинцы) или этнографических групп русского народа (донские казаки, поморы) [Смирнова 2003; Верховых 2008; Пядышева 2010; Горелова 2011].

Особняком стоит этноним *мещеряк*, первоначально указывавший на представителей финно-угорского племени, проживавшего в местности, расположенной на территории современных Рязанской, Пензенской,

Московской и Владимирской областей (на равнине между реками Клязьма – на севере, Москва – на юго-западе, Ока – на юге и Судогда, Колпь – на востоке). Со временем этот этноним широко использовался как указание на выходцев из этой местности, независимо от их национальности.

Однако далеко не все такие фамилии возникли от прозвищ, реально указывавших на национальность родоначальника или его принадлежность к определённой этнографической группе. Основами подобных фамилий часто являются не прозвища, а нецерковные имена, дававшиеся в русских семьях новорождённым сыновьям (возможно, в качестве своеобразных имён-оберегов, призванных «запутать» нечистую силу). Ср. наличие разных имён-этнонимов у разных членов одной семьи: Русин да Мещерин дети Черемисинова, Ростов, XV век; Григорий Васильевич Мордвин Мещеринов, сын Мещерина Черемисинова, 1550 г. [Веселовский 1974: 197].

В целом, в основах современных русских фамилий можно обнаружить названия многих российских народов или их этнографических групп. См. [Агеева 2000]. Многие из таких этнонимов (например, *чудин* или *казарин*) в настоящее время неизвестны большинству русских людей, но часть их, тем более совпадающих с современными названиями национальностей, общеизвестна.

Это знание по-разному актуализируется в процессе речевых коммуникаций. Ярким свидетельством этого процесса является работа И. Николайчука, основанная на материалах книги «Штурм Берлина. Воспоминания, письма, дневники участников боев за Берлин» (Военное издательство Министерства Вооруженных сил СССР, 1948 г.). Для того чтобы показать многонациональный состав Красной (Советской) Армии в годы Великой Отечественной войны, необязательно «поднимать» личные дела всех воинов, принимавших участие в боях. Достаточно проанализировать их фамилии. Вот лишь одна цитата:

«Капитан И. Сенча. «Штурм Ангальтского вокзала»:

«Гитлеровские смертники, укрывшиеся в прочных подвалах вокзального здания, ожесточённо сопротивлялись... Малокалиберная артиллерия, стрелявшая по вокзалу прямой наводкой, не смогла пробить его толстые стены. Тогда полковник Туроверов подошёл к телефону и, связавшись с генералом, попросил обстрелять вокзал из тяжелых орудий. Генерал разрешил... Командиры дивизионов майор Кудрявцев и гвардии майор Кириченко пришли на огневую позицию... Немцы подняли неистовую стрельбу по артиллеристам. Осколком был ранен командир орудия Дерсалия, его молча заменил ефрейтор Гоца. Упали красноармейцы Иванов, Кутумбаев, Турханов. Повреждено орудие, но артмастер Чайников быстро восстановил его... Вражеские фаустники особенно яростно обстреливали орудие старшего сержанта Пронина. Он был убит, на его место встал замковый Багнюк. Осколок мины тут же оборвал и его славную жизнь. Один за другим у орудия становились ефрейтор Асарьян, ефрейтор Шлапак, ефрейтор Соловьёв, и один за другим падали они на землю, обливаясь кровью. К орудию бросился лейтенант Кожушко... Когда мы хоронили своих товарищей, павших в этом жарком бою, майор Бузик, поднявшись над свежерытой могилой, сказал: – Товарищи! Боевые друзья! Солдаты великой армии Сталина! Мы предаём земле павших героев... Он больше не мог говорить. Бросив в могилу две горсти земли, он закончил: – Вечная слава вам, богатыри земли советской! [Николайчук 2015: часть 4].

Этот эпизод потрясает не только своей трагической напряжённостью, но героизмом солдат и офицеров, собравшихся из всех уголков СССР. *Туроверов* – донская казачья фамилия. Предки капитана *Сенчи* вероятнее всего жили в дореволюционной Сувалкской губернии (Царство Польское), большая часть которой отошла к Литве. *Иванов*, *Кудрявцев*, *Чайников*, *Пронин*, *Соловьёв* – русские. *Кириченко*, *Багнюк*, *Кожушко* – украинцы. *Гоца* – еврей, с юга Украины. *Кутумбаев* – казах. *Дерсалия* – грузин. *Асарьян* – армянин. *Шлапак*, по статистике, вероятней всего, белорус.

Носитель фамилии *Турханов* мог быть как славянином, так и из тюркских народов. Грузинские специалисты в области ономастики отмечают, что такая фамилия зарегистрирована даже у грузин-католиков, которые были переселены в Ахалкалакские сёла и жили в армянской культурной среде. Майор *Бузик* носит фамилию, которая наиболее распространена у немцев Поволжья, хотя может быть и украинцем».

При этом подобная актуализация не обязательно соответствует тому, к какому народу или этнографической группе народа принадлежит современный представитель данной фамилии. Ср. упомянутый в п.2.1 пример фамилии *Коваль*, обладатель которой не сомневается, что он сам и его фамилия – коренные «сибиряки».

«Сибирское» восприятие этой фамилии её носителем – это результат большой распространённости западнорусских и белорусско-украинских фамилий в Алтайском крае, что вызвано миграционными процессами конца XIX – начала XX столетий, а также того, что он является сибиряком в четвёртом или пятом поколении, и все его родственные отношения «завязаны» на Алтайский край, русское население которого представлено потомками представителей разных национальностей и этнографических групп.

В ещё большей степени многонациональна современная Москва: такова особенность всех столичных городов. Поэтому среди её жителей широко распространены фамилии, однозначно связываемые участниками речевых коммуникаций с теми или иными народами бывшего СССР или этнографическими группами русского народа. Всё это, несмотря на специфику их этимологии и условий возникновения фамилий, – факт русской речи, знание, регулярно актуализируемое в конкретных актах речевой коммуникации. Например, фамилии *Дагестанов*, *Дагестанский*, *Грузинов* и *Грузинский* встречаются и у потомков русского православного духовенства, не являвшихся выходцами из Закавказья или Северного Кавказа; фамилия *Казачков* не всегда восходит к прозвищу, указывавшему потомка казака. А

наличие национальных коннотаций у части личных имён (Ян, Ваня, Ваню, Абрам, Ганс, Армен, Франсуа) и фамилиеобразующих суффиксов (см. [Харченко, Черникова 2010: 51–61]) является дополнительным свидетельством значимости и регулярной актуализации этнографического компонента личных и фамилиных антропонимов.

Ономастикон любого народа пополняется двумя способами: созданием новых онимов на основе родного языка и заимствованием новых имён собственных из других языков. Крайне редко новые онимы возникают в результате калькирования иноязычных заимствований, буквального или близкого по смыслу их перевода на родной язык. Таким образом, в результате перевода части принесённых с христианством греческих имён в русском языке возникли имена *Вера, Надежда, Любовь, Богдан, Боголюб, Боголеп* и некоторые другие. Но поскольку в результате перевода возникает совершенно новое имя, то в большинстве случаев личные имена не переводились, а лишь адаптировались под славянскую речь. Тем более невозможен с юридической точки зрения перевод на чужой язык фамилий, «которые идентифицируют личность последовательностью своей звуковой цепочки (фонемного состава).

Фамилии – это «слова, наделённые особой юридической значимостью, служащие для идентификации личности. В связи с этим релевантно именно звучание фамилии, а перемена фамилий допускается лишь в исключительных случаях и оформляется в установленном законом порядке» [Теория и методика ономастических исследований 2009: 137].

Однако следует помнить, что российская история знает примеры перевода фамильных антропонимов на русский язык. Один из них, например, приведённый нами в п. 1.2, связан с переводом фамилии выдающегося русского лингвиста Александра Христофоровича *Востокова* (1781–1864), в детские годы носившего немецкую фамилию *Остенек*, которую ему, внебрачному сыну немецкого дворянина Остен-Сакена, просто придумали взяв за основу первую часть фамилии отца.

Кроме того, случаи перевода фамилии на русский язык известны в еврейской диаспоре. Например, в результате перевода с немецкого (или идиш) языка фамилии *Лангфельд* возникала фамилия *Долгопольский*, *Гольдберг* становился *Златогоровым*, *Леонзон* – *Львовым* и т.д.

В этом случае новые фамилии становились неотличимыми, во всяком случае, по словообразовательной модели, от традиционных русских фамильных антропонимов. Не менее знаковым является и несравнимо более распространённая традиция дооформления до «стандартной» модели с помощью суффиксов *-ов*, *-ев*, *-ин* и т.д. или образованных при помощи редких в русской традиции патронимических суффиксов или возникших в иноязычной среде фамильных антропонимов, а также нестандартные безсуффиксные фамилии. Например, армянская фамилия *Чабанян* приобретала совершенно «русское звучание» *Чабанов*, грузинская фамилия *Чубинашвили* изменялась на *Чубинов* и т.д.

Особыми обстоятельствами была вызвана стандартизация, то есть придание графического варианта записи соответствующего одному из самых распространённых в Российской империи, а позднее в России или в других республиках Советского Союза, нестандартных русских фамилий (белорусско-украинских и западнорусских). Изменения их написания, как, впрочем, и изменения в написании фамилий других народов, не были продиктованы административным давлением.

Своеобразным свидетельством этого является тот факт, что одновременно происходил процесс адаптации фамилий под словообразовательные формы, характерные для региона, но не соответствующие представлениям о «стандартной» русской фамилии. Это привело, например, к появлению в Сибири фамилии *Шидловских* (польская фамилия *Szydłowski*, дооформленная довольно редким суффиксом *-их*), на Украине (уже в XX веке) у представителей семьи с фамилией *Совайло* фамилия была записана как *Совайленко*.

Изменение фамилии не ограничивалось только дооформлением «до стандарта» посредством суффиксации, но затрагивало и другие компоненты графического написания фамилии: фамилия *Придыбайло* получала звучание *Предыбайлов*, *Твирдохлиб* становился *Твердохлебовым*, *Кисиль* – *Киселёвым* и т.п. В условиях двуязычия или русскоязычного окружения представители таких фамилий остро ощущали стилистическую «незащищённость» бессуффиксных фамилий с прозрачной семантикой. Часть таких фамилий вообще менялась на новые (*Безмогий* – *Ленский*), другие просто стандартизировались путём суффиксации, что затемняло семантическую прозрачность фамилии (*Баран* – *Баранов*, *Губа* – *Губинский*) [см. Приложение 3 блок № 4].

Иными словами, в условиях смешанного проживания представителей разных, но очень близких по языку и культурным традициям этнографических групп происходил легко объяснимый процесс нивелирования этнографических различий. Этот процесс находил воплощение и в изменении словообразовательной модели фамильных антропонимов, и в полной их замене новыми. Результатом подобного процесса является тесная связь этнографического компонента с иными компонентами структуры плана содержания фамильного антропонима. Речь идёт о структурно-словообразовательном и фонетическом компоненте с этимологическим, статистическим, географическим показателями. Ср.: милиционер с высокочастотной фамилией *Петренко* как символ малообразованного селянина на государственной службе и объект насмешек авторов юмористических передач 90-х годов XX века.

Таким образом, значительная часть информационной составляющей этого блока объективно свойственна многим фамильным антропонимам. Эти фамильные антропонимы являются замечательным памятником истории, языка фольклора и других культурных особенностей различных этнографических групп русского народа и всех восточных славян.

2.4. Социокультурный компонент

Далеко не каждый современный почитатель творчества М.А. Булгакова понимает, почему автор выбрал для главного героя повести «Собачье сердце» фамилию *Преображенский*.

Однако для самого Булгакова и его современников такой выбор был вполне логичен, т.к., в начале XX века любой россиянин знал, что фамилии *Преображенский, Рождественский, Вознесенский* и т.п. – это своеобразный «знак качества», указывающий на принадлежность его (или его предков) к духовному сословию. Большая часть носителей таких фамилий была потомками православных священников или тех, кто в XVIII–XIX веках учился в духовных семинариях и готовился принять духовный сан. К числу таких фамилий принадлежат и фамилии *Сперанский, Гиляровский, Реформатский*, услышав которые образованные россияне и сегодня вспомнят, в первую очередь о людях, внёсших огромный вклад в развитие российской государственности, науки, литературы и т.д.

В процессе речевой ономастической коммуникации часто актуализируется энциклопедическое знание о конкретном фамильном антропониме. Услышав фамилию *Калашников*, большинство из нас вспомнит, в первую очередь, великого русского конструктора, создателя самого знаменитого автомата АК Михаила Тимофеевича Калашникова, и лишь после этого, возможно, о том, что фамилия напоминает о профессии калашника (человека, пекущего или продающего калачи).

При упоминании фамилии *Огурцов* многие представят себе не овощ, а Серафима Ивановича Огурцова, героя фильма «Карнавальная ночь», незадачливого чиновника-бюрократа, изображённого русским актёром Игорем Владимировичем Ильинским. Другие вспомнят современного актёра, каскадёра и продюсера Алексея Николаевича Огурцова. Студенты Сибирского государственного технологического университета, несомненно, в первую очередь представят преподавателя Виктора Владимировича Огурцова, который с 2007 года является ректором их вуза. Поклонники

популярной в 90-е годы группы «Кар-мэн» представят Сергея Михайловича Лемоха (поскольку многие из них позднее узнали, что первоначально его фамилия была Огурцов), а кто-то, вероятно, припомнит и города Суздаль и Луховицы, борющихся за звание «Огуречной столицы России».

Все это делает возможным включение фамильных антропонимов в речевые коммуникации с различными целями, в числе которых выделяются: указывать на конкретное лицо, носящее эту фамилию; использовать фамилии в качестве эпитетов-сравнений, подчёркивать, что носитель иной фамилии (тот, о котором идёт речь в данном коммуникативном акте) обладает некими качествами, признаками, присущими общеизвестному (по предположению говорящего/пишущего) лицу.

Включение фамильных антропонимов в речевые коммуникации позволяет также включать те или иные фамильные антропонимы в состав пословиц и поговорок, устойчивых сочетаний. Социокультурный компонент плана содержания тех или иных антрополексем актуален в конкретный исторический период для членов определённой группы (социальной, профессиональной, объединённой единым регионом проживания и т.д.). Ср.:

«Бог не Мануков, и без посула милует» (Федосей Семёнович Мануков, в 1736–1738 гг. воевода Санкт-Петербурга; за два года успел прославиться своим мздоимством: в 1737 г. ему было предъявлено обвинение «в злоупотреблениях по службе» [Руководители Санкт-Петербурга 2003: 105]); *«Пропал как Бекович»* (князь Бекович-Черкасский, направленный в 1716 году Петром I в Хиву, где он погиб вместе со своим отрядом); *«По милости боярской – сам себе Пожарский»* и др. [Фролова 2005: 40-41].

Интересно бытование таких пословиц в XIX веке, когда жили сами лица, фамилии которых могли стать основой устойчивых сочетаний слов. Однако актуальность большинства таких фамильных антропонимов для большей части населения (или определённой его части) со временем уменьшается: забываются факты биографии людей, чьи фамилии были восприняты фольклором, и сами события, участниками которых они были.

О.Е. Фролова справедливо замечает, что из числа перечисленных «актуальным» в настоящее время остаётся только антропоним *Пожарский*.

Авторы монографии «Теория и методика ономастических исследований» указывают на особую экстралингвистическую стилистику собственных имён: «...имена собственные могут быть использованы как определённые стилистические средства. При этом их понятийная ущербность позволяет их использовать так и тогда, когда употребление апеллятивных выразительных средств было бы невозможно» [Теория и методика ономастических исследований 2009: 127].

В определённые исторические периоды и в определённых условиях может происходить социально-культурная сверхактуализация фамильного антропонима:

«Любовь Крым только однажды побывала на полуострове-«однофамильце».

– Мне позвонили из профсоюза больницы, где я работала, и предложили: «Крым, в Крым поедешь?» – вспоминает Любовь. – Конечно, я согласилась! В гостинице при заселении администратор попросила назвать фамилию. «Крым», – говорю.

– «Девушка, я понимаю, что вы в Крым приехали. Фамилия ваша как?» Я достала паспорт.

Администратор заглянула в документ и сделала объявление: «Товарищи! У этой женщины фамилия Крым!» Одна отдыхающая даже попросила сфотографироваться со мной на память, потом подарила мне снимок. Это был один из лучших отпусков в моей жизни. Я считаю, что с фамилией нам повезло. У сына никогда не было кличек, ребята подходили к дому и кричали: «Крым, выходи!»

...Сотрудники ГИБДД Волосовского района Ленинградской области никогда не останавливают автомобиль, лобовое стекло которого украшает номер с буквами «КРЫМ»...

– Сувенирный номер мне подарили друзья, – рассказывает житель деревни Бегуницы Максим Крым. – Теперь я с ним не расстаюсь. Однажды ко мне подошли украинцы. Увидели номер, решили наехать: «Ты что, радуешься, что вы у нас Крым отжали?» – «Имею полное право», – ответил я и достал водительские права. Украинцы извинились...

Любовь Крым и её сын Максим завтра, 18 марта, поднимут по бокалу вина за присоединение Крыма к России.

– Мы никогда на полуострове не жили, но ведь он наш «однофамилец», – говорит Любовь. – Фамилия досталась мне от мужа, с которым мы развелись много лет назад. Знаю, что бабушка бывшего супруга вышла замуж за немца, кажется, его фамилия была Крымберг. Вторая часть потерялась, а Крым остался...

Любовь и Максим переехали в Ленинградскую область из Приднестровья...

– Обычно я езжу на автобусе, так дешевле, – рассказывает Любовь. – Через Белоруссию попадаю на Украину, а оттуда в Приднестровье. В ноябре прошлого года собралась к маме на юбилей. Когда сын узнал о моих планах, возмутился: «Ты понимаешь, что фамилия Крым – это сейчас как красная тряпка для украинцев? Тебя высадят из автобуса! Я против!» Думаю, он был прав. Может, и не высадили бы, но поиздевались бы вдоволь. А разве мы виноваты, что у нас такая фамилия?» [Бобрович 2015: 12].

Таким образом, можно наблюдать, как в процессе речевой коммуникации экстралингвистические знания о фамильном антропониме «опережают» знания о непосредственном денотате. Это особенно отчётливо проявляется в речевых ситуациях, которые учёные определяют их как «дальние». В них не включается сам денотат имени собственного, в этом их отличие от ближних речевых ситуаций, в которых непосредственно участвует и денот, в особенности те случаи, когда денотаты общеизвестны.

«Само по себе это положение открывает широкие стилистические возможности для использования собственных имён в – бытовых контекстах и в

художественной литературе, т. е. за пределами сферы их официального использования. Например, специфика ассоциативного мышления построена так, что Александр Сергеевич Пушкин и Юрий Алексеевич Гагарин делаются для нас главными денотатами фамилий Пушкин и Гагарин.

При этом мы можем полностью игнорировать, что и у того, и у другого были семьи, предки, потомки и, наконец, однофамильцы. Услышав фразу «Вчера я разговаривал с Александром Сергеевичем Пушкиным», мы, несмотря на всю невероятность этой ситуации, всё же думаем прежде всего об известном поэте, хотя несколько наших современников носят эти же самые имя, отчество, фамилию. Так рождается один из стилистических приёмов, основанный на подмене логических возможностей текста и на переклещении определённых ассоциаций» [Теория и методика ономастических исследований 2009: 119].

Исходя из этого, авторы данной монографии выделяют два типа вызываемых фамильными антропонимами ассоциаций, возникающих в ходе речевой ономастической коммуникации, – ближние (общеизвестные) и дальние (индивидуальные). В первом случае общеизвестность их основных денотатов (первый космонавт, великий русский поэт и т.п.) «как бы приближает их к каждому из нас, превращая реалии, отделённые в пространстве и во времени, в реалии ближние» [Теория и методика ономастических исследований 2009: 119].

Результатом этого для многих фамильных антропонимов становится заметное увеличение их вариативности, понимаемой нами как многовариантность реализации различных компонентов плана содержания фамильного антропонима в зависимости от особенностей, условий, целеустановок и вида конкретного акта речевой коммуникации.

2.5. Статистический компонент

Фамильные антропонимы обладают различной частотностью. Среди них есть фамилии, насчитывающие более миллиона носителей (*Ивановы*,

Кузнецовы, Смироновы), и есть единичные. Непосредственная актуализация частотности фамильного антропонима характерна именно для групп, занимающих крайние позиции в частотном ряду.

Об этом напоминает, например, регулярное воспроизведение в различных печатных изданиях и на Интернет-ресурсах «Таблицы частотности русских фамилий», составленной Б.-О.Унбегауном на основе петербургской адресной книги «Весь Петербург» за 1910 г.

В предисловии к данной таблице указывается, что общее число зафиксированных фамилий составило почти 200 тысяч, что маловероятно; видимо, речь всё же должна идти о «почти 200 тысячах жителей» [Унбегаун 1995: 312]. Об этом напоминают периодически появляющиеся и новые «Таблицы частотности русских (российских) фамилий».

Уровень их достоверности различается, поскольку различаются объём обследованного материала, метод выделения из полученных данных «разнонациональных» фамилий (как собственно фамилий, так и лиц разных национальностей, носящих одинаковые фамилии), наконец, метода экстраполяции данных, полученных из ограниченного объёма информации, на весь русский или российский фамильный антропонимикон. Заметим, если не рассматривать безымянные публикации в Интернете, а считать добросовестными опубликованные за подписью автора.

Вторая по времени проведения оценка частотности русских фамилий была произведена В.А. Никоновым по подсчёту личных абонентов московского телефона и в 1987 году опубликована в сборнике «Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры)» [Никонов 1987: 5-15].

После этого активно проводились региональные подсчёты и другими авторами, в том числе и повторно по телефонным базам Москвы и других городов. Данная работа на материалах телефонных баз более чем тридцати городов Российской Федерации за 1997–2001 годы была проведена и в ИИЦ «История фамилии». Рассматривать полученную информацию в качестве

объективной статистической выборки в настоящее время не представляется возможным, поскольку общее число учтённых лиц даже по приблизительной оценке (часть баз учитывала не персоналии, а семьи) составляет менее половины населения России, в основном её центральные и восточные области.

Полученные данные используются в работе главным образом в качестве справочного материала, помогающего выяснить географию распространения той или иной фамилии. При исследовании истории низкочастотных и уникальных фамилий статистические сведения дают дополнительный материал, позволяющий максимально точно определить регион их распространения и составить картографическую карту.

Особого внимания заслуживает исследование А.Ф. Журавлёва, результаты которого были опубликованы в журнале «Вопросы ономастики» (№ 2., 2005), где учёный подчёркивает: «досадным образом ономастика до сих пор не располагает достоверной статистикой русских фамилий в их современном существовании» [Журавлёв 2005: 126]. А.Ф. Журавлёв проделал большую работу по поиску полной и достоверной информации о фамилиях максимально большого числа граждан России. Тем не менее, данная работа не может претендовать на объективную статистику, чему есть две причины.

Во-первых, неполный охват населения Российской Федерации, других республик бывшего СССР и невозможность учёта граждан, за последние 25 лет выехавших в другие регионы. Впрочем, попытка охватить всё русское население России (тем более планеты) – задача, которая была невыполнима в предшествующие периоды и менее реальной будет в будущем по причине заметно усилившейся мобильности населения и активизации миграционных процессов. Вероятно, наиболее достоверной выборкой придётся признать работу тех исследователей, которым удастся за короткий срок (1–3 года) охватить своими подсчётами хотя бы более половины населения России.

Во-вторых, использование метода обработки полученных данных по Москве показало, что превосходят «количественные данные по любому другому городу или региону. Суммированные с остальными, «московские» числа подавляли их, и конечная картина распределения частот в очень сильной мере отражала именно ситуацию с фамилиями в Москве... Стремясь к получению картины, которая отражала бы, насколько это возможно в описанных условиях, соотношение фамилий русских в целом, и желая «пригасить» влияние на неё московского «колорита», мы на стадии оперирования абсолютными численными показателями после ряда пробных суммирований использовали «московские» числа в десятикратном уменьшении» [Журавлёв 2005: 133].

Считаем, что подобными методами невозможно получить объективные статистические данные о частотности русских фамилий. Население Москвы составляет порядка 1/10 населения России, поэтому десятикратное уменьшение московских чисел радикально меняет общерусскую «фамильную статистику». С учётом сложности проведения исследования, описанного А.Ф. Журавлёвым, перспективным представляется другой подход. Речь идёт о создании полноценных региональных баз данных частотности русских фамилий.

Такой метод имеет несомненные преимущества, поскольку подобное исследование можно провести за короткий срок, что немаловажно, т.к. это минимизирует статистическую погрешность, возникающую из-за естественной и миграционной убыли/прибыли населения. Более того, если подсчёт был проведён по населению какой-то одной конкретной административной единицы (село, город, район, область), но в полном объёме, то его результаты показывают: а) самостоятельное законченное исследование; б) могут быть использованы для дальнейших исследований, причём, не только в области ономастики.

Изучение статистических данных в разных регионах, возможно, с большим временным интервалом исследований (даже 10 лет), будучи на

определённом этапе может быть объединено, что вполне может служить качественным статистическим материалом для обобщённых исследований по нескольким регионам одновременно. Статистика динамики прироста/убыли населения по областям и республикам регулярно публикуется.

Если же говорить о частотности фамилий, то её легко можно представить в словарной статье в виде перечисления региональной статистики: *в Москве – столько-то* (данные за такой-то год), *в Московской области – столько-то* (данные за такой-то год), *в Рязанской – столько-то, ...по таким-то областям и республикам информация отсутствует или является неполной*. Такой подход к использованию статистических данных мы применяем в работе ИИЦ «История фамилии».

Однако работа А.Ф.Журавлева «К статистике русских фамилий», несомненно, представляет большой интерес для ономастологов. В описании подготовительной работы и комментариях к опубликованной таблице учёный подробно рассмотрел те проблемы, без решения которых невозможно определить, какие из фамильных антропонимов, бытующих в России и других странах мира, мы вправе включать в подсчёт в качестве «фамильной единицы».

Для нас существенным является решение вопроса о различии и тождестве фамилий, решение проблемы орфографии и орфоэпии фамильных антропонимов, которые регулярно актуализируются в ходе различных речевых ономастических ситуаций, решение вопроса, что означает понятие «русская фамилия», к осмыслению которого обращался А.Ф. Журавлёв, однако не выходя за рамки лингвистической науки. Между тем, строгое научное определение русской фамилии может быть дано только на основе сочетания лингвистических и экстралингвистических данных о фамилии и её обладателе.

Традиционно считается, что трудности возникают при введении в акт устной речевой коммуникации редких фамильных антропонимов. В действительности это не так. Вариативность всех видов русских личных

антропонимов (как исконно русских или общеславянских, так и восходящих к иноязычной заимствованной лексике) была очень велика. Этот факт зафиксирован в одной из последних работ А.В. Суперанской, посвящённой вариативности русских личных имён, где содержится свыше 25000 разнообразных форм имён, большинство которых представляет традиционный русский православный именной [Суперанская 2010: 7].

Особую ценность для исторической русской антропонимии представляют многочисленные примеры народных форм крестильных имён, отсутствующие в современных святцах. Как известно, церковный именной был значительно беднее в сравнении с многообразием производящих основ, диалектных и обиходных форм именовании, относящихся к нецерковному именнику. Вплоть до второй половины XVII столетия таковыми были мирские имена и прозвища. Позже, в конце XIX века, только часть прозвищ продолжала играть роль неофициальных именовании, от которых образовывались уличные и официальные фамилии.

Всё разнообразие форм церковных и нецерковных именовании в значительной мере нашло отражение в современном русском фамильном антропонимиконе. Поэтому вопрос тождества/различия фамильных антропонимов решается исследователем в каждом конкретном случае, и решение во многом зависит от обстоятельств и целей исследования.

Если, с официальной точки зрения, фамилии *Огурцов* и *Агурцов*, *Агибалов* и *Огибалов* представляют собой самостоятельные единицы, то для человека, интересующегося всем, что может быть связано с его фамилией, орфографические различия не имеют значения. В определённых ситуациях данные различия не существенны и для исследователя. Например, часто не имеют значения некоторые различия официальных форм фамилий, восходящих к именам, обладавшим высокой вариативностью, если мы ставим задачу выявить регион, в котором бытовал один из вариантов такого имени.

При значительном числе диминутивных и аугментативных форм крестильного имени *Пётр* и фамилии *Петляев* и *Петляйкин*, восходящих к общему источнику, крайне редкая и малая территория их бытования. Очертить её возможно только объединив статистику распространённости обоих вариантов. Возможно, со временем удастся обнаружить и региональные особенности употребления каждой из форм имени – *Петляй* и *Петляйка*. Не принципиальны нормативные различия фамилий *Перетьятка*, *Перетьятко*, *Перетьякка*, *Перетьякко*, *Перетьяккин*, *Перетьякков*, *Перетьякков*, *Перетьятин*, *Перетьятый* и т.д., если ставится задача определить продуктивность основы *перетьятый* (изрезанный, израненный) при образовании прозвищ.

Фамильный антропоним может восходить к полисемантической основе, устаревшей или имеющей множество значений, отмеченной в разных диалектах. При наличии таких слов, как *дурень*, *увалень*, *лежень*, *тихмень*, можно предполагать, что и прозвище *Кижмень*, лежащее в основе фамилии *Кижменёв* (от диалектного *кижма* – «брюхо») вряд ли имело уменьшительное значение. Вероятно, такое прозвище мог получить обладатель большого живота, пузач.

Опора на статистику (как обычно говорят, как чаще произносят те или иные эмоционально окрашенные слова и прозвища) нередко актуализирует семантику служебных морфем, что в сочетании с более или менее семантически прозрачной корневой морфемой делает актуальным или псевдоактуальным этимологический компонент плана содержания фамильного антропонима. Ср.: *Татищев* – «татище», «ворище», «чудовище», хотя в действительности во времена бытования имени *Татище* его следовало бы толковать как «воришка».

Таким образом, данный компонент, на первый взгляд, редко актуализируемый напрямую в процессе речевой коммуникации, является важным компонентом плана содержания фамильного антропонима как свёрнутого текста. Он взаимодействует с другими компонентами, открывая в

зависимости от условий и задач речевой коммуникации разные грани структуры плана содержания фамильного антропонима.

2.6. Географический компонент

Географическим компонент плана содержания фамильного антропонима актуализируется в процессе речевой коммуникации довольно редко.

Вспомним речевую ситуацию, в которой для обеих сторон диалога актуальным становился географический компонент плана содержания фамильного антропонима (сибиряк по фамилии *Коваль*). Носитель этой фамилии не был прав, называя свою фамилию «сибирской». Он считал, что все его родственники сибиряки и сама фамилия *Коваль* часто встречается в Алтайском крае, в том числе, у лиц, не являющихся для него родственниками. Знание носителя фамилии не включало исторических данных, свидетельствующих, что данная фамилия в Южной Сибири получила широкое распространение лишь в самом конце XIX – начале XX столетий в результате массовых миграций жителей западных губерний Российской империи в малозаселённые, но пригодные для земледелия области. Но в его словах содержалось весьма ценное наблюдение об ареале распространения конкретной фамилии.

Кроме общероссийских фамилий (частотных практически во всех регионах России со значительным процентом русского населения) *Иванов*, *Васильев*, *Кузнецов*, *Волков* и др., существует большое число фамилий, бытование которых исторически ограничивается большим или меньшим, но чётко очерченным регионом на территории Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Польши и т.д.

В настоящее время география этих фамилий может включать не только территорию бывшей Российской империи, но и страны Центральной и Западной Европы, Нового Света и даже такие экзотические страны, как Китай или Австралия. И если ни у кого не вызывает сомнения, что,

например, появление фамилии *Мальгичев* в США связано с единичными переселениями конца XX века, то местоположение её малой родины на территории самой России большинству россиян неизвестно. Между тем сами *Мальгичевы*, проживающие в Смоленской или Калужской областях, знают, что она характерна именно для их малой родины, где встречается среди семей, не состоящих в родстве [Соловьев 2005].

Такая форма образования фамилии – региональная особенность, но не только смоленских и калужских, но и части брянских, орловских, тульских и других юго-западных областей России. На этой территории отмечены фамилии типа *Дреничев*, *Феоничев*, *Поляничев*, *Маричев* и т.п.

Так, от нецерковного имени *Мальга* (от нарицательного *мальга* – «маленький») была образована довольно распространённая и известная во многих областях фамилия Мальгин. Но география распространения фамилий этого типа не ограничивается лишь юго-западными землями. Некоторое увеличение их частотности наблюдается и в части северо-восточных регионов Европейской России (Вологодская, Костромская области). Здесь появление таких фамилий объясняется диалектными особенностями образования семейных прозваний. Известны такие фамилии в Поволжье и Сибири, куда они были принесены уже «в готовом виде» переселенцами из упомянутых юго-западных или северо-восточных земель (см.: подробно [Никонов 2005]).

В работе «География фамилии» В.А. Никонов показал методику и привёл ещё ряд примеров исследований, позволяющих определить малую родину и историю формирования современного ареала тех или иных типов фамильных антропонимов и отдельных фамилий. «Единственная дореволюционная Всероссийская перепись (1897 г.) отметила в Среднем Притоболье за Уралом тысячи Меньшиковых и Достоваловых. Носители тех же фамилий встречались в Забайкалье. Конечно, повторение одной фамилии, даже частой, ничего не доказывает: она может встречаться где угодно. Иное дело две относительно редкие фамилии, оказавшиеся вместе, несмотря на

огромные расстояния. Очевидно, в Забайкалье носители этих фамилий пришли с Тобола. Мы находим те же фамилии в Приуралье, как раз на пути к Тоболу – в бывших Туринском и Оханском уездах. Следовательно, начало их пути на Восток надо искать на Европейском Севере России.

Работая над документами переписи в Архангельском архиве, я мечтал найти там Меньшиковых и Достоваловых, но тщетно. Обе фамилии неожиданно встретились в селениях бывш. Великодворской вол. Холмогорского уезда. Так наметился тысячекилометровый путь этих фамилий с низовьев Северной Двины за Байкал.

В переписных листах 1897 г. по Юргинской вол. Тобольской губ, (ныне Тюменская обл.) находим такие фамилии, как Горлатовы, Девочкины, Еськовы, Легостаевы, Минаковы, Молодых, Тепляковы, Черниковы, Чуевы, Шашковы, Шумаковы, и тот же самый набор фамилии того же времени встречаем в Больше-Глушицкой вол. Самарской губ, (ныне Куйбышевская обл.). Ясно, что случайное совпадение стольких довольно редких фамилий невозможно, потому можно уверенно утверждать, что они «пришли» за Урал из Нижнего Заволжья» [Никонов 2005: 5] .

На основании многолетних исследований В.А. Никонов сделал открытие, выделив четыре основных района европейской части России, в каждом из которых господствует одна русская фамилия. На Севере – Попов, в Северном Поволжье – Смирнов, в полосе южнее и восточнее Москвы – Кузнецов, на северо-западе – Иванов.

Немало интересных наблюдений о региональном распространении отдельных фамилий было сделано за прошедшие годы и в ИИЦ «История фамилии». Например, был определён ареал кубанской фамилии *Сапитон*. Существует ещё три региона, где эта исключительно редкая фамилия встречается неоднократно: Приморский край, Юго-Запад Украины (Одесская и Николаевская области), а также территория, объединяющая земли Киевской, Черниговской, Сумской, Полтавской и Харьковской областей.

В конце XIX века в говорах жителей этого региона диалектологами был отмечен апеллятив *сапетон* (кисель из бузины), ставший основой этого фамильного антропонима. Используя метод картографирования, сотрудники ИИЦ «История фамилии» обнаружили отчётливую границу распространения фамилий *Форов* и *Хворов*, отражающих разные варианты произношения прозвища *Хворый*: она отделяет центральные русские земли от юго-западных [см.: Приложение 1].

Таким образом, можно предположить, что распространение значительной части русских фамилий имеет определённый, отчётливо выраженный ареал. В результате поздних массовых переселений этот ареал значительно расширился в сравнении с исконным ареалом.

Географический компонент фамильного антропонима-текста, его «географическая, региональная составляющая» в некоторых случаях актуализируется участниками речевых ономастических коммуникаций. Например, большинство россиян без труда определяет фамилии типа *Иваненко*, *Петренко*, *Сидоренко* или *Иванюк*, *Петрук* и *Сидорук* как «западные» или «южные».

Впрочем, нередко это связано с актуализацией этнографического компонента, поскольку такие фамилии часто воспринимаются как исключительно украинские (гораздо реже допускается, что они могут быть белорусскими). Такой ошибочный стереотип распространён по причине преобладания в русской традиции фамилий, стандартизированных путём дооформления их патронимическими суффиксами *-ов* и *-ев*.

Характерно, что стандартизированные фамилии типа *Иванюков*, *Петруков* или *Павлюков*, *Васюков* и т.п., по нашим наблюдениям, не вызывают у большинства россиян никаких ассоциаций, связанных с географией их распространения или этнографической принадлежностью их носителей.

Вне всякого сомнения, многие оттопонимические фамильные антропонимы легко «прочитываются» и «локализуются» на географической

карте. В некоторых случаях данный компонент актуализируется практически всеми участниками коммуникативного акта: *Костромитин, Болховцев, Туляков* и др. В других случаях географический компонент может быть актуален только для тех, кто хорошо знаком с топонимией региона, являющегося малой родиной упоминаемого в процессе речевой коммуникации фамильного антропонима: *Жванецкий* [Горпинич 2001: 149], [Словник гідронімів України 1979: 194]; *Абальский* [Лемцюгова 2008: 257], *Зельвянский* [Жучкевич 1974: 140], *Зарайцев, Ветлугаев* [СНЖ 1975: 178, 451] и другие.

Своеобразно происходит актуализация географического компонента в случаях, когда житель небольшого города или деревни сталкивается с упоминанием довольно редкой (но даже не низкочастотной, а входящей в условную группу топ-500) фамилией. «У нас половина (треть) деревни (города) таких». В дальнейшей беседе чаще всего выясняется, что собеседник знает лишь одну или несколько семей с такой фамилией, однако, услышав (прочитав) её в непривычном контексте (как правило, если речь идёт об удалённом от его малой родины регионе), сразу решил, что это его земляк. Достоверный вывод о географии распространения конкретной фамилии можно сделать только на основании индивидуальных исследований.

При этом можно предполагать, что тема «географии фамилии» возникает в процессе актов речевой коммуникации значительно чаще, чем это нам представляется. Свидетельством этого является распространённость случаев выбора псевдонимов, прямо или косвенно указывающих на малую родину человека. Имеются примеры изменения и официальной фамилии [см. Приложение 3 блок №1].

Таким образом, географический компонент тесным образом связан с другими компонентами фамильного антропонима-текста (этнографическим, структурно-словообразовательным и фонетическим) и позволяет определить малую родину и историю формирования современного ареала тех или иных типов атрополексем.

2.7. Структурно-словообразовательный и фонетический компонент

Фамильные антропонимы, как и топонимы, относятся к сфере кодифицированной лексики. Будучи элементом полной официальной формулы именованного человека (имя и отчество), фамильные антропонимы требуют контроля со стороны теории и практики культуры речи. Например, известно, что затруднения регулярно возникают при употреблении в речи так называемых нестандартных фамилий: *Зуб, Ус, Борода, Матвиенко, Козленок, Продан* и т.д. По этой причине авторы справочных изданий по русской антропонимии регулярно дополняют свои труды материалами, содержащими определённые правила употребления в речи таких фамильных антропонимов [Суперанская 2003, Суперанская 2010] или целиком посвящены этой теме [Калакуцкая 1984].

Обстоятельства и причины актуализации информации, хранящейся в данном компоненте, разнообразны. Процесс формирования русских фамильных антропонимов начался почти пять столетий назад. За этот период большие изменения произошли в самом русском языке. В значительной степени эти изменения нашли отражение в формировавшихся на протяжении столетий фамильных антропонимах. Их основами стали многочисленные диалектные формы имён и прозвищ, архаичные и более поздние варианты их записи. Поэтому, например, от имени *Меньшик*, которое, с точки зрения современного русского человека, просто не может быть записано никак иначе, за этот период в разных регионах были образованы несколько разных фамилий *Меньшиков, Менишков, Менищиков* и даже *Меньщииков*.

Каноническое крестильное имя *Кирилл* из-за существования другого варианта записи (*Курил*) стало основой множества фамилий, в которых сегодня сложно узнать «первоисточник»: *Кириллов, Кирилов, Курилов, Курилов, Кириллин, Кирилин, Курилин, Курилкин, Киришев, Киришков, Куричков, Курьшикин, Киришов, Киров, Кирков, Киркин, Куров, Курков, Куркин* и др.

По подсчётам Б.О. Унбегауна, только от имени Иван было образовано почти 100 русских фамилий [Унбегаун 1995: 80-81]. При этом он, согласно получившей в XX столетии тенденции не считать русскими даже бытующие у русских фамилии, если они не дооформлены наиболее распространёнными у русских патронимическими суффиксами (-ов, -ев, -ин, -ын, -ский, -цкий, -вич, -ич), не включил в их число такие фамилии, как *Ивашенко* и даже *Ивашенков*, а также оформленные суффиксами (-енок/-ёнок, -ук/-юк) или вообще не имеющие посессивных суффиксов (*Санько, Вахно, Мацун*); не учитывал фамилии, образованные от западной формы этого имени – *Ян* (бытовавшей и у русских жителей юго-запада России) и его различных производных форм.

Это разнообразие древнерусского именника, проявлявшееся в вариативности личных имён и наличии разных способов образования патронимических и матронимических фамилий, в полной мере нашло отражение в современном русском фамильном антропонимиконе. Спустя столетия, когда современный русский человек не понимает значения основы того или иного антропонима, имеет другой уровень образования, он часто считает «правильными» графические варианты фамилий, созданные по правилам современного литературного языка. Поэтому регулярно вызывает затруднения написание фамилий, имеющих разные исторически сложившиеся графические варианты записи: *Чернышов* и *Чернышёв*, *Синицин* и *Синицын*, *Смирницкий* и *Смирнитский* и др.

Сложные случаи употребления представляет и орфоэпия некоторых фамильных антропонимов: *Солдатенков* и *Солдатёнков*, *КотенкОв* и *Котёнков* [Чумаков 2004], *Иванов* и *ИвАнов* и т.д. Во многих случаях для участников акта речевой коммуникации значимыми становятся вопросы морфемного состава фамильного антропонима, его словообразовательная модель. При этом, как мы можем наблюдать, данный компонент имеет пересечения с другими компонентами плана содержания фамильного антропонима-текста.

Присутствие в том или ином фамильном антропониме определённых и регулярно повторяющихся в других фамилиях словообразовательных элементов довольно регулярно актуализируется участниками коммуникативных актов. Речь идёт о том, что данный компонент проявляет особое качество – наиболее тесную связь с другими компонентами плана содержания фамильного антропонима-текста. В частности, интуитивное «отбрасывание» суффикса актуализирует наше знание о морфемном составе конкретного фамильного антропонима.

В свою очередь, это приводит к тому, что в ходе речевой коммуникации может актуализироваться этимологический компонент. Ср.: «Люткевич, не злобствуй» или «Зачем Кровопускову сабля? Он и голым пальцем победит».

Определённые суффиксы актуализируют этнографический компонент. Ср. московская семья Васюковых, родственники проживают в Твери и Санкт-Петербурге: «А Вы нам что там напишете, что мы украинцы? Ну, это, наверное, очень давно» [Из архива ИИЦ «История фамилии», 2008 г.].

Высокая частотность среди выходцев с Украины фамилий, оформленных суффиксами *-ук*, *-юк*, стала причиной того, что и свою фамилию выходцы из северо-западных русских земель стали считать украинской, хотя *Васюк* – традиционная для многих русских говоров уменьшительная форма имени *Василий*. Ср.: Васюк Ворыпай Дмитриев сын Нармацкого, помещик в городе Демоне (новгородские земли), 1495 г. [Тупиков 2005: 120]; Васюк Васильев сын Булгак Плещеев, помещик в Ситенском погосте (новгородские земли), 1495 г. [Тупиков 2005: 93]; Васюк Бахтеяр, московский подьячий, 1501 г. [Тупиков 2005: 66]; Заец Васюков сын, своеземец в Которском погосте (новгородские земли), 1498 г. [Тупиков 2005: 183]; Бушмак Васюков, крестьянин Андомского погоста, 1563 г. [Кюршунова 2010: 78]. Таким образом, происходит актуализация, точнее – в данном случае – псевдоактуализация значения служебной морфемы.

Но возможна и настоящая актуализация, которая наблюдается в фамильных антропонимов, содержащих суффикс *-ск-*, выступающий в двух разных качествах. Например, данный суффикс участвовал в образовании семейного прозвания представителей многочисленных родов князей *Ростовских* (*Щепины-Ростовские, Лобановы-Ростовские* и др.), которые, будучи владельцами Ростовского княжества, просто получили семейное прозвание по имени своей вотчины. Иначе происходило образование фамилии *Ростовский* у представителей других сословий. В случае, если купец, ремесленник или крестьянин переселялся из Ростовского уезда или города Ростова в другой регион, он мог получить от новых земляков соответствующее прозвище – *Ростовский*, непосредственно указывающее на выходца из города или уезда. И в этом заключается одно из проявлений вариативности фамильных антропонимов – из официальной формы записи фамильного антропонима мы не всегда можем сделать однозначный вывод о его словообразовательной истории. Например, фамилию *Зарецкий* мог получить выходец из села с названием Заречье, но и человек, переселившийся в город из любого небольшого селения, расположенного «за рекой» по отношению к этому городу. Об актуальности этого знания напоминает история возникновения фамилии президента факультета журналистики МГУ им.М.В.Ломоносова Ясена Николаевича Засурского (см. п. 1.4.). В этом плане данный компонент, безусловно, тесно пересекается с географическим компонентом, о чём напоминают и другие примеры, когда при смене фамилии при помощи формантов *-ский, -цкий, -ская, -цкая* человек актуализирует в новой фамилии имя своей малой родины. В связи с этим интересен упоминавшийся ранее пример перемены фамилии уроженцем деревни *Башкина* Василием Никитичем *Желудковым* на новую – *Башкинский* [см. Приложение 3 блок №1].

«Переключка» семантики основ обеих фамилий не просто языковая игра (внутренние органы, части тела). Как известно, в старину существовала традиция давать детям мирские имена из одной группы лексики. Не

исключено, что деревня Башкина и предок Василия Желудкова были родственниками, представителями одного или разных поколений семьи. Так, кроме имён *Башка* и *Желудок* по грамотам XVI–XVII веков можно проследить и такие имена, как *Нога*, *Живот*, *Голова*, *Палец*, *Рука* и т.д. Номенклатура частей тела и внутренних органов, видимо, ограничивалась лишь воспитанием и богобоязненностью родителей. Об этом напоминают старинные грамоты: Тренька Хуй, стрелец, в 1565 году живший в Свияжске и владевший собственным домом [Города России 2002: 349]; владевший в 1578 году половиной дома в посаде Галича Левка *Пиздюрин* [Русский дипломатарий 1998: 174] или существовавшая в XVI веке в Ярославском уезде деревня *Пиздюркина* [Русский дипломатарий 2001: 217].

Отметим, что вариативность фамильных антропонимов проявляется и в их орфоэпии, в наличии диалектных вариантов их произношения. В свою очередь, фонетическая вариативность находит отражение в грамматической, что способствует возникновению различных графических форм записи, различающиеся не только графической формой, но и разной географией распространения: *Лемтюгов* и *Лемцюгов*, *Тепляков* и *Цепляков* или упомянутые выше *Меньшиков*, *Меншиков*, *Менщиков* и *Меньщиков*. В этом ярко проявляется тесная связь как между частями одного компонента, так и между разными компонентами структуры плана содержания фамильного антропонима.

Способность именных и фамильных антропонимов к вариативности часто приводит к экстралингвистическим социальным коллизиям, которые позднее в правовой сфере приобретают особую остроту, вызывая юридические коллизии. В практической работе сотрудникам ИИЦ «История фамилии» достаточно часто приходится сталкиваться с ситуациями, когда в разных документах одного человека его фамилия записана по-разному: *Онуфриев* и *Ануфриев*, *Какунина* и *Кокунина* и т.д. Это нередко вызывает проблемы у наследников, обращающихся за необходимыми экспертными

заклЮчениями в Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), www.rusexpert.ru.

Большинство русских фамилий образовано при помощи патронимических суффиксов. Такое типовое морфологическое оформление несколько «затемняет» семантику их основ. Но свою роль играет прозрачность большей части служебных морфем и даже просто большая повторяемость тех, этимология которых современному русскому человеку может быть и неизвестна. Например, формант *-енко* большинством воспринимается просто как регулярно повторяющийся компонент структуры большого числа фамилий. Ср. мнение носителя фамилии *Запорожченко*: «Моя фамилия состоит из слова *Запорожье*, к которому прибавили украинское *-ченко* [Из архива ИИЦ «История фамилии», 1999 г.]. Это позволяет легко выделять из состава фамильных антропонимов корневую морфему с прозрачной семантикой (*Макаревич – Макар*, *Соколов – Сокол*, *Лосенко – Лось*), так и эмоционально окрашенную (*Толстов – Толстый*, *Криворучко – Криворукий*).

При этом часто происходит псевдоактуализация значения корневой морфемы: *Шевченко – Шеф* (здесь можно наблюдать и проявление вариативности фамильного антропонима, основанной на трудном случае орфоэпии), *Босенко – Босс*. Из воспоминаний москвичей 80-х годов XX в., нам известен случай употребления в узком кругу студентов в «сокращённой» форме образованной от диалектного варианта имени *Фёдор* фамилии *Пидоренко*, что очень расстраивало обладателя этой фамилии – их сокурсника, достойного молодого человека.

Регулярность актуализации структурно-словообразовательного компонента плана содержания фамильного антропонима подчёркивают ученые, рассуждая о том, что было интересно провести конфронтацию лексических основ, положенных в основу новых фамилий у латышей и у русских в 30-е годы, характеризовавшиеся и в Латвии, и в России тенденцией

к обновлению именника [Теория и методика ономастических исследований 2009].

Как известно, латыши предпочитают выбирать для фамилий лексемы, обозначающие родную флору или особенности ландшафта, русские же при выборе новой фамилии обращают внимание на её форму, т.е. нестандартные фамилии стараются заменить стандартными. Русский, отвергающий фамилию Баран, обычно меняет её на Баранов, как бы «нейтрализует» первоначальную апеллятивную семантику основы. В латышском языке, где фамилии морфологически не унифицированы, обычно выбирается новая антропооснова, чаще всего созвучная прежней, нередко с сохранением инициальной части [Теория и методика ономастических исследований 2009: 113].

Таким образом, в зависимости от прозрачности семантики корневой морфемы особенность самых распространённых «стандартных» типов русских фамильных антропонимов заключается в их суффиксальном оформлении, что приводит к регулярной актуализации не только этого компонента, но и других компонентов, в частности этимологического, географического и этнографического.

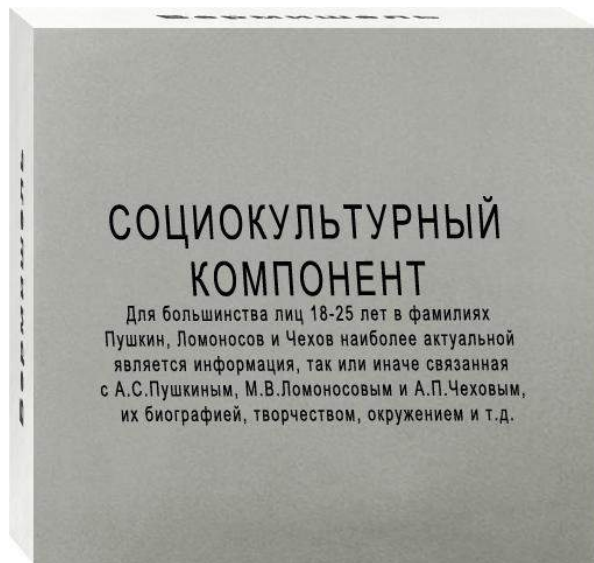
2.8. Компонентная структура фамильного антропонима-текста как алгоритм создания «Нового словаря фамилий жителей г. Москвы»

В процессе проверки гипотезы о возможности представления фамильного антропонима как определённым образом свёрнутого текста нами были выделены шесть компонентов, присутствующих в плане содержания любого фамильного антропонима: этимологический, этнографический, социокультурный, статистический, географический, структурно-словообразовательный и фонетический компоненты.

В конкретных актах речевой коммуникации каждый из этих компонентов может быть в той или иной объёме развёрнут и актуализирован. Число актуализируемых компонентов, качественный и количественный

состав их содержания, зависят от типа речевой коммуникации, от её целей и задач, от её конкретных условий, от участников диалога и полилога.

Форму и детали подобной актуализации можно представить при помощи виртуальной 3D-модели, представляющей план содержания конкретного фамильного антропонима в виде куба, на гранях (плоскостях которого) которого визуализируется конкретный компонент-модуль, актуальный для данных участников той или иной речевой ситуации в соответствии с её задачами и условиями.

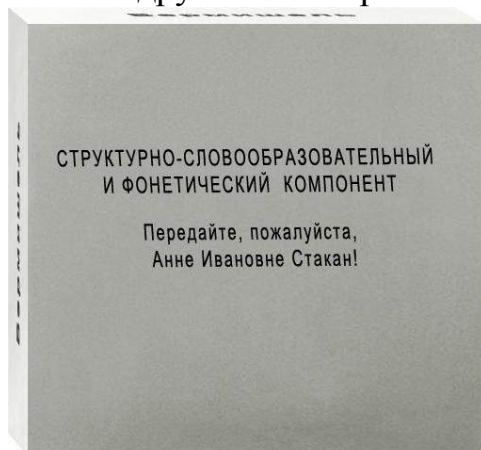
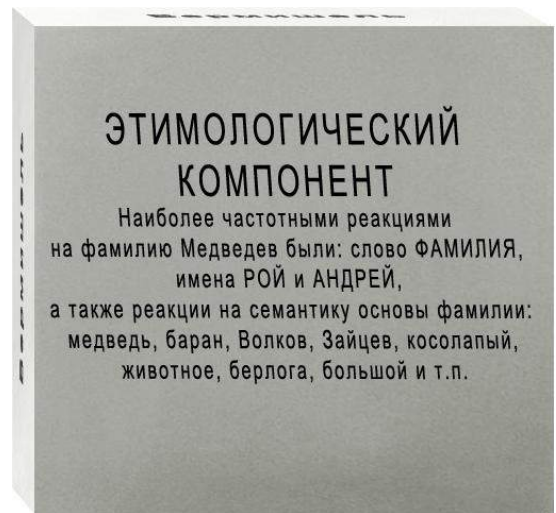
Упоминание фамилии *Пушкин* в разговоре студентов (на лекции, в ходе семинара и т.п.) актуализирует для всех участников этой коммуникации, главным образом, социокультурный компонент. Несмотря на наличие «прозрачной» семантики основы фамильного

антропонима, практически никто из участников таких коммуникативных актов не вспоминает орудие, предназначенное для стрельбы, тем более, реальную основу данного фамильного антропонима – нецерковное имя *Пушка*, восходящее к нарицательному *пух*. Фамилия общеизвестна, поэтому её использование в речи не вызывает никаких затруднений – не актуализируется структурно-словообразовательный и фонетический компонент.

Аналогичным образом происходит сверхактуализация социокультурного компонента при упоминании фамилий *Ломоносов* и *Чехов* (см. примеры из Русского ассоциативного словаря в п 3.1): такой эффект достигается благодаря наличию общеизвестного представителя данной фамилии. Наиболее актуальным оказывается социокультурный компонент плана содержания фамильного антропонима *Пушкин* даже в том случае, если

в коллективе есть «свой» Пушкин – обладатель такой же фамилии. Главной составляющей экстралингвистической информации, заложенной в фамилии *Пушкин*, для большинства русских людей является денотат – самый знаменитый её представитель или же человек с такой же фамилией из близкого круга общения.

Согласно данным, полученным авторами Русского ассоциативного словаря, актуализация плана содержания фамилии *Медведев* происходила иначе. Наиболее актуальным для всех лиц студенческого возраста оказался этимологический компонент плана содержания этого фамильного антропонима. Можно предположить, что после того, как на протяжении длительного времени должность премьер-министра, а в 2008–2012 и президента Российской Федерации занимал Д.А. Медведев, для большинства участников нового опроса (если он будет проведён сейчас) наиболее актуальным окажется социокультурный компонент. Благодаря важной роли премьера и президента Медведева данная фамилия перестала быть лишь одной из единиц русского фамильного антропонимикона, она перешла в разряд прецедентных имён, стала заметной частью русской истории и культуры.

В других актах речевой коммуникации могут актуализироваться иные

компоненты плана содержания фамильного антропонима-текста. Ср. результаты мини-эксперимента, проведённого в ИИЦ «История фамилии» в октябре 2011 года. «Есть Мария Ивановна Стакан. Составьте фразу с просьбой передать ей письмо». Из 20 участников эксперимента (посетителей

центра) 14 попытались употребить в предложении фамилию в дательном падеже или затруднились самостоятельно составить предложение. Несмотря на семантическую «прозрачность» фамилии *Стакан*, для большей части опрошенных самым актуальным оказался структурно-словообразовательный и фонетический компонент плана содержания этого фамильного антропонима.

Наличие большого числа фамильных антропонимов, бытующих в России; поистине огромного числа социальных, культурных и стилистических коннотаций, ими вызываемых; разнообразие их словообразовательных форм, наличие большого числа сложных случаев орфоэпии и т.д., а также сама специфика имени собственного как особого языкового знака [Шарандин 2001: 121] продиктовывает практические и просветительские цели.

Фамильный антропоним как памятник языка, культуры и истории русского народа и других народов многонациональной Российской Федерации настоятельно требуют интенсификации процесса составления многоплановых словарей, позволяющих их читателям получить комплексную информацию обо всех компонентах плана содержания фамильных антропонимов.

Современный уровень развития компьютерных технологий позволяет ономастологам удовлетворить заметно возросшие потребности общества в получении достоверной информации о происхождении и истории фамилий, о правилах их употребления на письме и в устной речи и т.д.

Заметим, при рассмотрении нарицательной лексики учёные также указывают что на необходимость поиска новых средств репрезентации плана содержания лексических единиц. По мнению А.Л. Шарандина, «словарное толкование, сориентированное на объяснение значения слова, не оказывается единственным параметром словарной статьи (структуры), поскольку включает также и другие виды информации (акцентную, грамматическую, коннотативную, стилистическую, сочетаемостную). ...нам представляется

следующая структура словарной статьи в толковом словаре. Словарная статья описывает определённое семантическое пространство лексемы. Это пространство не одномерное, а многомерное, поскольку представляет собой взаимосвязь и взаимодействие различных по семантическому содержанию пространств» [Шарандин 2005: 304-305].

Разделяя мнение авторов работы «Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка» о том, что «наблюдаемый сегодня «лексикографический бум», отражающий как наметившееся осознание ценности культуры, так и чисто прагматические запросы, пока меняет ситуацию главным образом в количественном, но не в содержательном аспекте» [Козырев, Черняк 2000: 10], А.Л. Шарандин определяет направления деятельности лексикографов, которые позволят совершить данный качественный переход: «...качественное изменение в лексикографии произойдёт тогда, когда не будет разрыва между лексикографией и другими разделами языкознания, теоретические изыскания в которых могут найти применение в лексикографии» [Шарандин 2005: 308-309].

Теория М.В. Горбаневского о представлении топонима в виде определённым образом структурированного свёрнутого текста предоставила в распоряжении исследователям ИИЦ «История фамилии» строгое теоретическое обоснование и методику, позволяющую оптимизировать исследовательский процесс. Это выводит нас на возможность создания «Нового словаря фамилий жителей г. Москвы», в котором будут на практике воплощены теоретические положения о фамильном антропониме как свёрнутом тексте, представлена максимально подробная и актуальная для современников информация о плане содержания фамилий жителей города Москвы. Данная методика позволяет исследователю рассматривать фамильный антропоним не только в диахроническом, но и в синхроническом аспекте.

Традиционно авторы антропонимических справочных изданий представляют читателю в каждой словарной статье главным образом

диахронический срез плана содержания конкретного антропонима (личного имени или фамилии). Синхронический аспект в академических справочных материалах отражается редко и фрагментарно. Использование описанной нами методики открывает возможность её широкого использования в исследовании и описании других видов имён собственных.

В частности, как показывает опыт ИИЦ «История фамилии», данная методика в полной мере соответствует задаче комплексного исследования не только русских фамильных антропонимов. Это особенно актуально при комплексном описании общероссийского или регионального фамильного антропонимикона, в том числе, например, фамилий жителей Москвы.

Москва – многонациональный город. Многонациональная история Москвы ярко запечатлена в исторической городской топонимии: Маросейка, Армянский переулок, Большая и Малая Грузинские улицы, Татарские улицы и переулки – все эти топонимы напоминают о национальном составе их первых жителей, потомки которых, определяющие себя русскими или представителями тех же народов, к которым принадлежали их далёкие предки, являются коренными жителями Москвы.

Составляя словарь московских фамилий, ономастолог не может не включить в состав этого словаря фамилию, например, *Ахмадулин*. Эта фамилия может стать объектом исследования авторов «Словаря русских фамилий жителей г. Москвы» и «Словаря татарских фамилий г. Москвы», и в этом нет противоречия.

Учитывая насыщенность каждого фамильного антропонима-текста лингвистической и экстралингвистической информацией, следует признать, что многие фамилии имеют право быть отнесены авторами ономастических словарей в зависимости от тематической направленности их исследования к разным группам фамильных антропонимов. Как мы видим, категории «русская фамилия» или «татарская фамилия» имеют области пересечения. Причём, вопреки распространённому мнению о том, что такое пересечение

связано исключительно с обрусением части потомков представителей татарского этноса, это далеко не так.

В архиве ИИЦ «История фамилии» собрано немало примеров бытования «русской фамилии» (*Комаров, Белоусов* и т.д.; тем более, фамилий, восходящих к именам, пришедшим к народам России с религиями, питающимися из Ветхого Завета: иудаизм, христианство и ислам) у представителей разных национальностей, и наоборот – бытования у русских людей фамилий, на первый взгляд, возникших у иноземцев, переселившихся в Россию, но в действительности принадлежащих коренным русским жителям (*Туппор, Нибуш* или *Герцен*; а также, содержащих иноязычные основы, кроме восходящих к церковному имени (например: *Абдулов, Армяков, Башкин, Баскаков*).

Использованное нами определение понятий *национальная фамилия* (русская фамилия, татарская фамилия, армянская фамилия и т.д.), представленное понимание вариативности фамильных антропонимов и предложенная методика комплексного исследования и описания фамильного антропонима как определённым образом структурированного и свёрнутого текста позволяют:

Во-первых, сделать «Новый словарь фамилий жителей г. Москвы» максимально информативным и полезным как простому читателю, так и специалисту, проводящему исследования в области ономастической лексики. Примеры словарных статей (только текст) будущего словаря приводятся в Приложении №2.

Во-вторых, стройная, сжатая и одновременно насыщенная структура плана содержания фамильного антропонима как свёрнутого текста позволяет перейти не просто к созданию нового словаря фамилий, но одновременно и его электронной версии. Любой компьютерный продукт требует от вводимого в него информационного массива чёткой и хорошо организованной структуры. Кроме того, методика выявления основных знаний, заключённых в компонентах плана содержания фамильного

антропонима, в полной мере может быть применена в процессе исследования совокупности русских фамилий или, например, фамилий жителей России. Учитывая значительный объём ономастических единиц, которые предстоит обработать его авторам, правильнее будет говорить в будущем не о словаре, а, например, об *автоматизированной гипертекстовой информационно-исследовательской системе «Русские фамилии»*.

Представление структуры плана содержания фамильного антропонима в виде определённым образом структурированного текста, выделение в его структуре строго фиксированного количества тематических компонентов (блоков, модулей) в полной мере отвечает современным информационным технологиям, что позволит интенсифицировать обработку предварительно собранной информации. Например, та часть плана содержания фамильного антропонима-текста, которая заключена в структурно-словообразовательном и фонетическом компоненте, регулярно воспроизводится во многих фамильных антропонимах (*Петренко, Василенко, Слюсаренко; Фомичёв, Амеличев, Савичев; Фомочкин, Ниточкин, Паничкин; Хомченко, Халимонов, Охримчук* и т.д.).

Подробное описание истории происхождения, исконного значения служебных морфем, причин возникновения тех или иных фонетических вариантов может быть предложено в отдельной словарной статье, на которую впоследствии будет отправлять интерактивная ссылка. Таким же образом в данной гипертекстовой базе будут сгруппированы разнообразные элементы других компонентов плана содержания фамильных антропонимов, объединённые в разные связанные между собой таблицы с разными типами содержания (не только текстового, но и графического, мультимедийного).

В процессе пополнения базы новой ономастической единицей, в частности фамильным антропонимом, автору не потребуется объяснять в словарной статье историю и значение каждого компонента его структуры. Достаточно будет указать ссылку на ранее созданную словарную статью, в которой уже содержится детальное описание этой составляющей данного

компонента. Создание гипертекстовых баз такого типа, включающих разные типы лексических единиц, уже прочно вошло в практику, в том числе и интернет-сообщества, поэтому работа с ней не вызовет проблем у пользователей.

Но особенность такой базы данных заключается не в способе введения в оборот нового ономастического материала. Подобная гипертекстовая база данных станет мощным инструментом, позволяющим качественно изменить процесс проведения исследований в области фамильного антропонимикона. Исследователь получит возможность оперативного и комплексного анализа любого фамильного антропонима по всем параметрам, содержащимся в структуре его плана содержания в виде заранее определённых и описанных тематических компонентов. Отчасти такая методика работы уже реализована в ИИЦ «История фамилии». Собранный за годы работы материал, так или иначе связанный с ономастикой разных народов, систематизирован по тематическим группам, предусмотрена возможность полнотекстового поиска по отдельным разделам и всей базе данных.

К сожалению, за прошедшие годы так и не удалось реализовать возможность автоматизированного картографирования, например, исторические упоминания личных и наследственных антропонимов, современных и исторических топонимов. Такая технология, тем более дополненная функцией гипертекстовой ссылки, откроет новую страницу в ономастических исследованиях, поскольку позволит исследователю в короткий срок определить, какая информация об исследуемом им фамильном антропониме уже доступна всем или особым образом авторизованным пользователям базы; предоставит возможность пополнения базы, внесения в неё нового материала и визуализации всего собранного в данной базе материала, имеющего отношение к исследуемому антропониму (разумеется, на карту в этом случае выводятся только те данные, которые возможно картографировать). Такая работа автоматически потребует привлечения данных не только русской ономастики, поэтому, на наш взгляд, её создатели

уже на этапе планирования должны предусмотреть возможность использования многоязычной функциональности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.

Проведённый анализ фамильных антропонимов показал, что в результате многовекового процесса формирования корпуса русских фамилий все его элементы «вобрали» в себя множество смыслов, заложенных изначально в производящих основах, «обросли» новыми смыслами, привнесёнными дополнительной суффиксацией. Эта информация оказалась запечатлённой в словообразовательной структуре фамильного антропонима в качестве своеобразной информационной цепочки, байтов информации, записанных на электронный носитель.

Функции фамильных антропонимов не ограничиваются лишь номинативной функцией. Помимо сугубо лингвистической, фамильные антропонимы несут в себе значительный объём экстралингвистической информации, которая в той или иной степени актуализируется в различных актах речевой коммуникации.

Вариативность фамильного антропонима проявляется не только в наличии у него нескольких (в диахронии) вариантов плана выражения, но также и в вариантах реализации различных компонентов особого плана содержания, степень актуализации которых зависит от особенностей, условий, целеустановок и вида конкретного акта речевой коммуникации.

В определённых актах речевой коммуникации фамильный антропоним может вызывать в сознании коммуникантов целый ряд ассоциативных образов. В связи с этим в структуре плана содержания фамильного антропонима выделяются шесть тематических компонентов: этимологический, социокультурный, этнографический, географический, статистический, структурно-словообразовательный и фонетический.

Предложенная последовательность расположения компонентов произвольна; она не предполагает доминирования одного из них и

второстепенности другого. Все компоненты равноценны и только в комплексе способны дать полное представление о плане содержания фамильного антропонима: процесс такой актуализации можно представить при помощи виртуальной 3D-модели, изображающей план содержания конкретного фамильного антропонима в виде куба, на гранях которого визуализируется тот или иной компонент, актуальный для участников данной речевой ситуации.

Представление фамильного антропонима в виде определённым образом структурированного свёрнутого текста предоставляет в распоряжение исследователя строгое теоретическое обоснование и одновременно методику, позволяющую оптимизировать исследовательский процесс, а также форму репрезентации структуры плана содержания фамильного антропонима. Это выводит нас на возможность создания «Нового словаря фамилий жителей г. Москвы», в котором на практике в полной мере могут быть воплощены теоретические положения о фамильном антропониме-тексте и представлена максимально подробная и актуальная для современников информация о плане содержания фамилий москвичей.

Использование данной методики открывает новые возможности в исследовании и описании других видов имён собственных. Методика в полной мере соответствует задаче комплексного исследования не только *русских* фамильных антропонимов, что особенно актуально при описании общероссийского или регионального, в частности, московского фамильного антропонимикона.

Данная методика позволяет перейти к созданию нового словаря фамилий и одновременно к его электронной версии, поскольку любой компьютерный продукт требует от вводимого в него массива чёткой и хорошо организованной структуры.

Выделение в структуре фамильного антропонима-текста фиксированного количества тематических компонентов (блоков, модулей) в полной мере отвечает требованиям современных информационных

технологий, позволяющих организовывать сбор и многоплановый анализ лексических единиц любого типа. Учитывая значительный объём ономастических единиц, которые предстоит обработать его авторам, правильнее будет говорить не о словаре, а об *автоматизированной гипертекстовой информационно-исследовательской системе «Русские фамилии»*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что современная ономастическая теория представляется неполной без анализа вариативных форм фамильных антропонимов.

Успешное изучение истории антропонимов невозможно без учёта роли и влияния основных форм и вариантов фамильных антропонимов в русском языке. Традиционные справочники, раскрывающие семантику производящих основ фамилий, не в состоянии в полной мере отразить все аспекты функционирования фамильных антропонимов.

Сложившийся фамильный антропонимикон в значительной мере сохранил разнообразие форм и основ русских семейных прозваний, возникших в разных регионах и отражавших широкую вариативность личных и коллективных именовании, богатство лексического состава и мотивов выбора их основ.

Вариативность именных и фамильных антропонимов предписана самой природой имён собственных. Это свойство отчётливо прослеживается при рассмотрении истории становления и официального оформления русских фамильных антропонимов.

Изучение всей совокупности фамильных антропонимов позволило, с одной стороны, выявить и объяснить вариативность современного русского фамильного антропонимикона, с другой стороны, подтвердить с привлечением разного по объёму и характеру фактического материала те тенденции, которые намечаются в современной антропонимике.

Фамилии, как и любые другие элементы антропонимической системы, являются одновременно значимой частью социальной системы: их функции не ограничиваются функцией идентификации, выделения одной семьи (рода) из числа других аналогичных «ячеек общества».

подавляющее число фамилий не уникальны: одинаковые фамилии носят десятки, сотни, тысячи, а некоторые фамилии, такие, например, как

Ивановы и *Кузнецовы*, – и миллионы русских людей, принадлежащих к семьям, не связанным даже отдалённым родством, проживающим в разных регионах России и мира. Часть таких фамилий, не обязательно входящая в группу высокочастотных, может обладать широкой известностью (по причине древнего происхождения, наличия ряда носивших её деятелей науки и искусства, государственных деятелей и т.п.).

Большая или меньшая частотность тех или иных фамилий, наличие ярко выраженных ареалов разных типов фамильных антропонимов не объясняется фактором случайности. За ними скрывается долгая история развития – сначала системы личных антропонимов, патронимов (матронимов, дедичеств) и лишь позднее – наследственных семейных именовании, часть которых на определённом историческом этапе получила статус официальной фамилии.

Все потенциально хранящиеся в составе фамильного антропонима значения (смыслы) в той или иной степени раскрываются в ходе особых речевых коммуникативных актов, которые можно определить как *речевая ономастическая ситуация*.

Процесс актуализации антропонима можно представить при помощи виртуальной 3D-модели, изображающей план содержания конкретного фамильного антропонима в виде куба, на гранях которого визуализируется тот или иной компонент, актуальный для участников данной речевой ситуации.

Компоненты структуры плана содержания фамильного антропонима-текста являются равноценными и в совокупности составляют законченную конструкцию, определяющую полный комплекс значений (смыслов), содержащихся в фамильном антропониме.

Для дальнейшего плодотворного изучения русской фамильной антропонимии, необходимо введение однозначно трактуемого определения понятия *«русская фамилия»*. Это *фамилия, бытующая у русских и не*

имеющая формальных признаков наследственных именовании, не свойственных русской традиции.

Фамильный антропонимикон представляет собой значимый элемент языка и культуры, определённый социальный знак, важный памятник истории русского народа и каждой конкретной семьи.

Предложенная нами методика позволяет перейти к созданию «Нового словаря фамилий жителей г. Москвы», других ономастических словарей нового типа, а также гипертекстовых информационно-исследовательских ономастических баз, подтверждающих и развивающих в процессе практического воплощения теорию онима-свёрнутого текста и в полной мере соответствующих требованиям и возможностям новейших информационных технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія [Текст] / М.В. Бірыла. – Мінск, 1966. – 328 с.
2. Беляева М.Ю. Ономастикон западных районов Краснодарского края [Текст] / М.Ю. Беляева: автореф. дисс... д-ра филол. наук: 10.02.01 – Ставрополь, 2010. – 38 с.
3. Богоявленский, С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков [Текст] / С.К. Богоявленский; отв. ред. и авт. предисл. С.О. Шмидт; Сост., авт. вступит, ст., коммент., подгот. А. В. Топычканов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 608 с.
4. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
5. Болдырев, Н.Н. О понятии культуры и культурологическом анализе языка [Текст] / Н.Н. Болдырев // Филология и культура: сб. докл. – Тамбов: ТГУ, 2007. – С. 27–32.
6. Болдырев, Н.Н. Концептуальная основа языка [Текст] / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка / Вып. IV. Концептуализация мира в языке: Коллектив. монограф. Москва – Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009.
7. Болотов, В.И. К вопросу о значении имени собственных [Текст] / В.И. Болотов // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 333–345.
8. Болотов, В.И. Назывная сила имени и классификация существительных в языке и речи [Текст] / В.И. Болотов // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. – М.: Наука, 1979. – 350 с.
9. Бондалетов, В.Д. Ономастика и социолингвистика [Текст] / В.Д. Бондалетов // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 17–23.

10. Бондалетов, В.Д. Пенза ономастическая [Текст] / В.Д. Бондалетов // Вопр. антропонимики. Вып. 3: сб. статей / сост. и ред. А.И. Назаров. – Алматы, 2005. – С. 72–84.
11. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика [Текст] / В.Д. Бондалетов. – Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 312 с.
12. Бондалетов, В.Д. Русский именник прежде и теперь: к сопоставительно-диахроническому изучению состава и употребительности личных имён [Текст] / В.Д. Бондалетов // Русская ономастика. – Рязань: Рязан. пед. ин-т, 1977. – С. 17–39.
13. Бурвилова, Н.Д., Костомаров, В.Г. Воспроизводимые сочетания слов как лингвокогнитивная и терминологическая проблема [Текст] / Н.Д. Бурвилова, В.Г. Костомаров // Филологические науки. 2006. № 2. – С. 45–53.
14. Васильева, Н.В. Собственное имя в мире текста [Текст] / Н.В. Васильева. – Изд. 2-е, испр. М., 2009. – 224 с.
15. Верховых, Л.Н. Антропонимическое пространство сёл Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области [Текст] / Л.Н. Верховых: автореф. дисс...кандидата филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2008. – 20 с.
16. Веселовский, С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии» [Текст] / С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 382 с.
17. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
18. Виноградов, В.В. История слов [Текст] / В.В. Виноградов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Отв. ред. Н.Ю.Шведова. – М., 1999. – 1139 с.
19. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
20. Вуйтович, М. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв. Северо-восточная Русь [Текст] / М. Вуйтович. – Познань, 1986. – 305 с.

21. Вуйтович, М. Из истории параллельных христианских личных собственных имён в русском языке [Текст] / М. Вуйтович // *Studia Rossica Posnaniensia. Zeszyt XXIX.* – Poznań, 2001. – p. 91–97.

22. Горбаневский, М.В. В мире имён и названий [Текст] / М.В. Горбаневский. – М.: Знание, 1983. – 192 с.

23. Горбаневский, М.В. Москва: кольца столетий. Из истории названий местностей и районов, улиц и переулков столицы [Текст] / М.В. Горбаневский. – М.: Олимп: Астрель: АСТ, 2007. – 441 с.

24. Горбаневский, М.В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды [Текст] / М.В. Горбаневский. – М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1988. – 88 с.

25. Горбаневский, М.В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей [Текст] / М.В. Горбаневский. – М.: Общество любителей российской словесности, 1996. – 304 с.

26. Горбаневский, М.В., Максимов, В.О. Вре́мён связу́ющая нить: Фамилии – памятники языка, истории, религии, культуры народов России [Текст] / М.В. Горбаневский, В.О. Максимов. – М.: ООО ИИЦ «История фамилии», 2008. 52 с.

27. Горелова, Л.Д. История фамилий жителей с. Чигорак Борисоглебского района Воронежской области (1746-2010 гг.) [Текст] / Л.Д. Горелова: автореф. . дисс...канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж 2011. – 19 с.

28. Данилина, Е.Ф. Прозвища в современном русском языке [Текст] / Е.Ф. Данилина // *Восточнославянская ономастика. Материалы и исследования.* – М., 1979. – С. 281-297.

29. Дмитриев, В.Г. Скрывшие своё имя. Из истории псевдонимов и анонимов [Текст] / В.Г. Дмитриев. – М.: Наука, 1970. – 255 с.

30. Журавлёв, А.Ф. К статистике русских фамилий [Текст]. Ч.1. / А.Ф. Журавлёв // *Вопросы ономастики.* – Екатеринбург, 2005. – №2. – С. 126-

146.

31. Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект [Текст] / А.А. Зализняк. – 2-е издание, переработанное с учётом материала находок 1995–2003 гг. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
32. Калакуцкая, Л.П. Склонение фамилий и личных имён в русском литературном языке [Текст] / Л.П. Калакуцкая. – М.: Наука, 1984. – 221 с.
33. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
34. Карнович Е.П. Собрание сочинений: В 4 т. Т.2 [Текст] / Сост. Т. Прокопов. – М.: ТЕРРА, 1995. – 656 с.
35. Козырев, В.А., Черняк, В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка [Текст] / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – 356 с.
36. Королёва, И.А. Ономастические пространства и поле в языке [Текст] / И.А. Королёва // Русская речь. 2003. – № 2. – С. 86-86.
37. Лопатин, В.В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования [Текст] / В.В. Лопатин. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
38. Лопатин, В.В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания [Текст] / В.В. Лопатин. – М.: Наука, 1977. – 315 с.
39. Луначарский, А.В. Собрание сочинений [Текст] / А.В. Луначарский: Тт. I–VIII. – М.: «Художественная литература», 1963. – Т.1. – 614 с.
40. Мадиева, Г.Б., Супрун, В.И. Теоретические основы ономастики [Текст] / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун. – Алматы – Волгоград, 2011. – 280 с.
41. Матвеев, А.К. Ономатология [Текст] / А.К. Матвеев. – М.: Наука; Отд-ние ист.-филол. наук РАН, 2006. – 292 с.
42. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика [Текст] / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
43. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) [Текст] / Б.Н. Миронов. – Т.1, СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. – 548 с.

44. Мосин, А.С. Уральские фамилии: Материалы для словаря [Текст] / А.С. Мосин. – Т. 1. Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). – Екатеринбург, 2000. – 496 с.
45. Никонов, В.А. География фамилий [Текст] / В.А. Никонов. – М.: КомКнига, 2005. – 200 с.
46. Никонов, В.А. Имя и общество [Текст] / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
47. Никонов, В.А. Рассказывают рязанские фамилии [Текст] / В.А. Никонов // Наука и жизнь. 1986. №6. – С. 139–142.
48. Никонов, В.А. Русские фамилии: Москва XVI–XX вв. [Текст] / В.А. Никонов // Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). – М. 1987. – С. 5–15.
49. Никонов, В.А. Системы личных имён [Текст] / В.А. Никонов // Системы личных имён у народов мира. – М.: Наука, 1989. – С. 5–9.
50. Олейникова, С.Д. «Ономастическое пространство г. Моршанска: социальный аспект» [Текст] / С.Д. Олейникова: автореф. ... дисс...канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2007. – 23 с.
51. Ономастика и общество: язык и культура [Текст]: Мат-лы Первой Всероссийской научной конференции (13-14 октября 2010 года) / отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов, 2010. – 222 с.
52. Откупщиков, Ю.В. Очерки по этимологии [Текст] / Ю.В. Откупщиков. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 482 с.
53. Пеньковский, А.Б. Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» [Текст] / А.Б. Пеньковский // Ономастика и норма. – М.: Наука, 1976. – С. 79–107.
54. Писарев, Д.И. Литературная критика [Текст] / Д.И. Писарев. – Тт. I–III. Статьи 1859–1864 гг. – Л.: Худож. лит., 1981. – Т.1. – 384 с.
55. Пядышева, Т.Г. Сходства и различия фамильной антропонимии Дона и Тамбовщины [Текст] / Т.Г. Пядышева // Ономастика и общество: язык и

культура. Мат-лы Первой Всерос. науч. конф. (14-15 октября 2010). – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина., 2010. – 222 с.

56. Редько, Ю.К. Современные украинские фамилии [Текст] / Ю.К. Редько. – Киев, 1969. – 215 с.

57. Романова, Т.Н. Российские фамилии украинского происхождения [Текст] / Т.Н. Романова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Чебоксары, 2001. – 242 с.

58. Руделёв, В.Г. «У той ли берёзы у пакляпя...» (К вопросу о продуктивности методов морфемного членения русских слов) [Текст] / В.Г. Руделёв // Экология языка и речи: материалы четвертой Международной научной конференции (11–12 ноября 2014 г.) / отв. ред. А.С.Щербак. – Тамбов: Изд. Дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2015. – С. 15–19.

59. Селищев, А.М. Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ [Текст] / // Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 97-129.

60. Смирнова, Т.Г. Фамилии Тамбовской области в антропонимической системе языка [Текст] / Т.Г. Смирнова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2003. – 23 с.

Соколов, А.И. Русские имена и прозвища в XVII в [Текст] / А.И. Соколов. – Казань: Типография Императорского университета, 1891. – 16 с.

61. Соловьёв, А.Н. Смоленская антропонимия конца XV–XVII вв. (личные имена) [Текст] / А.Н. Соловьёв: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Смоленск, 2005. – 22 с.

62. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1975. – 311 с.

63. Суперанская, А.В. Теоретические проблемы ономастики [Текст] / А.В. Суперанская: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 – общее языкознание. – Л., 1974. – 48 с.

64. Суперанская, А.В., Сусллова, А.В. Современные русские фамилии [Текст] / А.В. Суперанская, А.В. Сусллова – М.: Наука, 1981. – 176 с.

65. Суперанская, А.В. К проблеме типологии антропонимических основ

[Текст] / А.В. Суперанская // Ономастика. Типология и стратиграфия. – М.: Наука, 1988. – С. 8–19.

66. Суперанская, А.В. Сулова, А.В. О русских личных именах [Текст] / А.В. Суперанская. – Л.: Лениздат, 1991. – 222 с.

67. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного [Текст] / А.В. Суперанская. – Изд. 2-е. испр. М.: ЛКИ, 2007. – 368 с.

68. Суперанская, А.В. Ономастика начала XXI века [Текст] / А.В. Суперанская / Отв. ред. Н.В. Васильева. – М.: Институт языкознания РАН, 2008. – 80 с.

69. Суперанская, А.В. Человек – фамилия – национальность. К проблеме определения русских фамилий [Текст] / А.В. Суперанская // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: сб. ст. в честь 70-летия В.А. Виноградова. – М.: Языки славянских культур, 2010. – С. 427–436.

70. Супрун, В.И. Размышления над ономастической терминологией [Текст] / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011 – № 8 (62) – С. 133-138.

71. Теория и методика ономастических исследований [Текст] / Отв. ред. А.П. Непокупный. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.

72. Толстая, С.М. «Ономастическая магия» в славянских народных традициях [Текст] / С.М. Толстая // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы Междунар. конф. 30 января–2 февраля. Ч. 2. – М., 2001. – С. 120–122.

73. Толстой, Н.И., Толстая, С.М. Имя в контексте народной культуры [Текст] / Н.И. Толстой, С.М. Толстая // Язык о языке: сб. статей / под. общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 597–624.

74. Топоров, В.Н. Имя как фактор культуры [Текст] / В.Н. Топоров // Исторические названия – памятники культуры: Всесоюз. науч.-практ. конф. – М.: Наука, 1989. – С. 125–129.

75. Трубочёв, О.Н. Из материалов для этимологического словаря

фамилий России: Русские фамилии и фамилии, бытующие в России [Текст] / О.Н. Трубачёв // Этимология 1966: Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. – М.: Наука, 1968. – С. 3–53.

76. Трубачёв, О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования [Текст] / О.Н. Трубачёв. – М.: Наука, 2003. – 489 с.

77. Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии [Текст] / Б.-О. Унбегаун. – М.: Прогресс, 1995. – 448 с.

78. Успенский, Б.А. Из истории русских канонических имён (история ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам) [Текст] / Б.А.Успенский. – М.: Изд-во Московского университета, 1969. – 334 с.

79. Филин, Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков [Текст] / Ф.П. Филин // Историко-диалектологический очерк. – М.: КомКнига, 2006. – 656 с.

80. Фролова, О.Е. Антропоним в жёстко структурированном тексте. [Текст] / О.Е. Фролова // Вопросы ономастики. – Екатеринбург, 2005. – №2. – С. 35–44.

81. Харченко, В.К., Черникова Е.М. Лингвогенеалогия: Имя собственное в жанре семейных родословных [Текст] / В.К. Харченко, Е.М. Черникова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.

82. Чечулин, Н.Д. Личные имена в писцовых книгах XVI в., не встречающиеся в православных святцах» [Текст] / Н.Д. Чечулин. – СПб. : ред. журн. "Библиограф", 1890. – 12 с.

83. Чичагов, В.К. Из истории русских имён, отчеств, фамилий [Текст] / Чичагов В.К. – М.: Учпедгиз, 1959. – 128 с.

84. Шарандин, А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология [Текст] / А.Л. Шарандин. – Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та им. Г.Р. Державина, 2001. – 313 с.

85. Шарандин, А.Л. Словарь как отражение категоризации //

Концептуальное пространство языка [Текст] / А.Л.Шарандин. – Тамбов, 2005. – С. 302–310.

86. Шереметевский, В.В. Семейные прозвища великорусского духовенства в XVIII и XIX столетиях [Текст] / В.В. Шереметевский. – СПб.: 1908. – 113 с.

87. Шмелёв, А.Д.. Пробный камень теории референции [Текст] / А.Д. Шмелёв // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования / Под ред. В.А.Успенского. – М.: 1989. – С. 49-80.

88. Шостка, Е.С. Прозвища Тамбовской области: языковой и социокультурный аспект [Текст] / Е.С.Шостка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2009. – 22 с.

89. Шумарина, Т.Ф. Антропонимическая вариативность в речевой коммуникации: на материале драматургии И.С. Тургенева [Текст] / Т.Ф. Шумарина // Русская ономастика: сборник научных трудов / отв. ред.: Ю.А. Карпенко. – Одесса, 1984. – С. 130–136.

90. Щербак, А.С. Антрополексемы в тамбовской топонимике [Текст] / А.С. Щербак // Русская речь, 2009. – № 1. – С. 108–110.

91. Щербак, А.С. Базовые положения теории когнитивной ономастики [Текст] / А.С. Щербак // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Когнитивная лингвистика. Итоги. Перспективы. М: Ин-т языкознания РАН. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2013. – С. 143–148.

92. Щербак, А.С. Диалектная ономастика в традиционном и когнитивном аспектах [Текст] / А.С. Щербак // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. – № 4. – С. 18-22.

93. Щербак, А.С. К этимологии фамилии Дубасов [Текст] / А.С. Щербак // Ономастика Поволжья: сб. мат-ов XIV Междунар. научн. конф. (Тверь, 10-12 сентября 2014 года). – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014а. – С. 204-207.

94. Щербак, А.С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области [Текст] / А.С. Щербак: Монография. –

Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – 293 с.

95. Щербак, А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте: монография [Текст] / А.С. Щербак. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – 197 с.

96. Щербак, А.С. Репрезентация ономастических концептов в русском языке [Текст] / А.С. Щербак // Когнитивные исследования. Выпуск XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике 10-12 октября 2012 года: сб. мат-ов. М.: Ин-т языкознания РАН; – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 352–355.

97. Щербак, А.С. Таксономическая классификация ономастических единиц как основа разработки проблем когнитивного аспекта ономастики [Текст] / А.С. Щербак // Когнитивные исследования языка. Вып XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев, отв. ред. вып. В.З. Демьянков. – М.–Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014б. – С. 131–136.

98. Щербак, А.С. Фонетический способ репрезентации антропонимического концепта [Текст] / А.С. Щербак // Когнитивные исследования языка. Выпуск XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации. – М.–Тамбов: Институт языкознания РАН, Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 460–465.

99. Щербак, А.С., Жалнина, Е.В. Региональная антропонимика – составная часть ономастики [Текст] / А.С. Щербак, Е.В. Жалнина // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2012а. – Вып. 10 (114). – С. 42–47.

Список использованных словарей и справочников

100. Акты Сузд. – Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506–1608 гг. [Текст]. – М., 1998. – 640 с.

101. Веди́на, Т.Ф., Лебедева, Н.В. Тайны псевдонимов: Словарь для любознательных [Текст] / Т.Ф.Веди́на, Н.В. Лебедева. – М.: «Русский язык»

Курсы: Флинта, 2003. – 232 с.

102. ВТС – Великий тлумачний словник сучасної української мови [Текст] / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.: Ірпінь; ВТФ «Перун», 2001. – 1440 с.

103. Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий [Текст] / И.М. Ганжина. – М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 2001. – 672 с.

104. Горпинич, В.О. Словник географічних назв України (топоніми та відтопонімні прикметники) [Текст] / В.О.Горпинич. – Київ: «Довіра», 2001. – 526 с.

105. Дмитриева, Л.И., Щербак, А.С. Нестандартные фамилии Тамбовской области [Текст] / Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. – СПб, 2004. – 40 с.

106. Дмитриева, Л.И., Щербак, А.С. Ономастика Тамбовской области. Опыт энциклопедии [Текст] / Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. – Ч. I. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 113 с.

107. Дмитриева, Л.И., Щербак, А.С. Ономастика Тамбовской области. Опыт энциклопедии [Текст] / Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. – Ч. II. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2002. – 97 с.

108. Дмитриева, Л.И., Голузо, Л.В., Голузо, И.Г., Щербак, А.С. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник [Текст] / Л.И. Дмитриева, Л.В. Голузо, И.Г. Голузо, А.С. Щербак. – Вып. 1. – Тамбов: Тамб. ун-т, 1998. – 159 с.

109. Дмитриева, Л.И., Голузо, Л.В., Голузо, И.Г., Щербак, А.С. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник [Текст] / Л.И. Дмитриева, Л.В. Голузо, И.Г. Голузо, А.С. Щербак. – Вып. 2. – Тамбов: Тамб. ун-т, 1999. – 163 с.

110. Дмитриева, Л.И., Голузо, Л.В., Голузо, И.Г., Щербак, А.С. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник [Текст] / Л.И. Дмитриева, Л.В. Голузо, И.Г. Голузо, А.С. Щербак. – Вып. 3. – Тамбов: Тамб.

ун-т, 1999. – 163 с.

111. Дмитриева, Л.И., Щербак, А.С. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник [Текст] / Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. – Вып. 4. – Тамбов: Тамб. ун-т, 2000. – 160 с.

112. Дмитриева, Л.И., Щербак, А.С. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник [Текст] / Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. – Вып. 5. – Тамбов: Тамб. ун-т, 2000. – 147 с.

113. Дмитриева, Л.И., Щербак, А.С. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник [Текст] / Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. – Вып. 6. – Тамбов: Тамб. ун-т, 2001. – 157 с.

114. Дмитриева, Л.И., Щербак, А.С. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник [Текст] / Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. – Вып. 7. – Тамбов: Тамб. ун-т, 2002. – 151 с.

115. Дмитриева, Л.И., Щербак, А.С. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник [Текст] / Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. – Вып. 8. Тамбов: Тамб. ун-т, 2003. – 151 с.

116. Дьячков, В.Л., Трофимова, Е.В. Русское наречие в четырёх веках социальной истории страны [Текст] / В.Л. Дьячков, Е.В. Трофимова. – Тамбов: издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – 268 с.

117. Кюршунова, И.А. Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV-XVII вв. [Текст] / И.А. Кюршунова. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2010. – 672 с.

118. Лемцюгова, В.П. Тапонімы распавядаюць: навукова-папулярныя эцюды [Текст] / В.П. Лемцюгова – Мінск: Літэратура і Искусство, 2008. – 416 с.

119. Никонов, В.А. Словарь русских фамилий [Текст] / В.А. Никонов / Сост. Е.Л. Крушельницкий; предисл. Р.Ш. Джарылгасиновой. – М.: Школа-Пресс, 1993. – 224 с.

120. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен: более 3000 имён. [Текст] / Н.А.Петровский. – 6-е изд., стер. – М.: Астрель: Рус. словари;

Кызыл: АСТ, 2005. – 477 с.

121. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

122. Полякова, Е.Н. Словарь пермских фамилий [Текст] / Е.Н. Полякова. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 462 с.

123. Псковский областной словарь с историческими данными [Текст]. – Вып. 13: Зензубель – карляцкий / Под ред. Л.Я. Костючук, И.С. Лутовиновой, Д.М. Поцепни, М.А. Тарасовой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург, ун-та, 2003. 505 с.

124. РАС – Русский ассоциативный словарь [Текст]: в 2 т. Т. 1: От стимула к реакции: около 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. Ф. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов. – М.: Астрель – АСТ, 2002. – 783 с.

125. Русская ономастика и ономастика России [Текст]: Словарь / Под ред. акад. РАН О.Н. Трубачёва. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с.

126. Словарь литовских фамилий (на литовском языке) [Текст]: в 2. т. Т. 1. – Вильнюс: Мокслас, 1985. – 1151 с.

127. Справочник личных имён народов РСФСР: Рек. М-вом юстиции РСФСР в качестве практ. пособия для работников органов записи актов граждан. состояния РСФСР [Текст] / под ред. А.В. Суперанской (отв. ред.), Ю.М. Гусева. – 3-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 656 с.

128. Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / Гл. ред. В.Б. Красько; Ин-т рус.яз. им. В.В.Виноградова РАН. Вып. 27. – М.: Наука, 2006. – 276 с.

129. Словник гідронімів України [Текст]. – Київ: «Наукова думка», 1979. – 780 с.

130. СлРЯ1 – Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / Гл. ред. С.Г. Бархударов: Вып. 1. (А – Б). – М.: Наука, 1975. – 71 с.;

131. СлРЯ6 – Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / Гл. ред. С.Г. Бархударов: Вып. 6 (Зипунь – Иянуарий). – М.: Наука, 1979. – 359 с.;

132. СлРЯ7 – Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / Гл. ред. С.Г.

Бархударов: Вып. 7 (К – Крагуярь). – М.: Наука, 1980. – 404 с.

133. СНЖ – Словарь названий жителей СССР. Около 10000 названий [Текст] / Под ред. А.М. Бабкина и Е.А.Левашова. – М.: Рус. яз., 1975. – 66 с.

134. СУМ – Словарь украинского языка [Текст] / Под ред. Б.Д. Гринченко: в 4 т. Т.2. Репринтне видання. – Київ: «Лексикон», 1996. – 578 с.

135. Суперанская, А.В. Словарь народных форм русских имён [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.

136. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание [Текст] / А.В. Суперанская. – М., 2005. – 384 с.

137. Тупиков, Н.М., Словарь древнерусских личных собственных имен: С прил. [Текст] / Н.М. Тупиков / Подгот. изд. и предисл. Ф.Б. Успенского. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 1032 с.

138. Фамилии Тамбовской области: словарь-справочник. Авторы-сост.: Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак. № 5090 от 11.11.2004 г., номер государственной регистрации 0320401460.

139. Фамилии Тамбовской области: электронный словарь-справочник. Тамбов, 2015». Информрегистр № 41226 от 10 сентября 2015 года. Номер государственной регистрации 0321502590.

140. Федосюк, Ю. А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь [Текст] / Ю.А.Федосюк. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 240 с.

141. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] / П.Я.Черных: в 2 т. Т1. – М.: Рус. яз., 1999а. – 560 с.

142. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст] / П.Я.Черных: в 2 т. Т2. – М.: Рус. яз., 1999б. – 624 с.

143. Чучка, П. Прізвища закарпатських українців [Текст] / П. Чучка: Историко-етимологічний словник. – Львів: Світ, 2005. – 704 + XLVIII с.

144. Hornung, M. Lexikon österreichischer Familiennamen [Текст] / M. Hornung. – Wien. 2002. – 151с.

145. Rymut, K. Nazwiska Polakow. Slownik historyczno-etymologiczny [Текст] / K. Rymut: в 2 т. Т. I. – Krakow, 1999а. – 504 с.

146. Rymut, K. Nazwiska Polakow. Slownik historyczno-etymologiczny [Текст] / К. Rymut: в 2 т. Т. 2. – Krakow, 1999б. – 772 с.

Список источников фактического материала

147. Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. [Текст] / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. – М.; СПб., 2007. – 248 с.

148. Архив ИЦ «История фамилии»: материалы проводившихся сотрудниками центра публичных лекций, устных бесед и переписки сотрудников и посетителей центра; краткие записи содержания иных речевых ономастических ситуаций, сделанные сотрудниками центра в 1996–2015 годах.

149. Бобрович, А. Крым боится пересекать границу с Украиной [Текст] / А.Бобрович. – Газета «Метро», №27, 17.03.2015 г.

150. Булатов, В.Н. Русский Север. Книга вторая: Встречь солнца (XV–XVII вв.) [Текст] / В.Н. Булатов. – Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1998. – 352 с.

151. В детдоме мне дали имя воспитательницы и фамилию Русланова, за мой голос // Газета «Сегодня» (Украина). 12.12.2005. №283(2225) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ukr.segodnya.ua/oldarchive/c2256713004f33f5c22570d4005a6b67.html (дата обращения: 15.11.2014).

152. Из детдомовцев – в знаменитости. Журнал «Собеседник», 14.10.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sobesednik.ru/incident/iz-detdomovtsev-v-znamenitosti> (дата обращения: 07.09.2014).

153. Веселовский, С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии [Текст] / С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 382 с.

154. Гамаюнов, И.Н. Коршун над городищем [Текст] / И.Н. Гамаюнов // Литературная газета. № 41., 19.10.2011.

155. Города России XVI века [Текст]. – М.: Древлехранилище, 2002. –

470 с.

156. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы [Текст] / Сост., введ. статья и коммент. Н. В. Козловой. – Москва: Изд-во Московского университета, 2002. – 608 с.

157. Дедилов. Документы и исследования [Текст]: (Слава предков – потомкам пример. Вып.2). Чч. I–2. Ч. 2. / Сост. А.Н. Лепехин. – М.: ВИТЯЗЬ, 2005. – 685 с.

158. Глуховский, М. Ясен Засурский: В журналистике, как и в медицине, главное – доверие людей / М.Глуховский // Медицинская газета. № 27., 16.04.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mgzt.ru> (дата обращения: 14.09.2014).

159. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII–первой половины XIX в. [Текст]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Памятники исторической мысли, 2007. – 470 с.

160. Леонтьева, В.М. От всей души. Интервью, опубликованное на портале «Ностальгия по советскому» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://1001material.ru/2446.html> (дата обращения: 14.09.2014).

161. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1772 [Текст]. – С.-Петербург: Императорская академия наук; 1772. – 231 с.

162. Морошкин, М.Я. Славянский именовослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке [Текст] / М.Я. Морошкин. – СПб., 1867. – 321 с.

163. Мосин, А.Г. Уральский исторический ономастикон [Текст] / А.Г. Мосин. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2001. – 516 с.

164. Московская деловая и бытовая письменность XVII века [Текст]. – М.: Наука, 1968. – 338 с.

165. Николайчук, И. Ономастикон Великой Победы. Часть 4. АМИ «Новости-Казахстан», 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newskaz.ru/comment/20150430/7948670.html> (дата обращения:

06.05.2015).

166. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. – М., 1996. – 464 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/507075/> (дата обращения: 04.03.2015).

167. Постановление Совмина СССР от 28.08.1974 № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР». Пункт.2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-normy/h6o.htm> (дата обращения: 06.05.2015)

168. ПКК – Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. [Текст]. – Кострома: ООО «КОСТРОМАИЗДАТ–850», 2004. – 432 с.

169. Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. [Текст] / Сост. С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1983. – 478 с.

170. Рабинович, Я.И. В поисках судьбы. Еврейский народ в круговороте истории [Текст] / Я.И. Рабинович. – в 3 кн. Кн.1. – М.: Междунар. отношения, 2001. – 576 с.

171. Раздорский, А.И. Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города) [Текст] / А.И. Раздорский. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. – 762 с.

172. Реєстр Війська Запорозького 1649 року [Текст]. – Киев: Наукова думка, 1995 р. – 592 с.

173. Руководители Санкт-Петербурга [Текст]. – СПб., М.: Издат. дом «Нева», «Олма-Пресс», 2003. – 576 с.

174. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме, 1937, № 62 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pushkin-live.ru/mails/pismo_pushkina_delovye-bumagi-28.html (дата обращения: 19.12.2014).

175. Русский дипломатарий [Текст] / Отв. ред. А.В. Антонов. – Вып. 4. – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 224 с.

176. Русский дипломатарий [Текст] / Отв. ред. А.В. Антонов. – Вып. 5. – М.: Памятники исторической мысли, 1999. – 280 с.

177. Русский дипломатарий [Текст] / Отв. ред. А.В. Антонов. – Вып. 7. – М. Древлехранилище, 2001. – 544 с.

178. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795) [Текст]. – С-Пб.: Академический проект, 2003. – 832 с.

179. У войны – детдомовское эхо... (Воспоминания братьев по судьбе в канун 70-летия Победы). // Молодёжь Дагестана. Общественно-политический еженедельник. 1.05.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://md-gazeta.ru/articles/obshchestvo/ u_voyny_detdomovskoe_ekho (дата обращения: 06.05.2015).

180. Чумаков В.Т. Ё в имени твоём [Текст] / В.Т. Чумаков. – М.: народное образование, 2004. – 160 с.

181. Шабанов, В.М. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. (Библиографический справочник) [Текст]. – М.: Русский миръ, 2004. – 922 с.

182. Шумаков, С.А. Обзор «Грамот Коллегии экономии» [Текст]. Вып. 5: Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде / Составитель Л.И. Шохин. – М.: Древлехранилище, 2002. – 299 с.

ИЗ ОПЫТА КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ФАМИЛЬНЫХ АНТРОПОНИМОВ

Картографирование древнейших упоминаний личных антропонимов, наследственных именований и топонимов, восходящих к общей основе, позволяет выявить малую родину современной фамилии, а также разделить ареалы бытования (возникновения) омонимичных, но не родственных между собой фамилий.

БЕЛЬТЕНЕВ. Фамилия *Бельтенева* встречается в Сибири. Но её малая родина, несомненно, находится в северных землях Европейской части России, вероятнее всего, в Тверской и Вологодской областях. О значении лежащего в её основе прозвища можно получить представление, если сравнить другие диалектные слова, в которых можно предположить исконное родство с прозвищем *Бельтень*. В костромских говорах *бельтешиться* – «мелькать, мельтешиться»; пермское *бельтюкать* – «мелькать».

ДУШИЛИХИНСКИЙ, ТЕРСКИЙ. Фамилия *Душилихинский* и сегодня встречается исключительно на своей малой родине – Новгородчине.

Здесь ещё в начале XX века на берегах реки Сороти (приток реки Великой, впадающей в Псковское озеро) существовало селение *Душилиха*.

О том, где малая родина каждой семьи с фамилией *Терские*, нельзя сказать однозначно. Большинство *Терских* считает себя выходцами из земель

терского казачества, и это действительно так – фамилия южная. Но многие жители Русского Севера, услышав эту фамилию, уверенно скажут, что она северная: от Терского

берега (юго-восточного берега Кольского полуострова; общая протяженность 500 км). Это также может быть правдой, поскольку фамилия *Терский* ещё на рубеже XIX–XX столетий была известна в Архангельске.

ЖЕРНОКЛЕЕВ, ЖИРНОКЛЕЕВ, ЖАРНАКЛЕЙ, ЖАРНАКЛЕЕВ, ЖОРНОКЛЕЕВ. География распространения редчайших фамилий, восходящих к названию профессии мастера, занимавшегося ремонтом мельничных жерновов – *жернокля*, отражает диалектные особенности произношения названия этой профессии:

МАТЕРИК, МАТЕРИКОВ. Ареалы русской фамилии *Материки* и польской фамилии *Материк* не пересекаются. Фамилия *Материк* ускользнула от внимания польских исследователей, вероятно, ввиду своей редкости, в то время как фамилия *Материки* в России имеет ярко выраженный регион наибольшего распространения – северные и восточные области бывшего Великого княжества Московского. Здесь же встречаются упоминания имени-прозвища *Материк* и отчества (или дедичества) *Материки* в XVII веке.

НАЗАРЬИН. Семейное прозвание *Назарьин* и топонимы *Назарьино* встречаются с XV–XVI веков исключительно в документах северных земель Великого княжества Московского.

ОЗЕРЕНСКИЙ. Не вызывает сомнений, что среди жителей юга России фамилия *Озеренский* в большинстве случаев восходит к названию возникшей в 1560-е годы на линии Тульской засечной черты Озеренской слободы. Но существуют и другие регионы возникновения этой фамилии.

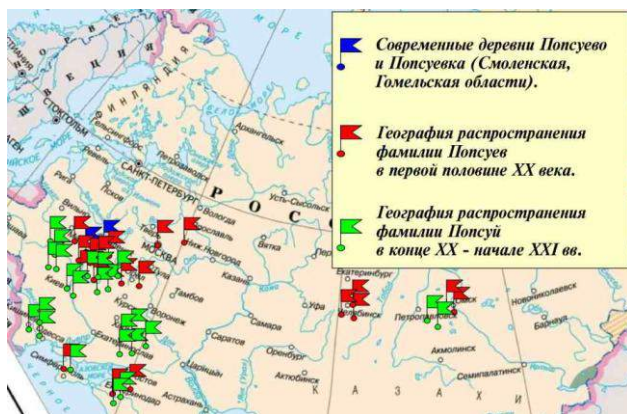
ПЕРЕЖОГИН. Слово *жога* в старину имело несколько значений «суматоха», «ссора», «спор» и др. Вероятно, и не сохранившееся до XIX–XX вв. (т.е. до времени, когда началось активное изучение русских диалектов) в говорах слово *пережога* имело то же значение (ср. *полох* – «испуг, страх» и *переполох*). Существовало и множество прозвищ, восходящих к этому

источнику: *Наждога*, *Наджига*, *Наджега*, *Зажога*, *Зажига*, *Выжига*, *Жига* и др. – все они имели значения «бойкий», «хитрый», «находчивый», «тот, кто подстрекает начать что-либо», «зачинщик» и т.п. О том,

где бытовало не зафиксированное диалектологами прозвище *Пережога*, можно получить представление, сравнив упоминания в древних грамотах и территорию современного бытования фамилии *Пережогин*.

ПОПСУЕВ. Упоминание в актах речевой коммуникации фамилий, восходящих к антропонимам, омонимичным отдельным элементам современной нарицательной лексики (тем более иноязычной по происхождению и эмоционально-оценочной), всегда вызывают активную

псевдоактуализацию содержания этимологического компонента фамильных антропонимов. Фамилия *Попсуев* – редкий случай, когда истинная семантика антропонима и современного нарицательного перекликаются. Ещё в начале XX

века на Орловщине *Попсуем* называли плохого мастера. Ср. современное пренебрежительное название популярной музыки и песен, как правило, не отличающихся особым качеством – “попса”.

ПРУЦКОВ. В юго-западных районах России ареалы фамилий *Пруцкой* и *Пруцкий* (от топонима Пруд: Прудский – Прутский – Пруцкий) и *Пруцко* (форма имени Пруц – “прусак” или Прут – от нарицательного “прут”) пересекаются. Поэтому здесь фамилия *Пруцков* может восходить к любому из этих источников.

САПИТОН. На карте 2009 года, жёлтым цветом украинские авторы выделили земли «украинской этнической территории на начало XX века», заодно включив туда и юго-восточные области, которые вообще сложно определить как «этническую территорию», и земли Украинского и даже часть Белорусского Полесья, хотя язык и этнографические особенности полещуков имеют заметные отличия.

Тем не менее, именно на этой карте удобно показать ареал фамилии *Сапитон*. В него входят малая родина (Северо-Восток Украины), а также самые западные и самые восточные земли, отвоёванные Российской империей в XVIII веке у Османской империи и входившие в состав Новороссийской губернии до её передачи в 1793 году Екатеринославскому наместничеству.

ФОРОВ, ХВОРОВ. «Произрастаить лес... толщиной в соху, ключину, кол и форост» – говорили на Дону ещё в начале XX века. В тот же период эта особенность произношения отчётливо отражалась в ареалах фамилий *Хворов* и *Форов*: четкая граница между ними проходила по юго-западным областям России.

ФОРОСТОВ, ХВОРОСТОВ. Такой же вид в начале XX века имела и восточная граница распространения фамилии *Форостов*. За ней и далее практически везде проживали *Хворостовы*.

ЧЕРНОПАЗОВ. В работе «Словарь пермских фамилий» Е.Н. Полякова привела примеры из древних грамот этого региона: в 1682 г. – Якушко Чернопазов, чердынец; в 1683 г. – Нестерко Чернопазовых; Ефим

Тархов сын Чернопазовых, первая половина XVIII века; в 1711 – Влас Васильев сын Чернопазов, житель селения Бондюг [Полякова 2005: 417].

Чтобы понять истинное значение прозвища *Чернопаз* («сквернослов»), достаточно обратиться к географии распространения этой фамилии. Оно восходит к северорусскому глаголу *пазить* – «ругать», «ругаться»: аналогично возник и более распространённый вариант этого прозвища, известный во многих русских говорах – *Чернобай* (от общерусского глагола *баить* – «говорить»). Единственное упоминание представителя этой

фамилии в первой половине XX века в западных землях объясняется иными обстоятельствами – службой в рядах Красной Армии.

ШАДСКИЙ, ШАДСКИХ. Фамилии *Шадский* и *Шадских* восходят к названию расположенного на территории Рязанской области современного города *Шацка*, точнее его окрестностей, которые ещё историк, географ и государственный деятель Василий Никитич Татищев (1686–1750) называл Шадской провинцией.

ШАФОРОСТ, ШАФОРОСТОВ, ШИФОРОСТОВ. Словари, описывающие диалектную лексику, и ареал древнейших упоминаний и современного распространения, связанных с этой лексикой прозвищ и фамильных антропонимов, могут не совпадать. Иногда это связано с наличием двух разных языковых источников омонимичных имён или прозвищ. Но порой исконное «родство» диалектного слова и современной фамилии не вызывает сомнений.

ШУРУПОВ. Древние грамоты сохранили не очень много примеров бытования в семье традиции давать детям мирские имена, восходящие к единой лексической группе. Например, в грамоте XV в. упоминается Лев

Данилович Оладья Блинов Монастырев; в начале XVI в. – Пирог Оладьин; в 1556 г. – ямщик Алабыш Колобов сын Перепечин (*алабыш* – пирожок, *колоб* – круглый хлебец, *перепеча* – вид каравая); в Великом Новгороде в XV веке – братья Линевы с именами Сом, Ерш, Окунь и Судак;

там же в 1495 г. – Федор Ягныш Баранов сын Овцын. Но иногда косвенные подтверждения этого обнаруживаются и при других обстоятельствах. Например, из “уголовного дела” 1650 года известно, что усманский конокрад, носивший мирское имя *Шуруп*, скрывался от наказания у своих родственников в деревне с названием *Гвоздевка*.

**ИЗ ПРОЕКТА «НОВОГО СЛОВАРЯ ФАМИЛИЙ
ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ» (примеры словарных статей)**

БЕЛЬТЕНЕВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от прозвища *Бельтень*.

– Бельтенеv, Бельтенева, Бельтенеvы

– [б'ъл'т'э'н'ыф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Бельтенеv	Бельтенева	Бельтенева	Бельтенеvу	Бельтенеvым	Бельтенеvе
Бельтенева	Бельтенеvой	Бельтенеvу	Бельтенеvой	Бельтенеvой	Бельтенеvой
Бельтенеvы	Бельтенеvых	Бельтенеvых	Бельтенеvым	Бельтенеvыми	Бельтенеvых

Этимологическая информация

Прозвище, лежащее в основе этой фамилии, произносилось как *Белтень* или *Бельтень* и, вероятно, указывало на крайне непоседливого человека. О таком значении напоминают записанное диалектологами в конце XIX века в костромских говорах слово *бельтешиться* – «мелькать, неясно видеться, мельтешиться» и пермское *бельтюкать* – «мелькать». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль отметил и другие формы глагола *мельтешить* – *мельтенить*, *мелтенить*, *мельзить*, *мельтышить* и т.д., причём, все с пометами *северное* или *сибирское*. Одно из приведённых им значений этих глаголов – «мотаться взад и вперёд».

Социокультурная информация

Исследователям русской иконописи хорошо известен устюжский род иконописцев *Бельтенеvых*, основателем которого считается устюжанин Василий Иванов Белтенеv, ставший в середине XVIII века основателем целой

династии художественных мастеров. Так, жителям Тверской области известно существование на её территории деревни Бельтенево.

Статистическая информация

В Москве фамилия *Бельтенева* единична.

Этнографическая информация

Прозвища такого типа (Увалень, Баловень, Сидень, Сбитень, Головень и др.) известны в разных русских диалектах. Но прозвище *Бельтень* и образованное от него семейное прозвание *Бельтенева*, несомненно, являются особенностью говора и традиций именованья жителей северных земель европейской части России. См. Приложение № 1.

Географическая информация

В настоящее время фамилия *Бельтенева* по-прежнему встречается главным образом среди жителей северных областей Европейской России, но известна и в Сибири, куда, вероятнее всего, была принесена переселенцами. См. Приложение №1.

ГРУБНИКОВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от имени *Грубник*.

– Грубников, Грубникова, Грубниковы

– [гру́бн'ыкѡф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Грубников	Грубникова	Грубникова	Грубникову	Грубниковым	Грубникове
Грубникова	Грубниковой	Грубникову	Грубниковой	Грубниковой	Грубниковой
Грубниковы	Грубниковых	Грубниковых	Грубниковым	Грубниковыми	Грубниковых

Этимологическая информация

Грубой, грубкой в украинских, южных и некоторых других русских говорах (например, владимирских) называли печь, отсюда и возникло

диалектное название печника – *грубник*. Кроме того, в юго-западных русских говорах *грубником* называли истопника, а также молодого ученика ремесленника (вне зависимости от его профессии). Слово *груба* пришло в русский язык через польский из немецкого языка, где *grube* – буквально означает «яма, шахта». По причине отсутствия в русском литературном языке слова *грубник* основа этой фамилии обычно связывается с прилагательным *грубый*.

Социокультурная информация

У жителей Москвы нет общеизвестных денотатов данной фамилии. Устойчивые коннотации носят ограниченный характер, определённый кругом людей (соседи, коллеги, однокашники, члены общественной организации и т.п.); например, учителя и некоторые выпускники московской школы №5 знают Александра Грубникова, окончившего школу в 1999 году.

Статистическая информация

В Москве фамилия *Грубников* единична.

Этнографическая информация

Учитывая направление заимствования самого слова *груба*, *грубка*, можно предположить, что оно и образованное от него прозвище *Грубник* должно было получить распространение только в западных или в западных и центральных (в случае его широкого более позднего распространения) русских говорах.

Несмотря на то, что в словаре В.И.Даля это слово даётся без региональной пометы, более поздние диалектологические работы фиксируют слово *грубник*, в основном, в среде жителей юго-западных русских земель. Однако отмечено и исключение: в середине XIX века это прозвище записано и среди жителей Владимирской губернии.

Географическая информация

В начале XX столетия достоверно известно бытование этой фамилии среди жителей Харьковской, Воронежской, Брянской, Курской, Волгоградской, Куйбышевской, Астраханской областей, в Краснодарском и

Алтайском краях, в Северном Казахстане. В настоящее время география этой фамилии более широка. Учитывая известность слова *грубник* и в некоторых среднерусских говорах, нельзя исключать, что часть её представителей, проживающих, например, в Москве, являются потомками коренных жителей этих мест.

ДОНЯГИН

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ин* от имени *Доняга*.

– Донягин, Донягина, Донягины

– [дан'аг'ын]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Донягин	Донягина	Донягина	Донягину	Донягиным	Донягине
Донягина	Донягиной	Донягину	Донягиной	Донягиной	Донягиной
Донягины	Донягиных	Донягиных	Донягиным	Донягиными	Донягиных

Этимологическая информация

В форме *Доняга* в старину на Руси в обиходе могли произноситься несколько канонических церковных имён, у которых зафиксирована одинаковая краткая форма – *Доня*: от неё и была образована новая разговорная форма – *Доняга*. Таковы имена *Авдон* (из древнееврейского «Слуга Господа»), *Дон* (из латинского «дар, подарок»); в современных святцах это имя отсутствует, *Донат* (из лат. «подаренный»), *Доримедонт* (из древнегреческого «копьё, скипетр» + «заботиться, покровительствовать») и *Мардоний* (из греческого имени Мардониос, которое, в свою очередь, пришло в греческий именник из персидского языка и восходит к названию одного из племён в Южной Армении).

Социокультурная информация

Многие москвичи помнят актера Московского театра имени М.Н. Ермоловой Геннадия Дмитриевича Донягина (1939–1999).

Статистическая информация

Несмотря на принадлежность к самой высокочастотной группе фамилий, образованных от народных форм церковных имён, фамилия *Донягин* исключительно редка. В Москве проживает менее 20 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Интересен такой факт. Среди участников Великой Отечественной войны, награждённых орденами и медалями, известны 8 представителей этой необычайно редкой фамилии. Все они были уроженцами Московской области, которую по праву можно назвать малой родиной фамилии *Донягин*. Такая ярко выраженная региональность данной фамилии свидетельствует о том, что имя *Доняга* в прошлом было свойственно говору жителей тех земель, из которых и «выросла» Московская Русь, то есть Великое княжество Московское. Интересно, что существуют и другие фамилии, восходящие к подобным формам этих же имён и также имеющие ярко выраженное диалектное распространение: *Донякин* (Поволжье и Сибирь) и *Доняев* (Рязанская, Нижегородская области, Мордовия, Кубань).

Географическая информация

В настоящее время фамилия остаётся исключительно «московской». Единичные её представители в других городах России, вероятнее всего, являются близкими родственниками выходцев из московского региона.

ЕРМАКОВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация:

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от имени *Ермак*.

– Ермаков, Ермакова, Ермаковы

– [j'ърмакóф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Ермаков	Ермакова	Ермакова	Ермакову	Ермаковым	Ермакове

Ермакова	Ермаковой	Ермакову	Ермаковой	Ермаковой	Ермаковой
Ермаковы	Ермаковых	Ермаковых	Ермаковым	Ермаковыми	Ермаковых

Этимологическая информация

Возникновение имени *Ермак* связано с несколькими источниками, разной степени распространённости. Например, в северных и северо-западных русских говорах слово *ермак* или *ермяк* означало то же, что и *армяк* – старинная мужская верхняя одежда из толстого сукна, кафтан из домотканого сукна: имя *Ермак* могли дать сыну в той семье, где уже существовали имена из этой же группы: *Тулуп, Онуча, Ноговица, Башмак, Кафтан, Рукавица* и т.п. Кроме того, *ермак* – старинное название общественного котла (в других говорах – *таган*) – к примеру, в донских говорах это значение сохранялось вплоть до 30-х годов XX века. Прозвище *Ермак* мог получить рубаха-парень, заводила, любимый и уважаемый друзьями и соседями. В вятских землях прозвище *Ермак* имело другое значение – «ветреный, непостоянный» («Ермак, на все стороны однак») В северо-восточных русских говорах *ермаком* называли жёрнов для ручной мельницы, а глагол *ермолить* означал «мять, тереть, дробить». В применении же к человеку такое прозвище могло означать буквально «драчун», «задира». Любопытно, что знаменитый «Сибирский князь» Ермак Тимофеевич, уроженец одного из Нижнечусовских городков (теперь затопленных Камским водохранилищем), в действительности звался Василием Тимофеевичем Алениным.

Но, кроме того, *Ермак* – народная форма трёх канонических крестильных имён греческого происхождения: *Ермолай* («вестник народу»), *Ерм* (от имени Гермес – бога торговли и покровителя путников); *Ермил* («житель Гермесовой рощи»). О том, что имя *Ермолай* использовалось в форме *Ермак*, напоминают исторические документы. Так, в Книге ключей и долговой книге Иосифо-Волоколамского монастыря в 1552 году упоминается «детеныш» Митя Ермолин сын Худяк; он же записан и как Митя Ермаков

сын Худяк; «порука по нем отец его Ермак», который, в свою очередь, здесь же упоминается как Ермола Старый плотник.

Социокультурная информация

О некогда широкой распространённости имени *Ермак* (мирского или церковного) и, соответственно, образованного от него семейного прозвания напоминают старинные грамоты: Михаль и Ивашко Ермаковы, крестьяне Деревской пятины (новгородские земли), 1496 г.; «Левка да Офонас Ермаковы дети, пашни в поле 3 чети, сена 7 копен...», Федко Ермаков и Арист Ермаков, крестьяне Деревской пятины, 1539 г.; Ортюшка Ермаков, крестьянин деревни Островкина в Коломенском уезде, 1578 г.; Васка Ермаков, крестьянин, владелец варницы, «деревня у моря на усть Колежмы реки» (вотчина Соловецкого монастыря), 1582 г.; Тимофей Ермаков, новосильский казак, 1588 г.; «монастырьской крестьянин села Коврова» Сидарко Ермаков, 1592 г.; Курбат Ермаков, Тимофей Ермаков и Степан Ермаков, «елецкие дети боярские», 1593 г.; Иван Ермаков, калужский пушкарь, 1613 г.; Андрей Ермаков, житель Рыльска, 1619 г.; Иван Ермаков, арзамасский целовальник, 1619 г.; Поздняк Ермаков, тульский помещик, XVII век.

Интересно, что большинству русских людей в настоящее время не известны нарицательные значения слова *ермак*. На протяжении большей части XX столетия практически не употреблялись и крестильные имена *Ерм*, *Ермил* и *Ермолай*. Поэтому практически забыта их обиходная форма – *Ермак*. Тем не менее, любой русский человек без труда выделяет из словообразовательной структуры фамилии *Ермаков* её основу – имя *Ермак*. Именно так часто зовут в дружеском кругу и обладателя фамилии *Ермаков*. Без сомнения это связано с памятью прославленного казачьего атамана.

Статистическая информация

Фамилия принадлежит к числу высокочастотных. В Москве проживает более 5000 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Фамилия известна у всех восточных славян и во всех этнографических группах русского народа.

Географическая информация

Распространена практически на всей территории бывшей Российской империи. Редкость её в бывших советских республиках Средней Азии связана с массовыми переселениями в Россию в 90-е годы XX века, с общим уменьшением численности русского населения в этих странах.

ЖУКОВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от прозвищного имени *Жук*.

– Жуков, Жукова, Жуковы

– [жукъф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Жуков	Жукова	Жукова	Жукову	Жуковым	Жукове
Жукова	Жуковой	Жукову	Жуковой	Жуковой	Жуковой
Жуковы	Жуковых	Жуковых	Жуковым	Жуковыми	Жуковых

Этимологическая информация

Нецерковное имя *Жук* восходит к общеславянскому слову *жук*, возникшему как словообразовательное подражание звуку, издаваемому этим насекомым. Его былая распространённость отчасти связана с традицией давать детям «родственные» мирские имена. Если отец носил мирское имя *Комар*, то и сыновьям своим мог дать имена, повторяющие названия разных насекомых: *Жук*, *Блоха*, *Муха*, *Пчела*, *Шмель* и т.д.

Социокультурная информация

Имя *Жук* очень часто упоминается в древнерусских грамотах: Жуков, московский пристав при Троицко-Сергиевском монастыре, 1482 г.; Ивашко Жуков, крестьянин Новгородской области, 1495 г.; Жук Широкий, княжеский

пристав в Ферапонтове монастыре, 1534 г.; Жук Арсеньев, боярский сын в Новгороде-Северском, 1605 г.; Иван Жук, белоцерковский казак, 1654 г. Часты и упоминания семейного прозвания Жуков: 1500 г. – Васюк Жуков, новгородский помещик; 1672 г. – Григорий Жуков, астраханский стрелецкий голова; 1680 г. – Дмитрий Романов сын Жуков, воевода кунгурский. С XVI–XVII вв. известны несколько дворянских родов Жуковых.

Со времён Великой Отечественной войны фамилия *Жуков*, благодаря великому военачальнику Георгию Константиновичу Жукову, стала для россиян настоящим символом воинской славы. Но для многих русских людей это связано не только с памятью о маршале Жукове: в историю боевой славы войны вписаны имена ещё более 5000 участников этой войны, за проявленную в боях воинскую доблесть представленных к различным правительственным наградам.

Статистическая информация

Фамилия принадлежит к числу высокочастотных. В Москве проживает более 6000 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Фамилия известна у всех восточных славян и во всех этнографических группах русского народа.

Географическая информация

Распространена практически на всей территории бывшей Российской империи. Редкость её в бывших советских республиках Средней Азии связана с массовыми переселениями в Россию в 90-е годы XX века, с общим уменьшением численности русского населения в этих странах.

ЗЕЛЕПУКИН

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса -ин от имени *Зеленука*.

– Зелепукин, Зелепукина, Зелепукины

– [з'ыл'ыпук'ын]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Зелепукин	Зелепукина	Зелепукина	Зелепукину	Зелепукиным	Зелепукине
Зелепукина	Зелепукиной	Зелепукину	Зелепукиной	Зелепукиной	Зелепукиной
Зелепукины	Зелепукиных	Зелепукиных	Зелепукиным	Зелепукиными	Зелепукиных

Этимологическая информация:

Имя *Зелепука* восходит к старинному нарицательному *зелепука* – «зелёная, незрелая ягода». Вообще, имена, восходящие к слову «зелёный», были в старину очень популярными, например, *Зеленый, Зеленой, Зеленко, Зелень, Зеленьтко* и т.п. Подобные имена толковались не буквально по цвету, а означали «маленький, «дитя», «дитяtko».

Социокультурная информация

В «Писцовых книгах Рязанского края XVI–XVII вв.» упоминается «Куземко Зелепука з детьми з Бежайком, да с Ивашком...»; там же записан крестьянин Васка Зелепукин.

Статистическая информация

Фамилия редкая. В Москве проживает менее 50 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Исследователи русского языка XIX в. зафиксировали нарицательное существительное *зелепука* только в тамбовских говорах. Но, вероятнее всего, в древности такая форма бытовала и среди жителей других южнорусских земель.

Географическая информация

Наибольшая частотность фамилии отмечена в Воронежской, Тамбовской, Саратовской областях. В целом, география распространения этой фамилии значительно шире, но в других регионах фамилия или единична (центральные и северные земли европейской части России) или принесена сюда переселенцами в XIX–XX веках.

ИВКО

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Бессуффиксальная фамилия, сохранившая звучание имени *Ивко*

– Ивко

– [ифкó]

Не изменяется по родам и падежам, не имеет формы множественного числа.

Этимологическая информация

Ивко – старинная народная форма церковного имени *Иоанн (Иван)*, которое, в свою очередь, восходит к библейскому имени Йоханан, в переводе с иврита означающему «Милость Божия», «Бог милует», «Пусть Бог благоволит» ". Кроме того, в такой форме употреблялось редкое церковное имя *Ив* (предположительно от древнегерманского *иво* – «тисовое дерево»). В современных святцах это имя отсутствует.

Нельзя исключать также, что в некоторых случаях имя *Ивко* может восходить к нецерковному имени *Ива* (название дерева, кустарника). В этом случае первоначально возникла уменьшительная форма *Ивка* – позднее произошла замена конечной гласной «а» на «о».

Социокультурная информация

Употребление церковных имён *Иоанн* и *Ив* в форме *Ивко* в прошлом было характерно для западных и северных русских говоров (отсюда фамилия *Ивков*). В центральных и южных областях России эти имена произносились как *Ивка*.

Употребление мирского имени *Ива* в форме *Ивко* – особенность западнорусских и белорусско-украинских говоров.

Интересный факт: мирское имя *Ива* могло быть дано сыну в семье, где существовал обычай давать мирские имена, повторяющие названия деревьев. Например, во второй половине XV века в роду князей Галицких известны братья Дмитрий Борисович Береза Галицкий, Иван Борисович Ива Галицкий и Семен Борисович Осина Галицкий.

Статистическая информация

Фамилия редкая: в Москве проживает менее 20 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Фамилия сохранила бессуффиксную форму, характерную для всего западного восточнославянского ареала: она известна у белорусов, украинцев и западных групп русских.

Географическая информация

Исторически: Украина, Белоруссия, юго-западные области России. Но в результате миграционных процессов XVIII – начала XX столетий получила распространение в Поволжье, Южной Сибири и на Дальнем Востоке.

ИГОШИН

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ин*:

Игоша + ин = *Игошин*.

– Игошин, Игошина, Игошины

– [’ыг’ошын]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Игошин	Игошина	Игошина	Игошину	Игошиным	Игошине
Игошина	Игошиной	Игошину	Игошиной	Игошиной	Игошиной
Игошины	Игошиных	Игошиных	Игошиным	Игошиными	Игошиных

Этимологическая информация

Фамилия образована от имени *Игоша* – уменьшительной формы трёх канонических крестильных имён: *Георгий* (из греч. «земледелец»; в Древней Греции – эпитет Зевса, это одно из самых распространённых русских народных форм имени *Георгий* – *Егор* через уменьшительный вариант *Егоша*), *Игорь* (из сканд. «охраняемый богом изобилия») и *Игнатий* (из лат. «огненный»).

Социокультурная информация

Семейное прозвание фиксируется с XV в.: Петрушка Федоров сын Игошин, чердынец, 1623 г.; Ивашко Игошин, кожевник, Кострома, 1627 г. Из упоминаний в старинных грамотах невозможно достоверно установить, какое каноническое имя стало основой имени, лежащего в основе фамилии каждой семьи *Игошиных* (это потребует восстановления родословной каждой семьи). Но можно утверждать, что наиболее частотной основой является имя *Георгий*. Это имя пользовалось в Московской Руси особой популярностью, поскольку со времён Дмитрия Донского Георгий Победоносец почитался как покровитель города Москвы, а позднее и всего Великого княжества Московского, что и стало причиной включения его изображения в герб Москвы и Российской империи.

Статистическая информация

Входит в число среднечастотных, в Москве проживает более 1000 семей с такой фамилией.

Этнографическая информация

Имя *Игоша* не несёт в себе каких-либо особенностей, свойственных определённой этнографической группе русского народа.

Географическая информация

Известна во многих регионах России, но исторически такая форма более всего характерна для восточных земель Великого княжества Московского: Игоша Неклюдов, крестьянин, Суздальский уезд, 1556 г.; Пленин Игоша Жданов, земский дьячок, Арзамас, 1593 г.; Желыбало Игоша, крестьянин, Арзамас, 1610 г.

ИЛЬИН

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ин*:

Илья + ин = *Ильин*.

– Ильин, Ильина, Ильины

– [’ыл’ј’ын]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Ильин	Ильина	Ильина	Ильину	Ильиным	Ильине
Ильина	Ильиной	Ильину	Ильиной	Ильиной	Ильиной
Ильины	Ильиных	Ильиных	Ильиным	Ильиными	Ильиных

Этимологическая информация

Образована от имени Илья – народной формы канонического крестильного имени *Илия*. Библейское имя, которое в переводе с древнееврейского языка означает «крепость Божия».

Социокультурная информация

Семейное прозвание фиксируется с XV в.: Федор Данилович Ошаня Ильин, 1494; Андрей Ильин Бураков, посадский человек, 1598, Каргополь.

Большая популярность имени Илья у славян вызвана несколькими причинами:

1. частотой упоминания этого имени в святцах: оно включено в церковный именник в честь носивших его святых, дни памяти которых отмечаются православной церковью 1, 21, 27 января; 13, 29 февраля; 22 марта; 10 апреля; 2 августа; 26, 30 сентября; 11 октября; 16 ноября;

2. большим уважением, которым пользуется во всём христианском мире святой пророк Илия (народное – Илья-пророк). Согласно библейскому преданию, он родился за девятьсот лет до Рождества Христова. Первая церковь, построенная в Киеве при князе Игоре, была сооружена во имя пророка Илии;

3. на большую распространённость имени Илья повлиял и любимейший герой древнеславянских былин, воплощение силы и отваги Илья Муромец, прототипом которого был реальный исторический персонаж, живший в XII веке преподобный Илья Муромский, монах Киево-Печерского монастыря;

4. большая частотность фамилии Ильин связана с традицией образования фамилий в XIX веке: в этот период в качестве фамилии часто

записывалось не исторически сложившееся семейное прозвание (например, *Илюшин, Илюшкин, Ильяшов* и т.п.), а полуотчество от официальной (канонической или полной народной) формы крестильного имени родоначальника.

Статистическая информация

Входит в топ-100, только в Москве проживает более 5000 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Фамилия встречается у всех православных народов России.

Географическая информация

Бытует повсеместно.

ИСКАНДЕР

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

- Бессуффиксальная фамилия, сохранившая звучание имени *Искандер*.
- Искандер
- [искандэ'р]

Не изменяется по родам, не имеет множественного числа.

По падежам данная фамилия склоняется только в том случае, если речь идёт о мужчине:

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Искандер	Искандера	Искандера	Искандеру	Искандером	Искандере

Этимологическая информация

Искандер – одна из популярных в языках народов Малой и Средней Азии форм имени, которое в русской традиции обычно передаётся как *Александр*. Традиция произносить это имя как *Искандер* или *Искандар* возникла первоначально в арабском языке. Согласно преданию, это имя арабы стали давать своим детям в память о великом завоевателе древности – Александре Македонском.

Любопытно, что имя Александр обычно переводят с древнегреческого языка как «мужественный защитник», «смелый, бесстрашный» и т.п. Но на самом деле это древнегреческое имя в переводе означает «защитник мужчин». В античные времена оно было эпитетом могущественных богов – богини Геры и бога Марса, которые считались покровителями воинов и вообще мужчин. Им и посвящали своих новорождённых сыновей в надежде, что эти боги будут покровительствовать своему «тёзке».

Социокультурная информация

, автор романа-эпопеи «Сандро из Чегема», эпоса «Детство Чика», повести-притчи «Кролики и удавы» и множества других повестей и рассказов. Писатель родился в Сухуме в 1926 году в семье иранца и абхазки, по окончании школы учился в Москве, куда вернулся лишь в начале 1990-х, успев в 1954–1956 поработать журналистом в Курске и Брянске, затем на протяжении более чем тридцати лет был редактором в отделении Госиздата в родной Абхазии. Отца своего он лишился в 1938 году (по причине того, что тот был депортирован из СССР), поэтому вырос настоящим абхазом (является старейшиной московской абхазской диаспоры) и выдающимся российским писателем, пишущим по-русски и с абхазским колоритом на темы вечные и общечеловеческие.

Статистическая информация

Фамилия в Москве единична.

Этнографическая информация

Фамилия *Искандер*, несомненно, указывает на то, что предки её обладателей являлись представителями одного из народов, принадлежащих к культуре Востока, в которой основу именика составляют арабо-персидские или иноязычные, но прошедшие обработку в этих языках имена. Более уверенно говорить об их национальности можно только опираясь на данные об истории их семей и, разумеется, на мнение самих представителей этой фамилии.

Географическая информация

Фамилия известна и в других регионах России, но всюду также единична. Это неудивительно, поскольку для бывших граждан Российской империи и Советского Союза более традиционным было образование от имени *Искандер* фамилии *Искандеров* (эта фамилия более частотна).

ИСКУСНЫХ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи суффикса *-ых* от прозвища *Искусные*.

– Искусных

– [’ыску́сных]

Не изменяется по родам и падежам, не имеет формы множественного числа.

Этимологическая информация

Образована от прозвища *Искусный*, которое в прошлом имело несколько значений:

1) испытанный, *надёжный*: «Искусние же людие моляхуся богу день и ночь, и прилежащее посту и молитве...» (XVII в.); «А жить с ним в келье искусным и добрым двум старцем, кому мочно верить» (XVII в., из материалов дела патриарха Никона).

2) *умелый, опытный, надёжный*: «Да урядят в полку в его царском коемуждо сту браным детем боярским голову устроит из великих отцов детей, изячных молотцов и искусных ратному делу» (XVII в.); «А иконописец Симон Ушаков чказал, что тот ученик его Георгейка иконное художество святых икон воображение писать искусе и пишет добрым мастерством» (1668 г.);

3) *осведомлённый, сведущий*: «А сему святительскому страданию подлинный свидетель поп Петр Иванов, а про мучение его подлинно он Петр уведал от искусных людей» (1672 г.) [СлРЯб: 266].

Социокультурная информация

Москвичам, как и всем россиянам, хорошо известен Сергей Владимирович Искусных (1974), шахматист, гроссмейстер, старший тренер Тюменской области.

Статистическая информация

В целом по России данная фамилия редка. Тем не менее, в Москве проживает более 40 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Источники фиксируют, что первоначально такой тип семейных прозваний возник в среде жителей земель, относящихся к бассейну Северной Двины. Обособление этих территорий от центральных областей Великого княжества Московского привело к появлению заметных этнографических отличий.

Географическая информация

Несмотря на «северный» тип образования, фамилия широко известна, среди жителей центральных и южных областей европейской части России (Рязанская, Московская, Тамбовская, Воронежская области) и Южной Сибири. Отсутствие в настоящее время полных статистических данных не позволяет утверждать, что данная фамилия не отмечается и никогда не встречалась ранее среди жителей Русского Севера и других северо-восточных областей европейской части России. Однако её фиксация в Европейской России только в южных и части центральных областей позволяет предположить, что она возникла среди жителей южного порубежья Великого княжества Московского.

На данную территорию такой тип семейных прозваний был принесён северянами-переселенцами, но со временем получил распространение и у части коренных жителей. В Сибирь эта фамилия могла быть перенесена выходцами из Центрального Черноземья, но там она могла возникнуть и независимо.

КАЛАШНИКОВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от профессионального прозвища *Калашник*.

– Калашников, Калашникова, Калашниковы

– [кал'ашн'ыкъф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Калашников	Калашникова	Калашникова	Калашникову	Калашниковым	Калашникове
Калашникова	Калашниковой	Калашникову	Калашниковой	Калашниковой	Калашниковой
Калашниковы	Калашниковых	Калашниковых	Калашниковым	Калашниковыми	Калашниковых

Этимологическая информация

Калашник – распространённое в старину во всех русских говорах прозвище человека, пекущего и продающего калачи, а также купца, торгующего хлебными изделиями.

Социокультурная информация

Во всём мире сегодня при упоминании фамилии *Калашников* в первую очередь вспоминают прославленного советского изобретателя, создателя автомата «Калашникова» – Михаила Тимофеевича Калашникова (1919–2013), уроженца Алтайского края. Но самое интересное, что и русские люди в этой ситуации вспоминают, как правило, не название профессии пекаря-калашника, а именно этого человека, ставшего своеобразным символом советского оружия, или героя исторической поэмы М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Это связано не только с их широкой известностью и роли в русской истории и литературе, соответственно, но и с тем, что само название профессии *калашника* ныне вышло из употребления. На вопрос, чем занимались калашники, не каждый современный русский человек даст быстрый и уверенный ответ. Но в древние времена прозвище *Калашник*, как и другие профессиональные прозвания, ныне воспринимаемые нами как архаизмы, в старину произносились не менее уважительно, чем сегодня –

учёный или, например, хирург. В условиях, когда основная часть хозяйств на Руси имела «натуральный» характер, а понятие «образованный» для большей части населения просто не существовало, любые специалисты сильно выделялись из общей массы, например, крестьян, посадских людей или казаков и пользовались в народе большим уважением, а потому профессиональное прозвище главы семейства быстро приживалось и в применении к его потомкам. С этим и связана современная распространённость фамилии *Калашников*. О древнем происхождении фамилии *Калашников* напоминает и такой интересный факт. Вопреки тому, что «правильным» написанием названия профессии является *калачник*, фамилия *Калачников* единична и, возможно, возникла просто в результате «исправления» традиционной формы записи.

Статистическая информация

Фамилия принадлежит к числу высокочастотных. В Москве проживает более 1500 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Произношение названия профессии калачника как *калашник* является давней особенностью московского говора. Но было известно такое произношение и в некоторых других говорах, о чём, вероятно, напоминают сохранившиеся до наших дней в Тверской, Пермской, Саратовской и Омской областях населённые пункты с названиями *Калашниково*; а в Волгоградской и Полтавской – *Калашники*.

Калашниками называли калачников ещё в начале XX века и псковичи; а семейное прозвание *Калашников* часто встречается в пермских документах XVII–XVIII веков.

Географическая информация

Распространена практически на всей территории России. В основном частотана в центральных и восточных областях европейской части России и в некоторых регионах Южной Сибири.

КОВПАК**Структурно-словообразовательная и фонетическая информация**

– Бессуффиксальная фамилия, сохранившая звучание мирского имени *Ковпак*.

– Ковпак

– [кафпáк]

Не изменяется по родам, не имеет формы множественного числа. По падежам данная фамилия склоняется только в том случае, если речь идёт о мужчине:

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Ковпак	Ковпака	Ковпака	Ковпаку	Ковпаком	Ковпаке

Этимологическая информация

Ковпак – характерная для украинских говоров форма древнерусского имени *Колпак*. Само слово *колпак* не позднее XV века было заимствовано славянами из тюркских языков, в которых слово *калпак* означало «шапка, папаха». *Ковпаком* могли прозвать человека, предпочитавшего носить такой вид головных уборов или же занимавшегося их изготовлением. Но, вероятнее всего, имя *Ковпак* давалось в качестве традиционного мирского имени, в числе которых было немало имён, повторявших и другие названия видов головных уборов, обуви и одежды: *Шуба, Шапка, Башимак, Рубашка, Кафтан, Рукавица* и пр.

Социокультурная информация

Всем россиянам хорошо известна фамилия героя Советского Союза, уроженца Полтавщины, знаменитого партизанского командира Сидора Артёмовича Ковпака (1887–1967). Свой боевой путь он начал ещё в годы Первой мировой войны, участвовал в Брусиловском прорыве, был награждён Георгиевскими крестами III и IV степени (один из крестов ему вручил лично император Николай II). В Гражданскую войну служил под началом Чапаева. В годы Великой Отечественной войны Сидор Ковпак стал одним из

организаторов партизанского движения на Украине. Дальние рейды его партизанского отряда по Гомельской, Пинской, Волынской, Ровенской, Житомирской и Киевской областям наводили ужас на фашистов и их прихвостней – полицаев и членов различных националистических бандформирований, которых сегодня обычно называют по фамилии одного из самых одиозных и беспринципных идеологов нацистского толка *бандеровцами*. В некоторых государствах, возникших после распада СССР, имя Сидора Ковпака сегодня под запретом, но нет никаких сомнений, что память об этом доблестном воине, великом сыне Украины, ныне редко вспоминаемом её официальными властями, свято сохраняется среди большей части украинского народа и когда-то обязательно будет возвращено в число самых прославленных героев Украины XX столетия.

Статистическая информация

В Москве на начало XXI века проживало менее 20-ти семей с фамилией *Ковпак*.

Этнографическая информация

Во времена Богдана Хмельницкого в списках запорожских казаков в 1649 году упоминаются Грынь Ковпак, казак Белоцерковского полка и Васко Ковпак, казак Черниговского полка [Реестр... 1995]. Нельзя утверждать, что в данном случае второй компонент их полного именованя – фамилия. Возможно, это ещё всего лишь мирское имя. Но немалая часть украинских фамилий, пусть даже получивших официальный статус лишь в XIX столетии, сохранялась как неофициальные семейные прозвания на протяжении многих десятилетий; часть из них восходит и к XVII веку.

Географическая информация

На территории России фамилия встречается не только в Москве, но, например, и в Санкт-Петербурге, Самаре, Екатеринбурге, Тюмени, Омске, Томске, Новосибирске и других городах. Но всюду эта фамилия редкая, включая и свою малую родину – земли современной Украины.

КРАСНОПОЛЬСКИЙ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– У разных семей фамилия могла быть образована тремя различными способами: 1) при помощи суффикса *-ский*; 2) без дополнительной суффиксации – в результате трансонимизации с сохранением исконного звучания географического названия; 3) в результате перевода на русский язык иноязычной фамилии со схожей семантикой производящей основы.

– Краснополяский, Краснополяская, Краснополяские

– [краснапóл'ск'и́]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Краснополяский	Краснополяского	Краснополяского	Краснополяскому	Краснополяским	Краснополяском
Краснополяская	Краснополяской	Краснополяскую	Краснополяской	Краснополяской	Краснополяской
Краснополяские	Краснополяских	Краснополяских	Краснополяским	Краснополяскими	Краснополяских

Этимологическая информация

1. В основе этой фамилии могут лежать названия селений *Красное Поле* («красивое поле») и *Краснополь* (вероятно, в большинстве случаев – искусственное образование, стилизованное под греческую традицию – «красивый город» (от греческого *полис* – «город»); такой тип названий получил большое распространение в XVIII веке главным образом в землях Новороссийской губернии). В этом случае фамилия была образована при помощи традиционного суффикса *-ский*.

2. Возможно, фамилия могла быть образована путём простого перенесения на человека или семью – выходцев из этого населённого пункта – названия *Краснополяское*, *Краснополяский* или *Краснополяская*.

3. В среде выходцев из германских земель фамилия *Краснополяский* могла возникнуть и в результате перевода на русский язык германоязычной (немецкой или еврейской) фамилии Ротфельд (немецкое название Ротфельд означает буквально «Красное поле»).

Социокультурная информация

В первую очередь отметим старейшего из её представителей – Николая Степановича Краснопольского (1774– после 1813), переводчика в основном театральные пьесы с немецкого на русский. Его переводы пользовались у современников большим успехом; многие из пьес ставились в российских театрах, 21 из них была напечатана.

Необходимо заметить, что данная фамилия в целом весьма ярко отмечена вкладом её представителей в российскую культуру. Хорошо известен всем россиянам режиссёр и сценарист Владимир Аркадьевич Краснопольский (1933, Свердловск), один из создателей 33 советских фильмов, среди которых такие шедевры, как «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов».

Статистическая информация

В Москве проживает более 100 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Данная фамилия не обладает ярко выраженными и широко известными этнографическими особенностями. Это неудивительно, поскольку фамилия встречается у представителей разных народов, например, русских, украинцев, белорусов, евреев и поляков; у потомков представителей русского православного духовенства [Шереметевский 1908], русского дворянства и запорожского казачества. Так, например, в грамотах 1598–1599 гг. упоминается Иван Михайлов Краснопольский, служилый землевладелец в Новоторжском уезде; во времена Богдана Хмельницкого (1649 г.) в «Реестре Войска Запорожского» – Оверко (Аверкий) Краснопольский, казак Переяславского полка [Реестр... 1995]. В списках «Русского служилого дворянства второй половины XVIII века (1764 – 95 гг.)» записаны Ерофей Краснопольский, Иван Романович Краснопольский и Максим Гаврилович Краснопольский [Русское служилое дворянство 2003: 324].

Географическая информация

Представить себе географию земель, которые могут являться малой родиной определённой части семей с фамилией *Краснопольские*, можно, определив, например, где сегодня существуют селения с упомянутыми выше названиями. В настоящее время селения с такими названиями только на территории бывшего Советского Союза сохранились в Кировоградской, Сумской, Винницкой, Черкасской, Житомирской, Николаевской, Одесской, Тульской, Воронежской, Кировской и Гомельской областях. Если же учитывать тот факт, что фамилия могла возникнуть вне какой-либо связи с реальными населёнными пунктами, носящими подобные *славянские* названия (но, вероятнее всего, таким же образом связанные со схожими по значению *германскими* названиями), а также то, что часть древних селений за последние столетия исчезли или были переименованы, то нет причин удивляться широкой географии распространения этой довольно редкой фамилии.

ЛЕВИТАН

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Бессуффиксальная фамилия, сохранившая звучание прозвища *Левитан*.

– Левитан

– [л'ыв'ытáн]

Не изменяется по родам, не имеет формы множественного числа. По падежам данная фамилия склоняется только в том случае, если речь идёт о мужчине:

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Левитан	Левитана	Левитана	Левитану	Левитаном	Левитане

Этимологическая информация

Левитан – одна из многочисленных форм семейных прозваний, восходящих к древнееврейскому названию представителей сословия

священнослужителей – *леви*. Первоначально это название было этнонимом. Так называлось одно из семитских племён, участвовавших в создании древнего государства Израиль. Как гласит библейское предание, ко времени исхода евреев из Египта «в роду Авраамовом» насчитывалось двенадцать основных колен. Земли возвращённой Палестины были распределены между представителями этих колен. Не получило особого земельного надела только колено Левино (одного из потомков Авраама), к тому времени знаменитое тем, что состояло в основном из сословия священнослужителей и учёных. Левитам отдали на жительство сорок восемь городов, разбросанных во владениях различных колен: в них, а позднее, разумеется, в других городах, где возникали крупные еврейские диаспоры, первые левиты и их потомки и должны были нести свою службу в качестве духовных наставников.

Социокультурная информация

Для каждого москвича фамилия *Левитан* – московская. Тому есть, как минимум, две веские причины. Одна из них – московский художник Исаак Ильич Левитан (1860–1900), уроженец Сувалкской губернии. Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны любой советский человек и многие граждане других государств мира на вопрос: «Где живёт Левитан?» – уверенно отвечали: «В Москве!». Юрий Борисович Левитан – «голос Москвы», по мнению большинства тех, кто его слушал, не мог находиться нигде, кроме столицы. Между тем, с осени 1941 по март 1943 года главная радиостанция СССР вещала из небольшого подвального помещения в Свердловске (вещание из Москвы было просто невозможным, поскольку все подмосковные радиовышки, служившие фашистской авиации своеобразными маячками, были демонтированы). Пребывание Левитана в Свердловске было засекречено, поэтому левитановские слова «Говорит Москва» воспринимались всеми, кто участвовал в борьбе с нацизмом, как дополнительное свидетельство того, что Москва крепко стоит против фашиста.

Статистическая информация

В Москве фамилия редка, но не единична: в 90-е годы XX века здесь проживало немногим менее 50 семей с фамилией Левитан.

Этнографическая информация

Исаак Левитан принадлежал к этнографической группе еврейского народа, которую исторически принято называть литовскими евреями или литваками. Это название связано с современной Литвой лишь отчасти. Дело в том, что Литвой до этого на протяжении нескольких столетий было принято называть территорию Великого княжества Литовского, объединявшего земли Литвы, Белоруссии, часть земель современной Украины, Латвии и даже некоторые западные территории России (смоленские, брянские земли). Заметим, что однозначное утверждение о том, что все представители фамилии *Левитан* – литваки, у специалистов по еврейской генеалогии не встречается. Поэтому более точный вывод об этнографических корнях каждой семьи с этой фамилией в настоящее время можно сделать только на основании дополнительных исследований.

Географическая информация

Фамилия исторически более распространена в землях Белоруссии, Литвы и Украины, чем в России и других регионах бывшей Российской империи.

ЛОМОНОСОВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от имени *Ломонос*.

– Ломоносов, Ломоносова, Ломоносовы

– [лъманóсьф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Ломоносов	Ломоносова	Ломоносова	Ломоносову	Ломоносовым	Ломоносове
Ломоносова	Ломоносовой	Ломоносову	Ломоносовой	Ломоносовой	Ломоносовой
Ломоносовы	Ломоносовых	Ломоносовых	Ломоносовым	Ломоносовыми	Ломоносовых

Этимологическая информация

Ломонос – известные в старину на Руси названия некоторых растений (жигунец, княжик сибирский) и популярное мирское имя *Ломонос* (названия растений часто использовались в качестве нецерковных имён). Кроме того, имя *Ломонос* могли, например, дать ребёнку, родившемуся 31 января. Этот день в народе называли «Афанасий-Ломонос». Возможно, имя *Ломонос* могло первоначально возникнуть как личное прозвище, например, мужчины со сломанным носом. Интересное значение было отмечено тамбовскими исследователями – «сильный кулачный боец».

Социокультурная информация

Большую известность этой фамилии уже в XVIII веке принёс великий русский учёный, уроженец Поморья Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765), фамилия которого восходит к имени предка. Однако известны случаи присвоения этой фамилии и при иных обстоятельствах. В XVIII–XIX вв. в российских духовных училищах и семинариях ученики, ранее не имевшие фамилий, получали их распоряжением руководства училищ. Особой популярностью пользовались фамилии, которые давались с целью выделить поведение и моральные качества их носителей. В духовной школе было сильно стремление поощрять тех учеников, в которых «открывается к стихотворству свободная жила». Так, в среде будущих священнослужителей возникли фамилии, повторяющие фамилии знаменитых русских писателей XVIII века: *Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Тредиаковский, Карамзин, Озеров, Пушкин, Языков, Баратынский* и другие.

Статистическая информация

Фамилия средней частотности. В Москве проживает более 200 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Как свидетельствуют старинные документы, имя *Ломонос* бытовало у разных этнографических групп русского этноса. Например, в грамоте 1624 года записан Семен Ломонос, зарайский посадский человек. Во времена

Богдана Хмельницкого (1649 г.) среди запорожских казаков упоминаются: Миско Ломонос (Чигиринский полк), Иван Ломонос (Нежинский полк), Миско Ломонос (Черкасский полк). Об этом напоминают и древнейшие записи семейного прозвания Ломоносов. В «Реестре...» записан казак Черкасского полка Богунец Ломоносов [Реестр... 1995]. В других документах упоминаются: в 1682 г. – Анисим Ломоносов, стряпчий Саввино-Сторожевского монастыря [Тупиков 2005: 651]; в 1687 г. – Богдан Ломоносов, помещик в Соловском уезде (близ г. Стародуба) [Дедилов 2005: 752].

Географическая информация

В настоящее время, несмотря на редкость этой фамилии, она встречается в разных регионах России и бывшей Российской империи.

МАТЕРИКОВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от имени *Материк*.

– Матери́ков, Матери́кова, Матери́ковы

– [мьт'ыр'ыко́ф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Матери́ков	Матери́кова	Матери́кова	Матери́кову	Матери́ковым	Матери́кове
Матери́кова	Матери́ковой	Матери́кову	Матери́ковой	Матери́ковой	Матери́ковой
Матери́ковы	Матери́ковых	Матери́ковых	Матери́ковым	Матери́ковыми	Матери́ковых

Этимологическая информация

Слово *материк* имело в старину множество значений, связанных, в первую очередь, с понятием «земля, почва», «целина», «участок», «возвышенное место», «высокий земляной берег». Но появление личного имени *Материк* связано с другим значением этого слова.

Старинное русское прозвище *Материк* восходит к известному с давних времён прилагательному *матёрый*, имевшему множество значений:

«крепкий, здоровый», «бойкий, проворный», «большой, огромный» и даже «лютый», «жестокий». Последнее значение этого прозвища было известно в ярославских говорах даже в начале XX века. Интересно, что *материком* здесь называли и старого большого волка. Вероятно, отсюда и возникло переносное значение – «жестокий». Любопытно, что великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов, будучи уроженцем Подольской губернии, в 1831–1837 гг. учился как раз в ярославской гимназии. Возможно, именно «ярославское воспитание» стало причиной появления в его поэме «Генерал Топтыгин» следующих строк: «Видит – барин материк, «Генерал», – смекает. Поспешил фуражку снять: «Здравия желаю!» Разумеется, *Материком* могли прозвать необычайно сильного, крепкого, бывалого, рослого или же энергичного, вспыльчивого, обладавшего весьма непростым характером человека (таким же образом возникли, например, прозвища *Скорик* и *Быстрик*, т.е. «скорый, быстрый человек», или *Рыжик* и *Рудик*, т.е. «рыжеволосый»).

Социокультурная информация

У жителей Москвы фамилия не имеет общеизвестных денотатов. Но, например, учащимся и преподавателям Череповецкого лесомеханического техникума им. В.П. Чкалова хорошо известна преподаватель информатики Материкова Анжелика Аркадьевна.

Статистическая информация

В Москве фамилия *Материки* единична.

Этнографическая информация

Древние грамоты подтверждают бытование прозвища *Материк* среди северо-восточных (в границах XVII века) групп русского населения. Так, в грамоте 1655 года записан Евтюшка Материк, промышленный человек в Сибири. Это подтверждается и древнейшими упоминаниями образованного от него семейного прозвания: в грамоте 1693 года значится Максимко Материки, вытегорский волостной человек. См. Приложение №1.

Географическая информация

В настоящее время фамилия *Материки* встречается среди жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Самары, Томска, но всюду она очень редка. См. Приложение №1.

ПОЛИЩУК

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Бессуффиксальная фамилия, сохранившая звучание прозвища *Полищук*.

– Полищук

– [пъл'ыш'у́к]

Не изменяется по родам, не имеет формы множественного числа. По падежам данная фамилия склоняется только в том случае, если речь идёт о мужчине:

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Полищук	Полищука	Полищука	Полищуку	Полищуком	Полищукѐ

Этимологическая информация

Полищук или *Полещук* – прозвище выходца из Полесья, местности на юге Белоруссии, севере Украины и западе России, в бассейне Припяти, Среднего Днепра и Десны.

Социокультурная информация

Не только москвичам, но, вероятно, и всем россиянам хорошо известна замечательная русская актриса театра и кино, театральный деятель и педагог, народная артистка Любовь Григорьевна Полищук (1949–2006).

Статистическая информация

Высокочастотная фамилия: только в Москве проживает более 600 семей с этой фамилией.

Этнографическая информация

Сама фамилия указывает на то, что её носители являются потомками представителей особой восточнославянской этнографической общности.

Некоторые исследователи отмечали, например, отличия полесского говора от белорусских и украинских диалектов и даже выделяли их в самостоятельный восточнославянский язык; выделяли жителей Полесья в особую этнографическую группу, отличную и от белорусов, и от украинцев, и от русских.

Географическая информация

В настоящее время фамилия широко распространена во многих регионах бывшей Российской империи, включая Южную Сибирь.

ТАРИВЕРДИЕВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ев* от имени *Тариверди*.

– Таривердиев, Таривердиева, Таривердиевы

– [тър'ыв'ырд'ы'ј'ъф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Таривердиев	Таривердиева	Таривердиева	Таривердиеву	Таривердиевым	Таривердиеве
Таривердиева	Таривердиевой	Таривердиеву	Таривердиевой	Таривердиевой	Таривердиевой
Таривердиевы	Таривердиевых	Таривердиевых	Таривердиевым	Таривердиевыми	Таривердиевых

Этимологическая информация

Имя *Тариверди* – одна из форм древнетюркского имени, которое более известно в форме *Тангриберды* и состоит из двух основ, что означает «Дар Бога». Имена с таким значением известны у других народов мира. Таковы, например, древнегреческие имена, которые в русской традиции передаются как Фёдор и Федот, или древнерусское имя Богдан (буквальное значение «Богом данный»), которое, как полагают учёные, возникло в результате перевода на древнерусский язык этих двух упомянутых ранее греческих имён.

Социокультурная информация

Мировую известность этой фамилии принёс в XX веке выдающийся композитор армянского происхождения Микаэл Левонович Таривердиев (1931–1996).

Статистическая информация

В Москве фамилия *Таривердиев* редка я, менее 20-ти семей.

Этнографическая информация

Фамилия известна у армян, азербайджанцев, у народов Дагестана. Вероятнее всего, сама форма *Тариверди* возникла в говорах огузов – части тюркских народов, к которым принадлежат, например, турки и азербайджанцы.

Географическая информация

Малой родиной фамилии *Таривердиев* являются Закавказье и Северный Кавказ. Но сегодня география распространения данной фамилии не ограничивается этим регионом. Известна она и среди жителей Москвы и Самары, что, вероятнее всего, связано с переселениями семей в последние два столетия.

ФОРОВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от имени или прозвища *Форый*.

– Форов, Форова, Форовы

– [фóраф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Форов	Форова	Форова	Форову	Форовым	Форове
Форова	Форовой	Форову	Форовой	Форовой	Форовой
Форовы	Форовых	Форовых	Форовым	Форовыми	Форовых

Этимологическая информация

Прозвание *Форый* – характерное для южнорусских говоров произношение современного слова *хворый*. Варианты слов и имён с «ф» вместо «хв» и наоборот – широко известное явление в юнорусских говорах: хворост – форост, хвощ – фощ, фартук – хвартук и др. У славян, как и у всех народов, издревле были очень популярными так называемые имена-обереги. Вероятнее всего, прозвище *Форый/Хворый* давалось болезненному человеку. Но оно могло быть дано новорождённому ребёнку в качестве традиционного имени-оберега.

Социокультурная информация

У москвичей фамилия не имеет общеизвестных денотатов среди жителей Москвы. Но российским художникам, а также всем, кто интересуется живописью, графикой и монументальным искусством, хорошо известен читинский художник Владимир Иванович Форов (1931 г.р.), заслуженный художник России. Помимо советских и российских наград, интересно упомянуть и некоторые свидетельства международного признания его таланта: в 1998 году по решению Американского института биографий (США, штат Каролина) ему присвоено звание «Человек года – 98», в 1999 г. – почетное звание «Выдающийся Человек XX века».

Статистическая информация

В Москве фамилия Форов единична.

Этнографическая информация

Древние грамоты подтверждают юго-западное происхождение семейного прозвания *Форов*: в Курской таможенной книге 1642 года упоминается Тимофей Форов, крестьянин. Интересные данные можно получить, если сравнить историческую географию распространения этой фамилии и «восточного» (общерусского) варианта – фамилии *Хворов*. На соответствующей карте (см. Приложение №1) видна отчётливая граница между ареалами их бытования на рубеже XIX–XX столетий.

Географическая информация

В настоящее время география распространения фамилии *Форов*, несмотря на её невысокую частотность, довольно широка. Фамилия встречается в разных регионах России, Украины и Белоруссии.

ХАСБУЛАТОВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от имени *Хасбулат*.

– Хасбулатов, Хасбулатова, Хасбулатовы

– [хасбула́тъф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Хасбулатов	Хасбулатова	Хасбулатова	Хасбулатову	Хасбулатовым	Хасбулатове
Хасбулатова	Хасбулатовой	Хасбулатову	Хасбулатовой	Хасбулатовой	Хасбулатовой
Хасбулатовы	Хасбулатовых	Хасбулатовых	Хасбулатовым	Хасбулатовыми	Хасбулатовых

Этимологическая информация

Имя *Хасбулат* возникло в персидском языке из сложения двух основ: *хас* – «настоящий, чистый» и *булат* – «сталь». Такое имя давалось сыну в качестве пожелания вырасти крепким как сталь, иметь «стальное» здоровье.

Социокультурная информация

Несомненно, самым знаменитым представителем этой фамилии для современных москвичей и всех россиян является Руслан Имранович Хасбулатов, уроженец города Грозного, с 1962 года проживающий в Москве, юрист, доктор юридических наук, публицист и политический деятель, последний председатель Верховного Совета Российской Федерации.

Статистическая информация

В Москве фамилия *Хасбулатов* единична.

Этнографическая информация

Учитывая известность Р.И. Хасбулатова, эту фамилию обычно связывают с чеченским народом. Однако имя *Хасбулат* пришло к народам России с исламом, поэтому, хотя и не является распространённым, оно

присутствует в именнике большинства российских мусульман. Фамилия встречается и у других народов, например, даргинцев.

Географическая информация

Кроме Северного Кавказа и Москвы фамилия *Хасбулатов* известна и среди жителей Татарстана и Башкортостана.

ЧЕРНОПАЗОВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от прозвища *Чернопаз* или *Чернопазый*.

– Чернопазов, Чернопазова, Чернопазовы

– [ч'ърнапáзъф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Чернопазов	Чернопазова	Чернопазова	Чернопазову	Чернопазовым	Чернопазове
Чернопазова	Чернопазовой	Чернопазову	Чернопазовой	Чернопазовой	Чернопазовой
Чернопазовы	Чернопазовых	Чернопазовых	Чернопазовым	Чернопазовыми	Чернопазовых

Этимологическая информация

Чтобы понять исконное значение прозвища *Чернопаз* – «сквернослов», достаточно обратиться к географии распространения этой фамилии. Она восходит к северорусскому глаголу *пазить* – «ругать», «ругаться»; аналогично возник и более распространённый вариант этого прозвища, известный во многих русских говорах, *Чернобай* (от общерусского глагола *баить* – «говорить»).

Социокультурная информация

У москвичей фамилия не имеет общеизвестных денотатов среди жителей Москвы. Но, например, часть женского населения Санкт-Петербурга хорошо знает врача высшей категории, акушера-гинеколога Ирину Владимировну Чернопазову.

Статистическая информация

В Москве фамилия *Чернопазов* единична.

Этнографическая информация

Древние грамоты подтверждают северо-восточное происхождение семейного прозвания *Чернопазов*. В работе «Словарь пермских фамилий» Е.Н. Полякова приводит примеры из древних грамот этого региона: в 1682 г. – Якушко Чернопазов, чердынец; в 1683 г. – Нестерко Чернопазовых; Ефим Тархов сын Чернопазовых, первая половина XVIII века; в 1711 – Влас Васильев сын Чернопазов, житель селения Бондюг [Полякова 2005: 417]. См. Приложение №1.

Географическая информация

На рубеже XIX–XX фамилия *Чернопазов* встречалась, главным образом, на своей малой родине, а также среди жителей Сибири. Интересно, что в списках воинов, награждённых в годы Великой Отечественной войны орденами и медалями, упоминается Федор Манеевич Чернопазов (1917 г.р.), ушедший на фронт из Черниговской области. Но его появление на Черниговщине, вероятнее всего, связано даже не с переселением, а со службой в рядах Красной Армии.

ШАКУРОВ

Структурно-словообразовательная и фонетическая информация

– Фамилия образована при помощи патронимического суффикса *-ов* от имени *Шакур*.

– Шакуров, Шакурова, Шакуровы

– [шаку́рьф]

Именит. п.	Родит. п.	Винит. п.	Дат. п.	Твор. п.	Предл. п.
Шакуров	Шакурова	Шакурова	Шакурову	Шакуровым	Шакурове
Шакурова	Шакуровой	Шакурову	Шакуровой	Шакуровой	Шакуровой
Шакуровы	Шакуровых	Шакуровых	Шакуровым	Шакуровыми	Шакуровых

Этимологическая информация

В основе фамилии *Шакуров* лежит арабское имя *Шакур*, которое в переводе означает «благодарный», «отвечающий на добро и зло». Особой

популярностью в мусульманском мире это имя издавна пользуется по причине того, что является одним из эпитетов Всевышнего.

Социокультурная информация

Наверное, нет в Москве и во всей России человека, который не знал бы, кто такой Сергей Каюмович Шакуров. Этот замечательный актёр родился в Москве в семье профессионального охотника 1 января 1942 года. Возможно, страстный темперамент ему достался от отца-охотника, но не вызывает сомнений, что ни одна его роль не оставляет зрителей равнодушными. Хотя бы уже потому, что каждый его герой всегда достойно и искренне отвечает и на добро, и на зло.

Статистическая информация

В Москве фамилия Шакуров не редкая, на рубеже XX–XXI столетий в ней проживало чуть менее 100 семей.

Этнографическая информация

Имя *Шакур* бытует у всех мусульманских народов. Фамилию *Шакуров* могут назвать «своей» представители разных национальностей, например, татары, башкиры и... русские. Например, в грамоте 1676 года упоминается Емельян Шакуров, причём служивший стряпчим Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря.

Географическая информация

Наибольшая распространённость этой фамилии, несомненно, приходится на республики Татарстан и Башкортостан. Но известна она и среди жителей других областей России.

**ПРИМЕРЫ ОБЪЯВЛЕНИЙ О ПЕРЕМЕНЕ ФАМИЛИИ
ГРАЖДАНАМИ СССР В 30–70 ГГ. XX В.**

Блок №1

ЖЕЛУДКОВ, Василий Никитич, происх. из гр-н Тульской губ., Белевского у., д. Башкина, прож. Москва, Ленинградское шоссе, д. 21, кв. 74, меняет фамилию **ЖЕЛУДКОВ НА БАШКИНСКИЙ**.
Лиц, имеющ. препятств. к перем. фамилии, прошу сообщ. в Мосгуб-бюро Загс, Петровка, 38, зд. 7. 24205

РОСТОВСКИЙ-на-Дону орган ЗАГС сообщ., что брак гр-н **НИКОГДА**,
Ант. Афан. и Марфы Петр., по заявл. супруга, прекр. 27 июня 1927 года, за № 611. Гр-ке Никогда, Марфе Петр., присв. фам. Луганская. 4835

ГР. ХВОСТИК, ГРИГОРИЙ СЕМЕНОВИЧ, происх. из с. Ново-Прокофьевки, Орехов. у., Запорожского окр., меняет фамилию **ХВОСТИК** на фам. **ДНЕПРОВСКИЙ**.
Лиц, им. протес. к перем. фам. прос. сообщ. в Таганрог. окр. ЗАГС с указ. им. отч., фам. и места жит.

Гр-н ШИРОКОБРЮХОВ Николай Дмитриевич, происх. из гр. г. Иркутска, 22 лет, учащийся В. О. Индустриального Техникума, меняет фамилию **ШИРОКОБРЮХОВ** на **АНГАРСКИЙ**.
Лиц, имеющих препятствия к перемене фамилии, просят сообщ. в Отд. ЗАГС Иркутского Адмтдела. 872

Гр-н ШИШ Алексей Дмитриевич, происх. из с. Моровска, 6. Черниг. окр., прож. в г. Добрянке, меняет фам. ШИШ на **ДНЕПРОВСКИЙ**. Отдел ЗАГС, Добрян-ка на Черняговщине.

Гр-н ЯИЧКИН Александр Иванович, проих. из гр-н г. Костромы и гр-ка ЯИЧКИНА (урожд. Пастухова) Софья Михайлов., проих. из гр-н г. Оренбурга, переменяют свою фамилию на фамилию **КОСТРОМСКИЕ.** Лиц и учрежден. имеющ. препятствие к означен. перемене прос. заявить в 2-недел. срок в Администр. Отдел Оренбургского Губисполкома.

Блок №2

Иосиф Моисеевич БЫК, проих. из гр. гор. Сквир, Киевской губ., прожив. Москва, ул. Кропоткина, д. № 40, кв. 77, меняет фамилию **БЫК** на **БЕК.** Лиц, имеющих препятствия к перемене фамилии, просят сообщить в Мосгуббюро ЗАГС, Петровка, 38, зд. 7.

МОЗОЛЬ Михаил Прокофьевич, проих. из с. Новомыльска, Острожск. у., Волын. г., прожив. в Ростов н/Д., меняет фамилию на **МОЗЫЛЕВ.** Ростов на/Д. Ленинский рай-загс.

Блок №3

ГР-Н ДУРНЕВ, Дмитрий Нико-
лаевич, проих. из гр-н г. Курска, прожив. в гор. Борисоглебске, перем. фамилию на **РУДНЕВ.** Лиц, имеющих протесты к перемене фамилии, просят сообщить в Свердловский ЗАГС с указанием имени, отчества, фамилии и местожительства. 2929

Гр-н ПЛЕШИВЫЙ, Филипп Григорьевич, проих. из гр-н с. Кремово, Михайловск. РИКА, меняет фамилию **ПЛЕШИВЫЙ** на **С М И Р Н О В.** Лиц, имеющих протесты к перемене фамилии, просьба сообщ. во Владивостокский Гор. ЗАГС, с указ. имени, отч., фамилии и местожит. 2951

Гр. Захар Федорович, **КОЛБАСА** с семьей, происх. из Донецкой г., Артемовск. окр., Железнянской вол., д. Нелеповка, прож. в Москве, 3-й Троицкий пер., 5, кв. 8, меняет фамилию Колбаса на **КОЛОСОВ**. Лиц, имеющих препятствия к перемене фамилии, прошу сообщить в Мосгуббюро ЗАГС, Петровка, 38, зд. 7. 17611

ДУЛЯ Варфоломей Филиппович, происх. из с. Комарова, Черниг. обл., прож. ст. Тимашевская, мен. имя и фам. на **АЛЕКСЕЙ ШЕВЧЕНКО**. ст. Тимашевская, АЧК, Райзгас.

ГР-Н ДРИЩ, ПЛАТОН САМОНОВИЧ, происх. из гр. Полтавск. губ., с. Великий Бубна, прожив. в г. Краснодаре, переменяет фамилию **ДРИЩ** на **ПЛАТОНОВ**. фам. **ПЛАТОНОВ**.

Лиц, имеющих препятств. к перем. фамилии, прос. сообщ. в кубанский Адмотдел. | 6744

Гр-н **ЗАНУДА**, Николай Андреевич, происх. из гр-н с. Тогул, Бийск. окр., прожив. в г. Ленинске, Кузнецк. окр. (Сибирь), меняет фамил. **Зануда** на **ДОНЦОВ**. Лиц, имеющих протесты к перем. фам., просят сообщать в Кузнецкий Окр. ЗАГС с указанием имени, отч., фам. и местожит. 6745

Блок №4

БЕЗМОЗГИЙ Владимир Михайлович, происх. ст. Бахмач, б. Черниг. г., Конотоп. окр., прож. Ленинград, мен. фам. на **ЛЕНСКИЙ**. Ленинград, Смольн. Райзгас.

ГР-Н БАРАН, Сергей Степанович, происх. из гр. Черниговск. г., Козелецк. у. и в., дер. Ерково, прожив. в г. Рыбинске, пр. Ленина, д. № 146, кв. 3, переменяет фамилию Баран на фамил. **БАРАНОВ**. Лиц, имеющих протесты к перем. фамилии, просят сообщ. в Рыбинский Гор. Узгас с указан. имени, отч., фам. и местожит. 5245

Гр-н ГУБА **ИВАН**
АКИМОВИЧ,
1900 г. рождения, происх. из гр-н
с. Большой Лепатики, Мелитополь-
ского окр., Екатеринославск. губ.,
переименовывает фамилию Губа на
фамилию Губинский. Лиц, имеющ.
препятствия к перемене фамилии,
просят сообщить Севастопольскому
райзаге. 2707